

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Проскурина Анна Вячеславовна

КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕДАЧА КАК ФОРМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО
ТРАНСФЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ VII-XI ВВ. И
ТЕКСТОВ БИБЛИИ)

Специальность 10.02.04.– германские языки

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор С.Г. Проскурин

Новосибирск – 2015 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕДАЧА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ.....	14
1.1. Дихотомии, или двойственности, в языке.....	14
1.2. Перенос информации во времени и пространстве. «Коммуникация–передача» как принципиально новый вид культурно-исторической дихотомии.....	20
1.3. Совместимость понятий «коммуникация» и «передача».....	31
1.4. Древнеанглийская традиция и ее памятники в аспекте рассмотрения культурно-исторической дихотомии «коммуникация–передача».....	34
1.5. Роль формул и клишированных выражений в рамках коммуникации и передачи в аспекте трансляции информации.....	40
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	50
ГЛАВА II. КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНЕЙНОГО ТЕКСТА И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ.....	52
2.1. Взаимосвязь семиотических аспектов коммуникации и передачи информации (на материале древнеанглийской поэмы «Видение Креста» («The Dream of the Rood») и монументальной надписи на Рутвельском кресте (The Ruthwell Cross).....	52
2.2. Жанр тулы в аспекте передачи информации (на материале рукописей «Англосаксонских хроник» и древнеанглийской поэмы «Видсид»).....	66
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	86
ГЛАВА III. ФОРМУЛЬНОСТЬ И КЛИШИРОВАННОСТЬ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ И	

ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСЕЙ «АНГЛОСАКСОНСКИХ ХРОНИК» И «БИБЛИИ КОРОЛЯ ЯКОВА»)	88
3.1. Базовая, или адаптированная формула «Англосаксонских хроник».....	89
3.2. Формульные и клишированные выражения группы «Власть».....	94
3.2.1. Формульные и клишированные выражения подгруппы «Королевская власть».....	94
3.2.2. Формульные и клишированные выражения подгруппы «Власть духовенства»	101
3.3. Формульные и клишированные выражения группы «Вера».....	112
3.4. Формульные и клишированные выражения группы «Сражения».....	114
3.5. Формульные и клишированные выражения группы «Смерть».....	119
3.6. Формульные и клишированные выражения группы «Природные катаклизмы».....	131
3.7. Коммуникативное расширение библейских формул и их передача в традиции.....	138
3.7.1. «Тип А». Одна формула – два или несколько смыслов. Идиоматизация	140
3.7.2. «Тип Б». Лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры. Синонимизация.....	146
3.7.3. «Тип В». Порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам.....	149
3.7.4. «Тип Г». Описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом.....	152
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III.....	154

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
СЛОВАРЬ ФОРМУЛ / КЛИШЕ «АНГЛОСАКСОНСКИХ ХРОНИК».....	160
СЛОВАРЬ ФОРМУЛ/КЛИШЕ «БИБЛИИ КОРОЛЯ ЯКОВА».....	162
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	164
СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ.....	185
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ.....	185

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению вопросов коммуникации и передачи информации во времени и пространстве преимущественно на материале древнеанглийских памятников VII-XI вв. и переводов Библии, главным образом XVII в., рассматриваемых в аспекте изменчивости формул и клише в английской традиции. Анализ дополняется адаптациями формул и цитатами из современных текстов Великобритании и США.

Интердисциплинарное изучение лингвокультурного трансфера способствовало рассмотрению актуальной постановки вопроса о присутствии дихотомии «коммуникация–передача» [Дебре 2010] в дополнение к уже открытой дихотомии «синхрония–диахрония» [Соссюр 1977]. Вероятно, это связано с тем, что в рамках подхода Ф. де Соссюра к языку как к дуальной системе разумно предположить, что коммуникация, т.е. перенос информации в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, и содержательный аспект передачи информации – перенос информации во времени, также являются следствием ориентации высказывания, соответственно, на сиюминутное и вечное.

В рамках медиологии – науки, оформленной в трудах французского ученого Р. Дебре, коммуникация обладает определенной социально-культурной базой, в ее основе лежит межличностная психология. Передача информации, по сравнению с коммуникацией, обладает исторической базой, и в ее основе находится некое техническое оснащение, материальный носитель (см.: [Дебре 2010: 33]). Под понятием «передача» подразумевается негенетическая форма передачи информации между поколениями носителей языка.

Коммуникативный аспект является непосредственной функцией языкового знака, тогда как аспект передачи более ориентирован на когнитивные измерения языков и культур. Иными словами, чтобы быть

переданным, языковой знак должен иметь когнитивные опорные конструкции. Например, в данной работе, как будет показано ниже, в качестве примеров таких конструкций представлены аллитерационные связи имен собственных в поколениях древних германцев.

Несмотря на явное разграничение понятий «коммуникация» и «передача», они, подобно понятиям «синхрония» и «диахрония», неразрывно связаны между собой, поскольку только на основе «синхронии–коммуникации» возможно осуществление связи «диахронии–передачи». «Синхрония–коммуникация» является предшественницей «диахронии–передачи», так как для того чтобы осуществить передачу информации во времени, необходимо сначала осуществить коммуникацию. «Тот или иной естественный язык, к примеру, может анализироваться как средство коммуникации, позволяющее живым собеседникам способствовать их взаимопониманию. Но у этого языка есть еще и функция передачи, которую берет на себя в особенности его графика (латинский и кириллические алфавиты, китайские идеограммы, корейский хангыль и т. д.), в том, что конденсируя коллективную память той или иной исторической группы, она увековечивает некую «базовую идентичность», общую всем, кто использует родной язык – систему значений, позволяющую определенной группе живых почувствовать «общность сопринадлежности» с прошлым, ушедшим. В первом случае – берутся интеракции между индивидами; во втором, с диахронической точки зрения, интеракции между поколениями. Но речь будет идти об одном и том же языке» [Дебре 2010: 15].

Актуальность данного исследования определяется следующими факторами:

- общим интересом современной семиотики и языкознания к негенетическим формам передачи информации;
- недостаточной изученностью вопроса об осуществлении трансляции информации во времени и пространстве в историческом аспекте. В частности, в эпоху перехода от языческой картины мира к христианской,

повлекшего за собой смену культурных представлений, так или иначе отразившихся в текстовых памятниках;

- особой ролью формульных и клишированных выражений как основных средств передачи информации во времени и пространстве;

- значением ономастического аспекта как особого знака, несущего базовую смысловую нагрузку;

- общей тенденцией современных исследований к изучению и описанию форм лингвокультурного трансфера;

- закрепившимся в современной лингвистической теории стремлением к выделению коммуникативного и когнитивного аспектов языка. Данные аспекты языка формируют контуры культурно-исторической дихотомии «коммуникация–передача». Когнитивный и коммуникативный аспекты взаимосвязаны, их трудно разграничить. Однако благодаря выявлению данной дихотомии можно определять доминантные функции языкового знака.

Объектом исследования является культурно-историческая дихотомия «коммуникация–передача», взятая в корреляции с дихотомией «синхрония / диахрония» и рассматриваемая в аспекте англосаксонской письменной культуры.

Предметом исследования являются лингвистические, семиотические и культурологические принципы трансляции информации в рамках англосаксонской традиции: коммуникация в синхронии и передача в диахронии.

Целью исследования является анализ культурно-исторической дихотомии «коммуникация–передача» как формы лингвокультурного трансфера. Такой подход к материалу позволил определить более конкретные исследовательские **задачи**:

- проанализировать перенос информации во времени и пространстве посредством культурно-исторической дихотомии «коммуникация–передача» с позиции интеракции;

- описать особенности древнеанглийской традиции и ее текстовых памятников эпохи перехода древних германцев от язычества к христианству в аспекте трансляции информации в рамках одного пространственно-временного континуума и между поколениями;
- рассмотреть сущность ономастического аспекта в англосаксонской картине мира;
- выявить и определить роль формул и клишированных выражений в аспекте сохранности негенетической информации.

Теоретическую базу исследования составили концепции, изложенные в трудах зарубежных и отечественных ученых в области семиотики (Р. Барта, Ф. де Соссюра, Ю.С. Степанова, Н. Лумана, Ю.М. Лотмана, Ж.Пиаже, Ч. Пирса, Р. Якобсона С.Г. Проскурина), древнегерманских языков и литературы (О.А.Смирницкой, Н.Ю. Гвоздецкой, Т.В. Гимона, З.Ю. Метлицкой), общей лингвистики (Д. Кристала, Н.А. Слюсаревой, О.А. Лаптевой, Н.В. Иванова, К.Г. Крушельницкой), философии (Э. Лича, Дж. Остина), теории информации (Д. Глика) и формирующейся дисциплины – медиологии (Р. Дебре).

Материалом исследования послужили поэма «Видение Креста» (155 строк), монументальная надпись на Рутвельском кресте (20 строк), поэма «Видсид» (144 строки), «Англосаксонские хроники» (рукописи *A, B, C, D, E, H*), общим объемом 1510 погодных записей, «Библия короля Якова» (1291 страница), Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (по благословлению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II) (1296, XXXII с.). В качестве иллюстративного материала привлекались данные корпуса английского языка (BYU-BNC: British National Corpus; COCA: Corpus of Contemporary American English) и переводы Библии на английский язык (Bible Hub. Online. Bible Studi suite).

Общая цель и задачи исследования определяют комплексный характер используемых **методов** исследования, которые включают описательный, структурный, сопоставительный и концептуальный анализ текстовых

памятников; метод классификации при выявлении и описаний тул, формул и клише. В работе использовались также индуктивный, дедуктивный, историко-семиотический, когнитивно-семиотический методы и метод филологического анализа текстов. При анализе материала используются семасиологический и ономазиологический подходы.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- определены формы лингвокультурного трансфера в рамках англосаксонской традиции;
- показано на примере жанра тулы особое значение ономастического аспекта в англосаксонской традиции;
- выявлена экспликация коммуникативной функции языка, взятой по отношению к формам его лингвокультурного трансфера. Отмечается, что формы изменчивости языка имеют ограничительные структуры, и их мутации укладываются в определенные алгоритмы;
- предложен четвертый тип мутации, основанный на замене лексемы в контексте формульного или клишированного выражения с одним и тем же предикатом без сохранения культурного нексуса;
- определен словарь формульных и клишированных выражений рукописей «Англосаксонских хроник» и «Библии короля Якова».

Настоящее диссертационное исследование подтверждает **гипотезу** о том, что теория лингвокультурного трансфера в аспекте англосаксонской традиции предстает культурно-специфичной, обусловленной, в частности, жанром тулы, типами изменчивости формульных/клишированных выражений, а также отражением в текстовых памятниках смены языческой картины мира христианской.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке новой научной идеи в области трансляции информации в англосаксонской традиции. Так, было выявлено, что структура жанра тулы более сложная, чем считалась ранее, так как имена взаимодействуют в синтагматике (как имена собственные) и в парадигматике (с названиями англосаксонских королевств и

племен). Показано, что языческий образ мирового дерева более важен с точки зрения коммуникации, а не передачи информации в поколениях, поскольку он способствует пониманию христианской картины мира на базе языческой и в рамках определенного отрезка времени. Описаны и проанализированы формульные и клишированные выражения «Англосаксонских хроник», выявлены опорные формулы/клише «Англосаксонских хроник» (общим числом 45) и опорные формулы «Библии короля Якова» (общим числом 14). Показаны языковые алгоритмы коммуникации и передачи информации как формы лингвокультурного трансфера в виде типов изменчивости формульных и клишированных выражений: «тип А», «тип Б», «тип В», «тип Г».

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов и выводов в курсах по общему языкознанию, истории английского языка и культуры, введению в германскую филологию. Теоретические положения исследования и фактический материал могут быть использованы при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Результаты проведенного исследования нашли отражение в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. Поэма «Видение Креста» («The Dream of the Rood») и монументальная надпись на Рутвельском кресте (The Ruthwell Cross) являются текстами с уникальной формой хранения информации в синхронном (коммуникация) (распространение христианства, смена центрального космического символа) и диахроническом (передача) аспектах (современный адресат истолковывает данные тексты как матрицу христианского движения, так как из поколения в поколение передается и будет передаваться информация о самопожертвовании Христа).

2. Жанр тулы ориентирован на вечные фундаментальные ценности, поскольку имеет отношение к коллективной памяти. Имена в тулах

взаимодействуют в синтагматике и парадигматике, а это, в свою очередь, означает, что структура тул более сложная, чем считалось ранее, поскольку они также коррелируют по линии тотем – этноним в коммуникативном плане и в плане передачи.

3. Особенной отличительной чертой англосаксонских текстовых памятников является использование формульных и клишированных выражений в качестве опорных конструкций.

4. Анализ формульных и клишированных выражений показывает, что вариативность трансформаций формул и клише в англосаксонской традиции ограничена четырьмя типами изменчивости: «тип А» (одна формула – два или несколько смыслов), «тип Б» (лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры), «тип В» (порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам), «тип Г» (описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом).

Апробация работы: основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на научных и научно-методических семинарах кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета; ежегодных научных сессиях НГТУ в 2013–2015 гг.; на конференции «Наука. Технологии. Инновации. Всероссийская научная конференция молодых ученых» (Новосибирск, 2012); на научной сессии НГТУ «Лингвистика и межкультурная коммуникация» (Новосибирск, 2013); на всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Кемерово, 10–11 окт. 2013 г.); на II всероссийской научной конференции памяти академика Юрия Сергеевича Степанова «Изменчивый «образ языка» в науке и искусстве» (Новосибирск, 2015); на IV международной научно-практической конференции «Социальные коммуникации и эволюция обществ» (Новосибирск, 2013); на V международной научно-методической конференции «Межкультурная

коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Новосибирск, 2014); на II Международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (Барнаул, 2014 г); на IX (41) международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» (Кемерово, 2015); на VI Международной научно-методической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты» (Новосибирск, 2015); на V Международной научной конференции «Современное общество и социальное развитие: проблемы и перспективы» (Москва, 2014); и отражены в 18 публикациях, в том числе в 5 статьях рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК, общим объемом 12,6 печатных листов, и в коллективной монографии (Культурные трансферы: проблемы кодов [Текст]: коллект. моногр. / С.Г. Проскурин, А.С. Центнер, О.В. Хоцкина, М.А. Ивлева, Б.М. Клейман, А.В. Проскурина [под ред. С.Г. Проскурина]. – Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015. – 224 с.).

Структура диссертации: Работа общим объемом 187 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, словаря формул/клише «Англосаксонских хроник», словаря формул/клише «Библии короля Якова», библиографического списка (183 работы, из них 141 на русском, 42 на английском и немецком языках), списка анализируемых источников и их переводов, списка словарей и справочных изданий.

Во **введении** обозначается актуальность, объект, предмет, цель, задачи, методы и материал исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, раскрывается структура и содержание работы, сообщается об апробации.

В **первой главе** «Коммуникация и трансфер как лингвистические проблемы» анализируются дихотомии языка и речи, описывается особенность древнеанглийских текстовых памятников, поясняются языковые алгоритмы древнейших и современных кратких текстов.

Во **второй главе** «Коммуникативные аспекты линейного текста и способы передачи информации во времени и пространстве» рассматривается взаимосвязь семиотических аспектов коммуникации и передачи информации на примере древнеанглийской поэмы «Видение Креста» и монументальной надписи на Рутвельском кресте. Анализируется жанр тулы в аспекте передачи информации на примере «Англосаксонских хроник» и древнеанглийской поэмы «Видсид».

В **третьей главе** «Формульность и клишированность древнеанглийских кратких записей как семиотический аспект передачи информации (на материале «Англосаксонских хроник» и «Библии короля Якова»)» представлен детальный анализ опорных конструкций (языковых алгоритмов), используемых в «Англосаксонских хрониках», также анализируются библейские формулы и их адаптации в современных английских текстах.

После каждой главы следуют выводы. В заключении излагаются основные выводы по результатам проведенного диссертационного исследования, намечаются возможные перспективы их применения.

ГЛАВА I КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕДАЧА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Дихотомии, или двойственности, в языке

В современной лингвистике актуальна постановка вопроса о наличии культурно – исторической дихотомии «коммуникация–передача» в дополнение к уже ранее открытой, такой как «синхрония–диахрония», предложенной в лекциях Фердинанда де Соссюра в Женевском университете в 1907–1911 гг.

Синхроническое явление (от греч. *sýnchronos*) представляет собой отношение между одновременно существующими элементами, диахроническое явление (от греч. *diá* – «через, сквозь» и *chrónos* – «время») – замену во времени одного элемента другим в процессе языкового развития [Соссюр 1977: 116].

Для представления новой дихотомии «коммуникация–передача», а с такой постановкой вопроса выступил Р. Дебре (см.: [Дебре 2010]), оказывается существенным рассмотрение и принятие во внимание двойственности в строении языка, отмеченной Ф. де Соссюром. Так, в языковой программе он определил следующие дуальности: «статическая / эволюционная лингвистика», «язык / речь», «изменчивость / неизменчивость», «синтагматические отношения / ассоциативные отношения» (иначе, «парадигматические отношения»).

«Все диахроническое в языке является таковым лишь через речь. Именно в речи источник всех изменений; каждое из них, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым числом говорящих» [Соссюр 1977: 131]. Ф. де Соссюр приводит следующую схему, отражающую проявление синхронии и диахронии посредством языка:

Рис. 1 «Реализация синхронии и диахронии через язык»

(Рис. приводится по: [Соссюр 1977: 131]).

Язык представляет собой не прямой продукт деятельности ($\epsilon\rho\upsilon\omicron\nu$), а саму деятельность ($\epsilon\nu\acute{\epsilon}\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$). Иными словами, язык является всей совокупностью актов речевой деятельности. Язык включает в себе потенциальные речевые акты, а речь, в свою очередь, актуализирует языковые потенции.

Дихотомия «язык–речь» заключается в следующих понятиях: язык является готовым продуктом, который пассивно регистрируется говорящим; язык не подразумевает преднамеренность, и намеренно в нем проводится только классифицирующая деятельность. Язык представляет собой речевую деятельность минус речь. Он эволюционирует лишь под воздействием того, что может повлиять на смысл и звуки. Язык, будучи семиотическим явлением, не существует вне общества. Непрерывность подразумевает модификацию, иными словами, более или менее существенные сдвиги в соотношениях между означаемым и означающим [Соссюр 1977: 52, 57, 109–111].

Являясь по своей природе воспринимаемым на слух, означающее, как уточняет Ф. де Соссюр (см.: [Соссюр 1977: 103, 155]), развертывается только во времени, оно обладает протяженностью, а протяженность характеризуется одним измерением – линией. Следовательно, означающее наделено линейным характером. Это свойство обнаруживается тогда, когда происходит переход к изображению элементов на письме, замена их последовательности во времени пространственным рядом графических знаков. Слова, соединенные друг с другом, вступают в отношения, которые

основаны на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов одновременно.

Дихотомия «изменчивость–неизменчивость» объясняется следующим: синхрония отображает существующий порядок вещей, она только констатирует состояние; диахрония же приводит к определенному результату, производимому определенным действием. Синхронический аспект сводится только к собиранию от говорящих языковых фактов. Достаточно выяснить, как языковое явление существует в сознании говорящих, для того чтобы убедиться, в какой мере оно реально. Диахронический аспект, в отличие от синхронического, различает две перспективы: 1) проспективную (следующую за течением времени); 2) ретроспективную (направленную вспять).

Синхроническая лингвистика должна заниматься психологическими и логическими отношениями, которые связывают элементы и образуют систему; она должна изучать эти отношения так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием. Диахроническая лингвистика должна заниматься отношениями, связывающие элементы, которые последовательно сменяют друг друга и не образуют в своей совокупности системы. Ф. де Соссюр иллюстрирует дихотомию «изменчивость–неизменчивость языка» [Соссюр 1977: 107, 114, 116, 118, 123, 125, 132] также посредством дихотомии «синхрония–диахрония». Синхронично все то, что относится к статическому аспекту, и диахронично все то, что касается эволюции.

Время, обеспечивающее непрерывность языка с большей или меньшей быстротой, преобразует языковые знаки. Таким образом, можно говорить как об изменчивости, так и о неизменчивости знака. Знак изменяется, его существование не прерывается. Принцип изменения опирается на принцип непрерывности уже лишь потому, что при всяком изменении значительным моментом является устойчивость материала.

Ф. де Соссюр представлял синтагматические отношения как сочетания элементов, выстраивающихся один за другим в потоке речи или в тексте и имеющих протяженность. Ассоциативные отношения (позже названные Л. Ельмслевым парадигматическими), по Ф. де Соссюру, являются разнообразными отношениями, внутри групп, образующиеся в результате ассоциации в памяти слов (вне процесса речи) (см.: [Соссюр 1977: 155]). Ассоциативные (парадигматические) отношения не линейны и не одновременны в потоке речи и / или в тексте. Ввиду того что синтагматические отношения существуют на всех уровнях строения языка, то, следовательно, данные отношения, в зависимости от выбранной единицы анализа, представляют собой часть соответствующей уровневой дисциплины (морфология, фонетика и пр.) (см.: [Бенвенист 1974; Гудавичюс 1987; Коссериу 1963; Новиков 1982; Телия 1981; Уфимцева 1980; Гухман 1981; Шмелев 1973; Щур 1974; Naas 1954]). Синтагматические отношения (*in praesentia*) проявляются в совместной встречаемости единиц, тогда как ассоциативные (прагматические) отношения (*in absentia*) встречаются во взаимоисключении единиц (см.: [Ельмслев 1960; Березин 1968; Головин 1969; Гухман 1981; Шмелев 1973; Климов 1973; Степанов 1975; Блох 1978; Новиков 1982; Marle 1985]).

Письмо в общем рассматривается как целостная семиотическая система, состоящая из синтагматических (последовательность знаков в тексте) и парадигматических (соотношение графических знаков в системе и их расположения в системе относительно друг друга – перечень) отношений (см.: [Proskurin 2009]). Ю.С. Степанов отмечает специфику синтагматики и парадигматики. Она заключается в следующем: «языковая единица, имеющая материальную природу, является в силу этого всегда протяженной. При построении парадигматики нельзя отвлекаться от протяженности элементов и рассматривать их только как элементы оппозиций, как чисто оппозитивные сущности. Будучи протяженным, языковой элемент входит в парадигматике в иерархические оппозиции, а в синтагматике соответствует не просто месту

в речевой цепи, но месту определенной протяженности. Протяженность присутствует, таким образом, как в синтагматике, так и в парадигматике, и этим определяется то их понимание, о котором говорится в новой формулировке постулата» [Степанов 2003: 302–303]. Как будет описано ниже (см. 1.5. Роль формул и клишированных выражений в аспекте трансляции культурной информации), коммуникативные сообщения связаны с развертыванием контекста в синтагматике, тогда как передача информации во времени и пространстве опирается на парадигматику.

В статической эволюционной лингвистике разграничиваются оси одновременности и последовательности, где АВ – ось одновременности, которая касается отношений между сосуществующими явлениями, в которых исключено вмешательство времени; CD – ось последовательности «на которой никогда нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» [Сосюр 1977: 113]:

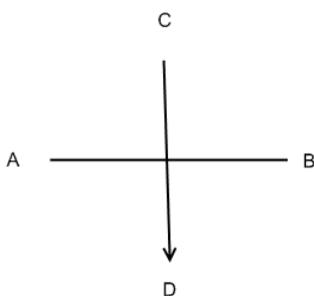

Рис. 2. Дихотомия синхрония / диахрония

Следовательно, ось АВ представляет собой ось коммуникации, а ось CD – ось передачи информации. Передача представляет собой непрерывность трансляции информации во времени и пространстве, нацеленной на увековечивание ценных данных. Коммуникация, в свою очередь, это прерывность трансляции информации, так как она направлена лишь на современного получателя. Таким образом, наряду с дихотомиями «синхрония–диахрония», «изменчивость–неизменчивость», «прерывность–непрерывность» и «язык–речь» обнаруживается культурно-историческая

дихотомия «коммуникация–передача» как форма лингвокультурного трансфера. Лингвокультурный трансфер представляется нами как перенос информации во времени, который рассматривается двояко: сиюминутный перенос информации является коммуникацией, тогда как перенос информации в условиях разных поколений представляет собой передачу.

Дихотомия, предложенная Р. Дебре, представляет собой дихотомию особого порядка – культурно-историческую, поскольку связана не со свойствами языка и его структурой, а с его функцией. Коммуникация реализуется в синхронии, она направлена на актуальность и скорость передаваемого сообщения, нацеленного на современного получателя. При коммуникации осуществляются прагматические связи между индивидами. Ее период релевантности – это современная эпоха. Как отмечает Р. Дебре (см.: [Дебре 2010]), с термином «коммуникация» ассоциируются следующие термины: «мнения», «консенсус», «аудитория», «убеждения», «впечатление», «публичность», «журналистика», «интерактивность» и т. д. По сравнению с коммуникацией, передача реализуется в диахронии, она направлена на вечность. При передаче осуществляются связи через поколения. Ее период релевантности – это все эпохи. Термины, ассоциирующиеся с термином «передача»: «памятник», «наследие», «архивы», «религия», «идеология», «образование», «достояние», «вступление в члены» и т. д. Коммуникативный аспект языка соположен с трансляцией информации во времени, т. е. с передачей, или трансфером. Коммуникация и передача изучаются в рамках медиологии, научной дисциплины, предложенной Р. Дебре, рассматривающей средства, которые позволяют переносить информацию во времени и пространстве.

1.2. Перенос информации во времени и пространстве.

«Коммуникация–передача» как принципиально новый вид культурно-исторической дихотомии

Любой язык – средство *коммуникации*, позволяющее собеседникам прийти к взаимопониманию, вдобавок он наделен функцией *передачи* информации в поколениях. Функция передачи, будучи функцией языка и когнитивной системы, увековечивает «некую базовую идентичность», общую для всех тех людей, кто использует родной язык, и позволяющую потомкам почувствовать принадлежность к предкам, накапливая при этом коллективную память той или иной исторической группы. К понятию «коммуникация» относится перенос информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, а к термину «передача» – все, что имеет отношение к динамике коллективной памяти (перенос информации в пространстве и времени).

Коммуникация обладает определенной социально-культурной базой, в ее основе лежит межличностная психология. Передаче же свойственна историческая база, в основе которой некое техническое оснащение (материальный носитель). Коммуникация является предшественницей передачи, поскольку для того чтобы осуществить передачу информации во времени и пространстве необходимо сначала осуществить коммуникацию. Так, христианская церковь никогда бы не смогла обеспечить передачу (из поколения в поколение) евангельской вести, если бы Христос не осуществлял коммуникацию со своим окружением. Стоит заметить, что переход от коммуникации к передаче означает смену хронологической шкалы, ведь перенос сообщения, взятый в большой длительности, приводит к преобразованиям. Средство переноса информации может быть само трансформировано тем, что оно переносит, поскольку язык является таким средством, которое служит, как отмечает Р. Дебре [Дебре 2010: 14–18, 30, 161–162], внутренним вектором доктрины. Христианское сообщение было

четко разработано и структурировано культурными средами, сквозь которые и прошло данное сообщение и которые прошли сквозь него.

Таким образом, коммуникация, по Р. Дебре, представляет собой перенос информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, т. е. трансляция сообщений в некий заданный момент настоящего времени. Если описывать коммуникацию с точки зрения масштаба времени, то она представляет собой синхронию (одновременность «вопроса» и «ответа»), актуальность (адресант, обращающийся к адресату, строит свое сообщение на основе актуальных событий) и скорость (определяемая тем, что адресант и адресат находятся в одной и той же пространственно-временной сфере, в современной эпохе). Например, сообщение, адресованное депутату, опубликовано в некой информационной сети. Это способствует немедленному ответному действию и депутата и его подчиненных.

Культура невозможна без коммуникации: через сложную взаимосвязь культурных событий осуществляется перенос информации теми, кто в этих событиях участвует (см.: [Лич 2001: 8]).

Передача же является переносом информации между различными пространственно-временными сферами. Иными словами, передачей является сообщение, имеющее отношение к динамике коллективной памяти. Передача представляет собой диахронию, отпечаток (с помощью материального носителя осуществляется связь между адресантом и адресатом) и вечность (благодаря связям через поколение возможен исторический горизонт передачи, направленный на инвариант накопления, на все эпохи). Поскольку без материализации нет увековечения, то для целей передачи лучше всего подходит не языковое сопровождение, а когнитивный сценарий, опирающийся на кумулятивную функцию.

Под понятием «передача» подразумевается перенос информации из поколения в поколение, и пока реализуется цикличность передачи, живут наши ценности и наша культура. Люди, как отмечает Р. Дебре, намеренно

передают и увековечивают как раз «наиболее ценное для них», при этом проецируя себя в общее будущее (см.: [Дебре 2010: 15, 29, 50]). Идея передачи информации находит свое отражение в древнейшей германской поэтической традиции, в жанре тулы (аллитерационное перечисление имен). Структура тулы создается на идее цикличности, определяемой длительностью человеческой жизни. Цикличность же равна эпохе, или др.-исл. «verold» / др. англ. «weorold» («мир»). «Verold / weorold» («человек + время») включает в себе два взаимосвязанных плана: поколение (возраст) и большой космический цикл (эпоха). Содержанием тулы заключалось в гениалогическом перечислении имен. Такая хронологическая последовательность создавалась по нарастающей (А+Б+В+...). Повествование начиналось со времени создания тулы и возводилось к древнегерманскому божеству Одину (Woden):

«Cynric Cerdecing, Cerdic Elesing,

Elesa Esling, Elsa Gewising,

Gewis Wiging, Wig Freawing,

Freawine Fridugaring, Fridugar Bronding,

Brond Baeldaeging, Baeldaeg Wodening» [Проскурин 2005: 73].

Информация о жизни общества хранилась в подобных списках и передавалась из поколения в поколение. Как будет показано ниже, подобные тулы коррелировали не только с именем древнегерманского верховного божества, но и соотносились по линии «тотем-этноним». Существовали определенные законы передачи информации в синтагматике и парадигматике тулы (см. Глава II).

Потребность в обмене информацией была, есть и будет присуща человеку всегда. За всю историю человечества было перепробовано множество способов сохранения устных и письменных свидетельств о жизни, культуре, о том, что волновало, и о том, что хотелось передать своим потомкам (см.: [Белкина 2012а, Белкина 2012б]). Так или иначе, любое послание (устное или

письменное) характеризуется наличием определенных компонентов, как то (см.: [Якобсон 1985: 81]):

- источник информации,
- его начальный адресат и адресант,
- среда передачи нужной информации.

«Адресант → Контекст → Адресат»

Сообщение

Код

Адресант посылает сообщение адресату, а для того, чтобы сообщение выполнило свои функции, необходим контекст. Контекст должен восприниматься получателем и быть либо вербальным, либо допускать вербализацию. Контекст является физическим каналом и психологической связью между адресантом и адресатом, который обуславливает возможность установить и поддержать коммуникацию. Код является практически общим для адресата и адресанта (см.: [Там же]).

«Код (франц. code, от лат. codex – свод законов) является системой условных знаков (символов) для передачи и хранения (запоминания) различной информации. Конечная последовательность кодовых знаков называется словом» [БСЭ т. 12: 369]. В самом языке заложены определенные параметры, которые позволяют интерпретировать значения и реконструировать данности минувших эпох. Благодаря кодам индоевропейской культуры, которые сходны в культурах и понятны говорящим в течение длительного времени, любое языковое сообщение может быть воспринято и понято во времени и пространстве [Проскурин 2005: 110]. Иными словами, сохранность кодов в традиции обеспечивается именно кумулятивной функцией языка в культуре.

Информационное содержание не меняется ни в объеме, ни качественно, т.е. адресат декодирует текст и получает исходное сообщение. Текст в данном случае предстает «технической упаковкой» сообщения, к которому имеет интерес получатель (см.: [Лотман 1996: 11–13]).

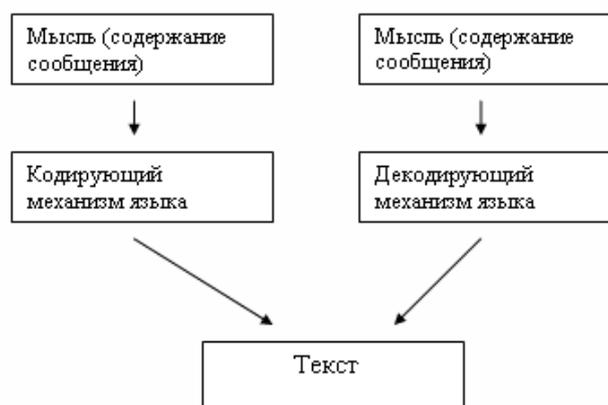

Рис. 3. Логическая последовательность получения сообщения (Рис. приводится по: [Лотман 1996: 12]).

Следовательно, цель адресанта – качественно донести некое сообщение адресату. Однако, согласно рисунку 3, семиотическая система будет работать правильно только при условии, если полученное сообщение будет полностью идентично отправленному адресантом. Необходим ряд условий, который в естественной ситуации практически невозможен, чтобы сложное сообщение было воспринято адресатом с безусловной идентичностью. Например, необходимо, чтобы в семиотическом отношении отправитель и получатель сообщения использовали бы идентичные коды, ведь код включает в себя определенный двумерный набор правил шифровки и дешифровки сообщения. Язык предшествует сообщению, поэтому адресат в первую очередь определяет по сигналам, каким из известных ему кодов зашифровано адресованное сообщение; и только после этого получатель, как отмечает, Лотман Ю.М., начинает его «читать» [Лотман 1996: 13–14, 18].

Общение с собеседником является единством, состоящим из сообщения, информации и понимания. Под информацией обычно понимается новость, которая провозглашает некий подлинный или вымышленный факт или некое подлинное или вымышленное событие с помощью слов, звуков или доступных публике образов (см.: [Дебре 2010: 324]). Информация же представляет собой совокупность сведений о предметной деятельности

объектов, рассматриваемых с точки зрения передачи данных сведений во времени и пространстве. Информация наделена тенденцией к изменению в пространстве и времени, поскольку она отражает общественные отношения и выполняет нормативно-оценочную функцию общественного сознания. По мнению В.А. Игнатова, «сообщение – это информация, выраженная в определенной форме и предназначенная для передачи от источника к пользователю (потребителю информации)» [Игнатов 1991: 5].

Как отмечает Н. Луман, если устной коммуникации присуще произведение сообщения, информации и понимания в ходе одновременных операций, то при письменной коммуникации сообщение и понимание разделяются временными дистанциями, которые должны рефлексироваться. В данном случае сообщению предстоит пониматься и анализироваться не сейчас, а позднее, не по мере его собственного развертывания, а сообразно мере позднейшего читательскому интересу. Так и для понимания сообщения оказывается важной встречная рефлексия, а именно то, что адресант имел в виду некое будущее, для адресата это уже стало прошлым (см.: [Луман 2005]).

Система человеческой коммуникации строится двумя способами. В первом случае есть заданная информация, транслирующаяся от адресанта к адресату, и постоянный (в пределах всего коммуникативного акта) код. Во втором же случае происходит увеличение объема информации, где вводятся новые коды. Художественные тексты связаны с обоими каналами, из этого следует, что жанры ориентированы на восприятие текстов как сообщений или кодов. В таких текстах ориентир на общую память автоматически исчезает из коммуникативной функции и обретает значимость художественного элемента (то есть становится свободным). Говоря о поэтическом тексте, стоит заметить, что он образуется за счет «качания» структур: тексты, созданные в канале «Я – Он», действуют как автокоммуникации и наоборот: тексты превращаются в коды, коды становятся сообщениями. В свое время Р.О. Якобсон (см.: [Якобсон 1975;

1985]) подчеркивал, что поэтический язык характеризуется особой концентрацией степени иконичности, а слово в письменной речи резонно более иконично, нежели в устной. Законы построения художественного текста являются законами построения культуры, поскольку сама культура рассматривается как сумма сообщений. Синхронная передача по двум коммуникативным каналам присуща и культуре. Канал «Я – Он» настроен на передачу информации при сохранении постоянства ее объема, а канал «Я – Я» направлен на возрастание информации. Культуры, которые нацелены на сообщения, носят более динамичный характер, они дают быстрый прирост знаний и увеличивают число текстов. Отрицательной стороной при этом является резкое разделение людей на передающих и принимающих. Культуры же, нацеленные на автокоммуникацию, развивают большую духовную активность, при этом, они менее динамичны. Наиболее жизнестойкими системами являются те, в которых не происходит безусловной победы какой-либо одной структуры [Лотман 1996: 36–45, 90, 97, 347].

Отдельный коммуникативный акт возможен только в сети коммуникации в виду того, что его нельзя помыслить как однократное событие (см.: [Луман 2007: 116]). Следовательно, осуществляя коммуникацию между собой, люди невольно создают социальные сети. Моделирование отношений в социальной сети возможны на базе системы родства. Сильным связям присущи отношения, подобные семейным связям, а слабым связям – межсемейные неродственные отношения. Таким образом, язык и культура имеют тематическую сетевую структуру, представленную в виде сочетания аутооператоров (ценности субъекта культуры, описываемые самим субъектом (*Я утверждаю*)) и метаоператоров (ценности субъекта культуры, описываемые с позиции внешнего наблюдателя (*Он утверждает*)). В виду этого, язык и культура самопроговариваются, порождая смыслы, стоящие за их системами, при помощи которых происходит описание данных систем. При говорении системы смешиваются, и дискурс указывает на то, что сам

объект не одинок в индивидуальном проговаривании. И это свидетельствует о том, что когда мы говорим, мы не одни присутствуем в своей речи [Проскурин 2011: 233]. Сквозь призму аутопоэзиса возможно построение теории коммуникации. Термин «аутопоэзис» (и как варианты «автопоэзис», «аутопоэз», от греч. «αὐτό» («само-») и «ποίησις» («созидание, деятельность»)) возник в 1970-е гг. благодаря чилийским ученым У. Матураны и Ф. Варелы, описавшим его в книге «Аутопоэтические системы» (1975 г.). Данное понятие выражает свойство живых систем самообновляться при функционировании, а также сам процесс такого самообновления [Фещенко 2006: 103]. Такими «живыми системами» являются и биологические организмы, и любые сложные системы, которые способны к постоянному воспроизведению своих компонентов. В качестве этих систем могут выступать культурные образцы, социальные группы и т. п. Каждая из этих систем представляет собой аутопоэтическую организацию, развивающуюся за счет внутренних ресурсов самопроизводства.

Теория аутопоэзиса рассматривает создание каждой системой своих собственных структур, и на этой основе – собственных предпочтений, собственных слов, предложений, которые можно повторять. Н. Луман отмечает, что коммуникация как аутопоэтическая система в такой степени релевантна и постоянна для того, чтобы возникнуть в различных ситуациях, будь то политическая агитация или военное время, поскольку всегда будет возможность прокомментировать это. Даже если предположить, что большая часть населения исчезла бы, то все равно, оставшиеся жители по-прежнему бы обсуждали произошедшее. По своей природе коммуникация – чрезвычайно устойчивое, а благодаря аутопоэзису, и эластичное изобретение эволюции (см.: [Луман 2007: 113, 140, 288]).

Аутопоэтическая система коммуникации подразумевает поиск генеративных источников коммуникации в рамках самой системы коммуникации. В свою очередь, коммуникация (обладающая аутопоэтической природой) достраивается в процессе актуализации и

трактуются как метапостроение. Метасистемность конструкций «Он утверждает», «Она утверждает» характеризует коммуникацию как метапостроение. Метасистемы способны порождаться аутосистемами и наоборот. Аутопоэтическая организация характеризуется константностью самовоспроизводства (см.: [Проскурин 2010: 341–343]). Коммуникация связывает адресата с адресантом, она может примыкать только к себе самой и реагировать на саму себя. Общество может регулировать свои коммуникации лишь посредством коммуникаций. Коммуникация по своей природе тотальна, поскольку базируется на сознании. Сознание воспринимает чувственно, а функционирование устной или письменной коммуникации предполагает именно чувственные элементы.

При письменной коммуникации метакоммуникация становится избирательной в виду того, что указания на текст и на контекст должны вводиться особо, причем не существует какого-либо социального ожидания понимания. В данной ситуации ожидаемой является непосредственно сама информация, и чтение прекращается тогда, когда это ожидание остается неудовлетворенным слишком долго. Еще одной немаловажной особенностью письменности является предоставление возможности транслировать устную коммуникацию в письменные тексты. Следует также упомянуть, что письменная культура повышает риск самообмана и введения в заблуждения других в виду того, что она включает интеракционный контроль [Луман 2005: 82–84, 103, 109]. «Письменность сжимает, чтобы накапливать, конденсирует, чтобы сохранить. Когда мы хотим сохранить некое тело, из него нужно выжать воду. Осушение чувственного (значащая абстракция) сводит его к умопостигаемому – которое может вставляться, сохраняться и перемещаться» [Дебре 2010: 129]. Таким образом, благодаря введению письменности стало возможным транспортирование и увековечивание информации в пространстве и времени.

Массовое распространение книг явилось ключевым событием, которое разрушило века господства устной коммуникации (см.: [Назарчук 2009: 14]).

Письменность появилась на заре истории, а сама история начинается с письменности, без которой человечество бы не узнало о событиях, произошедших в прошлом. Письменность выполняет функцию сохранения информации во времени и пространстве. До появления письма коммуникация была локальной и недолговечной. Речь была призрачным явлением, а недолговечность устного слова было нечто само собой разумеющимся. Жизнеспособность письма способствовала формулированию того, что было известно о мире, и того, что было известно о знаниях, поскольку только лишь с появлением письма в повествованиях появились рациональные и последовательные суждения (см.: [Глик 2013: 37, 40–41, 45, 48]). «С помощью слов мы начали оставлять след вроде хлебных крошек – воспоминания, заключенные в символы, которые могут быть прослежены другими. Муравьи оставляют феромоны, следы химической информации, Тесей разматывал нить Ариадны. Теперь люди оставляют бумажные следы» (см.: [Там же]).

Письмо – «система фиксации языковых текстов несловесными единицами» [Соломоник 1992: 190]. Письменность предопределила формализацию языка, поскольку явилась причиной возникновения метаязыка. Иными словами, письменность подняла уровень цивилизации благодаря передаче данных, оформленных на материальном носителе.

Историческая память древних германцев в большей степени существовала в устной форме. Книжная культура, повлекшая глобальный переход от устного слова к письменному, возникла с эпохой христианизации. Устные свидетельства о недавнем прошлом германцев отбирались и оформлялись книжниками (например, организация погодных записей в «Англосаксонских хрониках» (см. Глава III)) [см. Литвина, Успенский 2006; Greenfield 1965; Keiser 1919; Kennedy 1963; Polomé 1982; Waugh 1997; West 2007; Whitelock 1952]. Иными словами, письменность, в данном случае, представляет собой воплощение устного свидетельства о прошедших событиях, данные о которых являлись ценными и актуальными для того времени.

Письменность является формой памяти, поскольку коллективное сознание, обнаружив потребность в фиксации информации, создает механизм коллективной памяти – письмо. Поэтому в хрониках и летописях обычно фиксируются следующие исключительные события: единичные или в первый раз случившиеся события, или же те, которые не должны были произойти, т. е. незапланированные события (катастрофы, климатические условия, войны и т. п.). Письмо характеризуется вниманием к возникновению представлений об истории, к результативности действий и к причинно-следственным связям: например, происходит фиксация в хрониках и летописях информации о том, каким был урожай в том или ином году. Такая культура постоянно умножает число текстов, будь то юридические акты или же ранние художественные тексты, нередко бытовавшие в устной традиции, как, например, англосаксонская эпическая поэма «Беовульф».

Устная же память насыщена символами, из этого следует, что появление письменности не усложнило, а наоборот упростило семиотическую структуру культуры. Ю.М. Лотман отмечает, что это объясняется тем, что обозначенные материальными предметами мнемонико-сакральные символы вплетаются в канву ритуала, а не в словесный текст. Более того, мнемонико-сакральные символы по отношению к тексту сохраняют независимость: их материальное существование продолжается и вне всякого обряда, однако включение в различные обряды придает им широкую многозначность [Лотман 1996: 345–346].

Текст наделен функцией памяти, поскольку он является не только производителем новых смыслов, но также и проводником культурной памяти. Письменность обладает способностью сохранять и накапливать память о своих предшествующих контекстах. Рассуждая о памяти текста, стоит отметить, что она заключается в сумме контекстов, в которых текст приобретает осмысленность. Такое смысловое пространство текста вступает в определенные соотношения с культурной традицией (или культурной памятью), отложившейся в сознании адресатов. Таким образом, текст снова

приобретает семиотический смысл. Тексты, сохраняющие культурную активность, содержат в себе способность конденсировать информацию, иными словами, в таких текстах обнаруживается способность накопления исторической и культурной памяти. В связи с этим, тексты, передающиеся из одного поколения в другое, проходящие через века, не теряют содержащуюся в них информацию.

Актуализация – начальный этап движения текста. На данном этапе текст, находящийся в потенциальном состоянии, начинает обретать реальность в сознании адресанта. Именно на этом этапе между индивидуальным сознанием и коллективной памятью происходит семиотическая (первая) трансформация текста. Взаимосвязь текста и аудитории отличается постоянной встречной активностью, то есть текст уподобляет аудиторию себе, навязывая ей систему кодов; аудитория, в свою очередь, поступает так же. Стоит заметить, что текст заключает в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи. Адресат же является семиотическим единством, поэтому он неизбежно вариативен и способен подстраиваться под текст. Если коллектив рассматривается с точки зрения «единого организма», то в данном случае стоит говорить о меньшей роли активности адресатов: они будут в значительно большей степени хранителями информации, чем ее творцами [Лотман 1996: 21–22, 87–88, 95, 96].

Итак, письмо является системой передачи человеческой речи, предназначенной для слуха, при помощи знаков, доступных визуальному восприятию. Появление письма не является одномоментным актом, это процесс, уходящий своими корнями в далекую предысторию культуры.

1.3. Совместимость понятий «коммуникация» и «передача»

Обратим внимание на совместимость понятий «коммуникация» и «передача». Ю.С. Степанов отмечает, что «ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахронии). Описание глубинной

структуры отношений между наличными элементами системы языка является одновременно первым этапом реконструкции ее прошлого состояния. В теоретическом рассмотрении переносить предмет в прошлое равносильно тому, чтобы сводить его к наиболее простым элементам» [Степанов 2003: 303]. Р. Дебре, как и Ю.С. Степанов, пишет, что понятие «коммуникация» («синхрония») неразрывно связано с понятием «передача» («диахрония»). Так, первому масштабу, т. е. коммуникации, свойственна актуальность, тогда как второму масштабу, передаче, свойственен отпечаток (вечность) (см.: [Дебре 2010]).

Приведем таблицу, отражающую неразрывность понятий «коммуникация» и «передача» (таблица приводится по: [Дебре 2010: 33–34]).

Таблица 1

Совместимость понятий «коммуникация» и «передача»

	<i>Коммуникация</i>	<i>Передача</i>
<i>Масштаб времени</i>	Краткое время, <i>синхрония</i> . Актуальность, скорость	Долгое время, <i>диахрония</i> . Отпечаток, вечность.
<i>Центр тяжести</i>	<i>Информация</i> для «пользования»	<i>Ценности и знания</i> для «памяти»
<i>Природа времени</i>	<i>Современный</i> получатель (соприсутствующий или телеприсутствие). Со- бытие в одно и то же время	<i>Будущий</i> адресат (через сопринадлежность к одной линии «потомства»). Со- бытие последовательное
<i>Научное соседство</i>	<i>Социология и социальная психология</i>	<i>История и антропология</i>

Окончание табл. 1

<i>Символическое измерение</i>	<i>Нет необходимости</i> (прагматические связи между индивидами). Рамки «потребностей»	<i>Необходимое</i> (связи через поколения)
<i>Основные локусы</i>	<i>Телевидение, журналы, радио, Интернет, self-media и т.д.</i> Сети	<i>Музеи, библиотеки, школы, церкви, академии и т.д.</i> Координаты
<i>Ассоциирующиеся термины</i>	Мнения, консенсус, аудитория, убеждения, впечатление, публичность, журналистика, интерактивность и т.д.	Памятник, наследие, архивы, религия, идеология, образование, достояние, вступление в члены и т.д.
<i>Период релевантности</i>	<i>Современная эпоха</i> (индустриальная переменная)	<i>Все эпохи</i> (инвариант накопления)
<i>Типичное порицание</i>	«Это что-то «архео», знаем-знаем!»	«Это что-то «нео», не удержится!»
<i>Типичная похвала</i>	«Какова аудитория!»	«Какова выживаемость!»

Коммуникация и передача представляют собой некие регистры, которые нужно не сопоставлять, а координировать. Коммуникация и передача зависят друг от друга. Коммуникация служит необходимым условием для передачи информации [Дебре 2010: 32]. Дихотомии «синхрония–диахрония» и «передача–коммуникация» неразрывно связаны между собой, поскольку только на основе связи «синхрония–коммуникация» возможно осуществление связи «диахронии–передачи». Иными словами, «диахрония–передача» зиждется на основе «синхронии–коммуникации». Однако выявление четких границ между переходом от «синхронии–коммуникации» к

«диахронии–передаче» может оказаться невозможным. Так, Ф. де Соссюр указывает, что «синхроническая истина до такой степени согласуется с истиной диахронической, что их смешивают или считают излишним их различать» [Соссюр 1977: 129]. Иными словами, неразличимость синхронии и диахронии связана с определением момента (речевого) сообщения. По отношению к этому моменту определяются синхронные или диахронные планы высказывания.

1. 4. Древнеанглийская традиция и ее памятники в аспекте рассмотрения культурно-исторической дихотомии «коммуникация–передача»

Начало истории английского языка датируется концом VII в., поскольку только к этому периоду заканчивается процесс захвата и заселения Британии германскими племенами, начавшийся в середине V века. К VII в. сложилось семь англосаксонских королевств (эпоха существования данных королевств именуется эпохой гептархии (от греч. *hepta* «семь»): королевства англов – Восточная Англия, Нортумбрия и Мерсия; королевства саксов – Сассекс, Эссекс и Уэссекс; королевство ютов – Кент. Согласно письменным памятникам, существовало четыре диалекта: нортумбрийский, мерсийский, уэссекский и кентский (см.: [Адамчик, Бадак 2003; Блэк 2008; Бруннер 2003; Давидсон 2003; Дэниел 2008; Ильиш 1968; Кертман 1979; Шапошникова 2009; Baker 2007; Blair 1969; Dunphy 2004; Fulk 2012; Mitchell 1995; Robinson 2004]).

Нортумбрийские памятники в основном написаны на латинском языке, поскольку в первой половине VII века благодаря ирландским миссионерам в Нортумбрию проникает вместе с христианством и латинский язык. На нортумбрийском диалекте сохранились поэма «Гимн Кэдмона» (VII в.), «Предсмертная песнь Беды» (VIII в.), монументальная надпись на Рутвельском кресте (The Ruthwell cross) (VIII в.) и перевод Евангелия (X в.).

Немногочисленны дошедшие до нас церковные памятники на мерсийском (гимны и переводы псалтыря (IX в.)) и кентском (переводы псалмов и древние юридические тексты) диалектах.

Возвышение Уэссекса над остальными королевствами привело к возрождению древнеанглийской культуры после бесконечных скандинавских набегов. Король Альфред, учредивший школу переводчиков, сам занимался переводами с латинского языка на древнеанглийский язык, внося при этом свои собственные дополнения в текст перевода. Король перевел следующие труды: «Обязанности пастыря» («Cura Pastoralis») папы Григория I (VI в.), «Церковную историю английского народа» Беды Достопочтенного (VIII в.), «Мировую историю» испанского монаха Оросия (V в.), «Утешение философии» римского философа Боэция (VI в.). Помимо переводов известны и другие памятники на уэссекском диалекте: «Англосаксонские хроники» (с X в.), сочинения аббата Эльфрика (X–XI вв.), деловые и юридические документы. На основе уэссекского диалекта сложился общий литературный язык [Арсеньева, Балашова, Берков, Соловьева 2003: 172–175].

Говоря о древнеанглийской (англосаксонской) поэзии (VIII–XI вв.), стоит заметить, что она является объединением германского (описание героической реальности) и христианского (описание победы Добра над злом) творчества. Такое слияние представляет собой двоеверные тексты благодаря распространению христианской веры и неокончательному отказу от язычества (см.: [Проскурин 1990а; Феоктистова 1984; Ярцева 1985; Bonser 1949; Cronan 2003, 2004; Fortson 2004; Fulk 2003; Sisam 1953; Niles 2006]). Отметим, что поэтические произведения древних германцев существовали в устном предании задолго до принятия христианства, поэтому древнеанглийская поэзия должна рассматриваться в исследованиях раньше поэтических памятников.

Как отмечает Н.Ю. Гвоздецкая, «поэтическая форма и содержание (специфически германский аллитерационный стих и предания о легендарных героях германского прошлого) связывают ее с устным эпосом. Известно,

однако, что значительная часть поэм – библейские парафразы («Генезис», «Исход»), поэтические жития («Елена», «Юлиана»), медитативная лирика («Видение Креста»), переложения античных сюжетов («Феникс», «Метры Боэция») – восходит к латинским источникам» [Гвоздецкая 2013: 8].

В научном мире ведутся оживленные споры вокруг датирования древнеанглийских литературных памятников, но получившей наибольшее признание классификацией на сегодняшний день остается классификация Ч. Кеннеди [Kennedy 1943]:

- первый этап – до второй половины VIII в. (поэтические памятники «Гимн Кэдмона», «Видсид», «Беовульф», «Вальдере», «Странник», «Послания супруга», «Сетования жены», «Поэма о Вульффе», «Древнеанглийские загадки»);
- второй этап – до второй половины IX в. (поэтические памятники «Судьбы апостолов», «Юлиана», «Елена», «Вознесение», «Гудлак», «Андрей», «Феникс», «Бестиарий», «Бытие (А)», «Даниил (А)»);
- третий этап – IX–X века («Бытие (В)», «Исход», «Юдифь», «Соломон и Сатурн», «Судный день», «Битва при Мэлдоне», «Церковная история англов», «Утешение философией», «Жития святых» и др.).

Среди отечественных исследователей, занимающихся вопросом классификации древнеанглийских памятников, выделяют классическую классификацию германиста В.Н. Ярцевой (см.: [Ярцева 1985]):

1. Поэтические произведения эпического характера, с меньшим, но примыкающим к ним по языку фондом лирики;
2. Религиозная проза, Ветхий завет, Евангелия и примыкающие к ним проповеди епископов и послания;
3. Философско-дидактическая проза Боэция;
4. «Англосаксонские хроники», которые важны в том отношении, что они дают не только иной стиль языка, но и показывают историческое

развитие языка, так как записи продолжались в течение многих десятилетий;

5. Англосаксонские законы и другие правовые документы.

«Англосаксонские хроники», речь о которых пойдет ниже, представляют собой обширную группу летописей, написанную на древнеанглийском языке. Хроники охватывают период с 60г. до н.э. по 1154 г. н. э. Записи ведутся с 890-х гг. до середины XII в. Все, что дошло до наших дней,— это два фрагмента «Англосаксонских хроник» и шесть рукописей («А» с рубежа IX – X вв. до 1070 г.), «В» (конец X в.), «С» (с середины XI до 1066 г.), «D» (1080-е гг.), «Е» (с 1120г. по 1154 г.), «F» (с рубежа X-XI вв. до 1054 г.), «G» (X-XI вв.), «H» (XII в)). Примечателен тот факт, что рукописи «В» и «С» дублируют друг друга до 997 г.; «С», «D», «Е» имеют общие записи за 993-1016 гг.; «G» представляет собой фрагмент основной рукописи «А», а рукописи «А», «В» и «С» отличаются друг от друга только разночтением до 900 г. Начальную часть летописей вели книжники, жившие при дворе короля Альфреда, на основе «Истории» Беды Достопочтенного и сохранившихся устных преданий, а также отрывков уэссекских и мерсийских хроник [Метлицкая 2010: 16–17, 23]. Термин «Англосаксонские хроники» употребляется лишь по причине удобства и традиционности в виду того, что соотношение между рукописями настолько сложно, что правильнее говорить о них как о самостоятельных летописных памятниках, которые текстологически связаны друг с другом. Рукопись «А» (Cambridge, Corpus Christi College, 173; «The Parker Chronicle») возникла в королевстве Уэссекс, в городе Винчестер; «В» (London, British Library, Cotton Tiberius B. i) – в аббатстве Абингтон; «С» (London, British Library, Cotton Tiberius B. i) была написана, вероятно, тоже в аббатстве Абингтон; что касается рукописи «D» (London, British Library, Cotton Tiberius B. iv), то вопрос о ее месте возникновения остается неразрешенным (называются три предполагаемых места: Ившем, Йорк и Вустер); «Е» (Oxford, Bodleian Library, Laud Misc. 636;

«The Peterborough Chronicle») была написана в аббатстве Питерборо; «F» (London, British Library, Cotton Domitian, A. viii, ff. 30-70) – в Кентербери; «G» (London, British Library, Cotton Otto B. ix+Otto B. x, ff. 55, 58, 62 + Additional 34652, f.2) – в Винчестере; что касается рукописи «H» (London, British Library, Cotton Domitian A. ix, f.9), то отсутствует точная информация о ее месте написания [Гимон 2011: 96–99].

Тематика погодных записей «Англосаксонских хроник» весьма разнообразна. В свое время З.Ю. Метлицкая (см.: [Метлицкая 2005]) разделяла их по следующим тематикам: разновидности деяний королей и необычные природные явления. Автор также анализировала тематику рукописей «A», «C», «D». Затем исследователь Т.В. Гимон (см.: [Гимон 2006]) рассмотрел рукописи «C», «D», «E», «F» с точки зрения кодикологического анализа. Мы же продолжим вслед за российскими учеными анализировать тематику записей «Англосаксонских хроник», но только сквозь призму семиотических аспектов передачи информации.

В рассуждениях о текстовых памятниках стоит также упомянуть о важной рукописи, которой отводится особое место в английской традиции как таковой, и эта рукопись – Библия короля Якова. Она датируется 1611 г. и является общепризнанным «авторизованным» переводом, над которым трудились переводчики из нескольких комитетов, заседавших в Оксфорде, Кембридже и Лондоне. Переводы осуществлялись с древнееврейского и греческого языков. Библия короля Якова состоит из 27 книг Нового Завета и 39 книг Ветхого Завета. В течение почти 400 лет рукопись обладала статусом официального перевода. В Англии она известна как официально одобренный перевод Библии (The Authorized Version) (см.: [Артемова 2014: 29]). «Бытует мнение, что именно с Библии короля Якова начался современный английский язык. Новый перевод, осуществленный под непосредственным руководством самого короля Якова, не только лег в основу английского литературного языка, но и дал толчок для развития национального самосознания и английской языковой традиции в целом» [Проскурина, Еременко 2015: 137].

Взойдя на престол в 1603 году, Яков I усердно пытался примирить официальную церковь и пуритан. Осуществлялась работа над переводом, в которой принимали участие 54 ученых и духовных деятеля, встречавшихся на протяжении семи лет в шести докомитетах из девяти человек, называемых компаниями (см.: [Проскурин 2014: 250–251]). В основе этой Библии лежат древнееврейские и древнегреческие тексты. Перевод осуществлялся в течение двух лет и после утверждения короля стал единственным официально признанным переводом. Библия короля Якова славится красотой языка, возвышенностью стиля, богатством лексики и грамматических конструкций, даже несмотря на то, что в переводе встречаются недочеты и погрешности [Яковенко 2005: 14].

Библия – генетический код культуры, определяющий на протяжении многих поколений черты, определенный образ жизни и стиль мышления людей. Это код, передаваемый из столетия в столетие. С течением времени идеи, сюжеты, образы и формульные выражения из Библии вплелись в ткань повседневного языка многих народов, стали неотъемлемой частью культуры, легли в основу крылатых выражений, пословиц и поговорок (см.: [Муравьев 1996]). Используемые в рамках церковных богослужений и в быту, тексты библейских сюжетов стали принадлежностью речевого обихода, воспроизводимыми оборотами и выражениями (см.: [Корнеева 2009]). Содержательное богатство и эстетические достоинства сюжетов способствовали процессу превращения библейских текстов в формульные выражения, а их экспрессивная насыщенность способствует их дальнейшему содержательному обогащению. Изучение библейских архаических формул в контексте современного английского языка представляет для исследователя закономерный интерес в области синтагматики и парадигматики, главным образом основанный на появлении инновационных формульных единств.

Особенной чертой древнеанглийских и среднеанглийских (Библия короля Якова) произведений является использование формульных и клишированных выражений в качестве опорных вариативных конструкций. Формульность и

клишированность древних памятников обусловлена необходимостью безостановочной импровизации устных текстов; а на письме они способствуют сохранению и совершенствованию функции репрезентации представлений и ценностей, общих для адресанта и адресата. Наличие формул и клише было особенно востребовано в эпоху перехода от языческой картины мира к христианской, в эпоху смены культурной парадигмы. Вариативность формульных и клишированных выражений послужила залогом художественного воздействия и условием проникновения в язык литературы иных усваиваемых адресантом взглядов на мир (см.: [Гвоздецкая 2013; Калыгин 1986; Проскурин 1990а; Fowler 1966; Parkers 1997; Riedinger 1985, 2006; Watkins 1987]). «Таким образом, гармония «своего» и «чужого» в поэтическом творчестве англосаксов в значительной степени коренится в самих лингвистических механизмах построения древнеанглийского поэтического текста» [Гвоздецкая 2013: 207]. Заметим, что формульные и клишированные выражения англосаксонской традиции являются культурно обусловленными, свойственными только данной традиции.

1. 5. Роль формул и клишированных выражений в рамках коммуникации и передачи в аспекте трансляции информации

Формулы (употребляемые многократно лексические единицы) появились в целях коммуникации в устной культуре и закрепились в текстах в качестве средства передачи во времени и пространстве. Слово начинает обрещать связи с другими словами и образовывать контексты коммуникативного плана для цели устной коммуникации.

Как известно, земная жизнь основана на размножении репликаторов определенного типа – полинуклеотидов РНК и ДНК. Но это далеко не единственный тип репликаторов, существующий в природе. В культурной эволюции важную роль играют мемы – «единицы культурной информации, которые используют наш разум для собственного выживания и размножения,

как гены используют клетку» [Марков, Наймарк 2014: 28]. В исследованиях отдельных жанров виды изменений в контекстах предстают в гораздо меньшей степени, чем во всей традиции, взятой в целом. Этому имеется прямая аналогия в биогенетике: в смешанных культурах виды изменяются сильнее, чем в монокультурах.

Формульные единства (стереотипная комбинация лексических единиц, употребляемых многократно) могут быть выделены исключительно по их присутствию в различных поэтических памятниках, имеющих разные стили и жанры. Архаизм формулы подтверждается существованием аллитерационных связей на фоне разложения тонического стиха (стих, строящийся на равном числе ударных слогов и на относительно свободном числе безударных) в поздних поэтических памятниках и частотностью употреблений формульных единств в различных поэтических текстах. Однако это не исключает вероятности обнаружения архаических формул в прозаических повествованиях и в текстах с новыми формами стиха. Так, для англосаксонской традиции характерно замещение германского тонического стиха новыми формами стихосложения. Самым ярким признаком древнегерманского тонического стиха является аллитерационный стих, скрепляемый консонантной рифмой в строке. В тоническом стихе архаическая формульность определяется распространенностью единства в разных поэтических текстах и наличием аллитерационных связей. В качестве примера С.Г. Проскурин приводит следующую архаическую формулу, скрепленную аллитерацией: «wyrð: weorold: wendan – «судьба», «мир», «вращает» [Проскурин 1990а: 42–43]. Архаические формулы представляют собой устойчивые единства, которые сохранили черты наиболее древнего языкового состояния. Данные формулы – ключ к древнему миропониманию. Инновационные же формулы являются отражением изменения мировоззрения. В формулах отражены традиционные концепции, ценности и представления архаических обществ, восприятие мира и человека. Обособление архаических формул в сравнительно-исторической поэтике

основывается на реконструкции формульно-тематических единств, которые находят выражение в различных индоевропейских традициях [Watkins 1987; Калыгин 1986]. «Такой тип реконструкции может быть определен как абсолютный, так как в целом он основывается на компаративном анализе. Иными словами, предполагается, что в разных языках сохраняются каркасы с единым культурным нексусом (ср.: др.-греч. κλέος ἄφθιτον, др.-инд. śrávaḥ, áks.itam— букв. «непогибающая слава» – классический пример индоевропейской формулы у А. Куна)» [Schmitt 1967: 2–5] (цит. по: [Проскурин, Центнер 2009: 82]).

Самыми устойчивыми формулами являются имена действующих лиц, обозначения времени и места, основные действия. Сказителю и, вероятно, книжнику не нужно запоминать большое количество отдельных формул. Ведь те формулы, что вошли в его употребление, задают основную схему, и как только этой схемой прочно овладеет сказитель или книжник, ему останется лишь подставлять на место ключевого слова новые слова. Если сказитель или книжник начинают постоянно использовать одни и те же выражения, то они станут формулами; если эти выражения начнут использовать другие сказители или же книжники, то эти выражения (формулы) станут традиционными формулами. Стоит заметить, что выбор тем и формул культурно обусловлен. Так, в основе христианских песен лежат темы и формулы, отличные от мусульманских, и наоборот (см.: [Лорд 1994: 47, 49, 63, 148]).

Как отмечает А.Н. Веселовский, «задача исторической поэтики, как она мне представляется, – определить роль и границы предания в процессе личного творчества. Это предание, насколько оно касается элементов стиля и ритмики, образности и схематизма простейших поэтических форм, служило когда-то естественным выражением собирательной психики и соответствующих ей бытовых условий на первых порах человеческого общежития. Одномерность их поэтического выражения у народностей, никогда не приходивших в соприкосновение друг с другом, так сложился ряд

формул и схем, из которых многие удержались в позднейшем обращении, если они отвечали условиям нового применения, как иные слова первобытного словаря расширили свой реальный смысл для выражения отвлеченных понятий. Все дело было в емкости, применимости формулы: она сохранилась, как сохраняется слово, но высказываемые ей представления и ощущения были другие; она подсказывала согласно с изменившимся содержанием чувства и мысли многое такое, что первоначально не давалось ею непосредственно; становилась, по отношению к этому содержанию, символом, обобщалась. Но она могла и изменяться...» [Веселовский 1940: 493]. Формульные тексты представляют собой корпус текстов, в котором одно и то же традиционное содержание может выражаться в одних и тех же близких по структуре и смыслу выражениях. В тексте формульные выражения концентрируются вокруг наиболее устойчивых понятий германского эпоса, существующих в тематической совокупности. Данная совокупность именуется темой (см.: [Гвоздецкая 1995: 48–49]). Формулы являются доказательством того, что преобладающая часть древнеанглийской поэзии представляет собой запись устной традиции. «Формулы рассматривались преимущественно как утилитарное средство: они экономили время сказителю, позволяли ему сочинять, «не задумываясь». Предполагалась самоочевидным, что с утратой этой необходимости, т. е. с развитием книжной поэзии, формулы должны исчезать» [Смирницкая 2008: 403]. Формула способна распознаться как формула, когда она достигает стадии коммуникативного расширения, что является условием ее передачи.

Как мы отмечали в нашем исследовании (см.: [Проскурин, Проскурина 2014a]), формулы в поэтике индоевропейской культуры обладают следующей ключевой чертой. В синтагматике формулы предстают как освоенные культурой способы коммуникации, опирающиеся на кажущуюся избыточность информации и поддерживающие ее контекст. Согласно Дж.Ф. Карингтону, исследовавшему трансформацию устной речи в языке африканских барабанов, «барабанщик всегда добавляет «небольшое

выражение» к каждому короткому слову. «Songe», «луна», передается как «*songe li tange la manga*» – «луна, смотрящая вниз на землю». «Koko», «курица», как «*koko onlonga la bakiokio*» – «курица, которая говорит "ко-ко"». Оказалось, что дополнительные удары барабана – это не избыточная информация, они обеспечивают контекст. Каждое выстукиваемое слово неоднозначно, оно обладает множеством смысловых вариантов, но с появлением контекста неуместные интерпретации исчезают» [Глик 2013: 34]. Далее отмечается, что выражения в языке африканских барабанов напоминают формулы Гомера: «не просто Зевс, но Зевс-громовержец, не просто море, но винноцветное море» [Там же].

Формулы обретают способность распознаваться и служить «опорой» для передачи. Иными словами, лексические единицы не способны восстанавливаться в диахронии без контекста. Формульность изначально связана с коммуникативными установками устной культуры, поскольку сама формула получает коммуникативное расширение, в частности, за счет этого снимается ее многозначность. Иными словами, кажущаяся избыточность поэтической формулы является закономерным следствием ее возможной устной природы, поскольку последняя часто опирается на речевой контекст, который и обеспечивает передачу. В теории информации идут поиски определения, что такое мем и каково его значение в качестве параллели гена в природе. Нам представляется, что формульная теория может дать материал для определения мема. Мемом называется такая цепочка языковых единиц, которая обретает способность к репликации, т. е. к передаче. Такая способность получилась благодаря представившейся возможности распознаваться в качестве некоторого целого, которое обладает важным свойством восстанавливаться вслед за господствующим компонентом.

В продолжение развития теории формулы Пэрри и Лорда, мы приведем одно важное положение о воспроизведении текста в устном исполнении. Говоря о коммуникативном расширении формулы, процитируем описание развертывания речевой цепи, сделанное в свое время А.А. Потебней (он

проводил аналогию между организацией алфавитного ряда, речевой цепью молитвы и образом предмета): «если несколько раз дан был ряд признаков одного образа в порядке *a,b,c,d,e*, и вслед за тем еще раз получится признак *a*, то он легко вызовет в сознании все следующие за ним; но если упомянутый ряд начнется с конца, то признак *e* сам по себе или вовсе не произведет признаков *d, c* и проч., или гораздо медленнее. Слова «Отче наш» напомнят нам всю молитву, но слово «лукавого» не заставит нас воспроизвести ее навыворот («от нас», «избави» и проч.) точно так, как признак *e* не даст нам целого образа *a,b,c,d,e*. Хотя *e* могло повторяться столько же раз, сколько и *a*, но это последнее, по своему влиянию на все остальное, будто господствует над всем образом» [Потебня 1989: 130]. Устные по своему происхождению формулы имеют господствующие знаки, которые способствуют их коммуникативному расширению, протекающему относительно базового или господствующего слова.

Иногда коммуникативное расширение порождает способность формулы распознаваться как целое и передаваться во времени как мем. Приведем интересный пример: в древнеримской традиции палиндром «Sator» был известен задолго до того, как появилось христианство. С обретением молитвы «Pater Noster» палиндром начинает реинтерпретироваться в качестве анаграммы начальных слов молитвы. Эту способность к передаче информации обеспечивает мем, который обретает способность распознаваться в наборе букв палиндрома как некоторая последовательность.

SATOR

AREPO

TENET

OPERA

ROTAS

Обратимся к коммуникативному расширению самой первой из открытых индоевропейских поэтических формул «слава нетленная (непогибающая)». Развитие формулы в индоевропейской поэтике проходит три стадии. На

первой стадии происходит коммуникативное расширение формулы, благодаря чему она получает «господствующие образы» др.-гр. κλέος и др.-инд. śrávas – «слава», к которым подставляются эпитеты «нетленный», «непогибающий» ἄφθιτον, ákṣitam. На второй стадии происходит устойчивое распознавание данной формулы в качестве опоры в устном повествовании или записи. Как мы уже подчеркивали, чтобы распознаваться в качестве опоры, формуле нужен расширенный контекст. На третьей стадии формула передается в текстах, транслируемых в поколениях.

Иными словами, коммуникативные сообщения связаны с развертыванием контекста в синтагматике. Однако передача информации во времени опирается на парадигматику, характерную для традиционных культур. М. Элиаде демонстрирует это на египетском материале «В самом деле, космогония повторяется каждое утро, когда солярный бог «отвращает» змея Апопа, не имея, однако, возможности уничтожить его; ибо хаос <...>. Политическая деятельность фараона воспроизводит подвиг Ра: он (фараон) также «отвращает» Апопа, иными словами, следит за тем, чтобы мир не был ввергнут снова в состояние хаоса. Когда на границах появляются враги, они уподобляются Апопу, и победа фараона воспроизводит триумф Ра» [Элиаде 2008: 118]. Также М. Элиаде подчеркивает, что эта тенденция – переводить жизнь и историю в термины категорий и парадигматических образов, характерна для традиционных культур.

Заметим, что в «Англосаксонских хрониках» представлены помимо формул еще и клишированные выражения. «Стандартные структуры прозаических текстов определяются как клишированные выражения. Отношение между формулами и клишированными выражениями в англосаксонской традиции таково, что поэтические формулы используются как в поэтических, так и в прозаических памятниках, тогда как клишированные выражения обнаруживаются только в прозе» [Проскурин 1990а: 43]. Разница между литературным текстом и устным текстом заключается в том, что устный текст перенасыщен ясно различимыми

формулами, в меньшей степени изобилует формульными выражениями, в еще более меньшей степени – неформульными выражениями. Литературный же текст, наоборот, отличается большим количеством неформульных выражений при некотором количестве формульных выражений; и практически отсутствуют настоящие формулы [Лорд 1994: 148, 149]. Для дальнейшего изучения формул и клишированных выражений, представленных в «Англосаксонских хрониках» и в «Библии короля Якова», необходимо исследовать их трансформации, которые экстрагируются в рамках традиции на материале поэтических и прозаических текстов.

Наряду со статической моделью мира, основанной на бинарных оппозициях, разрабатывается и динамическая модель мира, основанная на формульной теории. «Функционирование семиотических бинарных оппозиций ограничивается контекстами преимущественно сакральной тематики: заговорами, молитвами, лечебными травами. Совсем не представлены указанные оппозиции в эпосе, географических трактатах, исторических хрониках, что свидетельствует об определенной «лимитированности и устойчивости границ функционирования рассмотренных представлений»» [Толстой 1987: 182]. А динамическая модель мира, наоборот, извлекается и в поэтических и (в меньшей мере) в прозаических текстах. Динамическая модель мира является способом познания культуры и традиции в рамках определенного временного интервала текста. Динамическая картина мира выявляется на основании архаических формул и поэтических фигур. Архаические формулы, поэтические фигуры и метафоры предстают контекстуальными микромотивами исследуемой эпохи, в которых могут косвенно отражаться идеи, заключенные в семантических мотивировках реконструируемой эпохи [Проскурин 1990а: 34].

Исследовав пространство мутации формул в англосаксонской традиции, нам удалось установить основные виды трансформации культурной информации, или мутации мемов. В свое время С.Г. Проскурин определил

три основных вида трансформаций формул и клишированных выражений, которые экстрагируются в рамках англосаксонской традиции на материале микромотивов в поэтических и прозаических текстах. Сами эти трансформации показывают развитие отношений в контексте культуры:

«А) переосмысление конвенциональных формул, т. е. тип «одна формула: два смысла» ср. *ne...middangeardes men mundgripe maran* (В., 751–753) – «Нет в среднем мире... людей с хваткой руки сильнее» (о культурном герое англосаксов Беовульфе); *ne maerra man geond middangeard* (Men., 161) – «Нет славней человека в среднем мире» (об Иисусе Христе) (микромотив «человек в среднем мире»);

Б) лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры, т. е. сохранение обозначаемого (и связанного с ним культурного нексуса) при обновлении обозначаемого, ср. *middangeard beofath* – «средний мир дрожит», *beofath ealle beorhte gesceaft* – «дрожит все яркое творение» (микромотив «конец мира»);

В) порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам, ср. *weorold wendeð* – «мир вращается (по кругу)»; *weorold gewiteð* – «мир уходит» (микромотив «движущийся мир»)» [Проскурин 1990а: 34].

С.Г. Проскурин рассматривает данную типологию речевых преобразований в рамках контекстуального микромотива, основывающегося на консервативном (воплощается в поэтических формулах и клишированных выражениях) и инновационном (всегда относительно инновационная модель, ее выделение возможно лишь на фоне архаических структур) механизмах языка. Следовательно, в рамках микромотивов устанавливаются отношения по шкале «консервативный – инновационный». Таким образом, типу «А» свойственны низкая степень инновационности и высокая степень консервативности; типу «Б» – промежуточное положение; и типу «В» свойственны низкая степень консервативности и высокая степень инновационности (см.: [Проскурин 1990а]).

Нами определен также и четвертый тип трансформации формул и клише – «тип Г», который представляет собой описание с заменой лексемы в контексте формулы, обозначающий разные явления. «Тип Г» характеризуется одним предикатом, но разными денотатами. В чем-то он напоминает «тип Б», но нексус не сохраняется, а сама формула обозначает разные явления в рамках одной темы. Этот тип является редким, поскольку формулы обозначают разные явления. Приведем пример (оригинал надписей здесь и далее приводится по: [The Anglo-Saxon Chronicle, electronic resource], перевод наш. – *А.П.*): «Her sunne aþiastrode» («Здесь солнце померкло»); «Her se mona aþiastrode» («Здесь луна померкла»).

Из четырех возможных типов трансформации в «Англосаксонских хрониках», в рамках микромотивов, нами обнаружены только три типа из четырех возможных – «тип Б», «тип В», «тип Г», тогда как в «Библии короля Якова» присутствуют все четыре типа. Как показал анализ, «тип А» в «Англосаксонских Хрониках» не представлен, вероятно, он редко встречается в рамках одного жанра. Несомненно, что «тип А» присутствует в самой традиции, но для этого нужно тестировать формулы «Англосаксонских хроник» на базе других жанров, и тогда, возможно, выражения, присутствующие в «Англосаксонских хрониках», могут встречаться в тексте других произведений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

1. В рамках концепции Р. Дебре отмечается дихотомия «коммуникация–передача» наряду с уже известной дихотомией Ф. де Соссюра «синхрония–диахрония». Коммуникация является переносом информации в пределах одной пространственно-временной сферы, позволяющим собеседникам прийти к взаимопониманию. Она обладает определенной социо-культурной базой, поэтому в ее основе лежит межличностная психология.
2. Передача представляет собой перенос информации между различными пространственно-временными сферами. База передачи носит исторический характер, а в ее основе – некое техническое оснащение, материальный носитель. Нужно отметить, что коммуникация – предшественница передачи, так как для осуществления передачи информации во времени и пространстве сначала необходимо осуществить коммуникацию.
3. Культурно-историческая дихотомия «коммуникация–передача» как и дихотомия «синхрония–диахрония» напрямую связаны между собой, поскольку «диахрония–передача» зиждется на основе «синхронии–коммуникации». Однако выявление четких границ между переходом от «синхронии–коммуникации» к «диахронии–передаче» может оказаться невозможным.
4. Благодаря введению письменности стала возможна передача информации, а также ее увековечивание в пространстве и времени. Так, историческая память древних германцев (в большей степени) существовала в устной форме. Письменность (книжная культура), повлекшая глобальный переход от устного слова к письменному, возникла с наступлением эпохи христианизации. Коммуникативные сообщения связаны с развертыванием контекста в синтагматике, а передача информации во времени опирается на парадигматику,

характерную для традиционных культур. Отличительной и культурно обусловленной чертой англосаксонской письменности является наличие формульных и клишированных выражений.

ГЛАВА II. КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНЕЙНОГО ТЕКСТА И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

2.1. Взаимосвязь семиотических аспектов коммуникации и передачи информации (на материале древнеанглийской поэмы «Видение Креста» («The Dream of the Rood») и монументальной надписи на Рутвельском кресте (The Ruthwell Cross))

Письмо представляет собой знаковую систему, фиксирующую устный дискурс, однако не лишенную самостоятельного семиологического статуса. Письмо является отдельным семиотическим объектом, которое отлично от семиотики говорения лишь в тех случаях, когда письменная речь механически воспроизводит говорение. С точки зрения семиотики, письмо обладает собственной типологией и способами личностной идентификацией, не совпадающими с семиотикой устной формы языка [Шатин 2008: 76–77]. Письмо является уникальной формой хранения информации в синхроническом и диахроническом масштабах.

От фундаментальных свойств знака, его ресурса, как потенциально занятого контента, зависит типология форм хранения негенетической информации в культуре (см.: [Проскурин 2008: 105]). Письмо и обычная речь противопоставляются друг другу в том отношении, что письмо является чем-то символическим, обращенным внутрь самого себя, и преднамеренно нацеленным на язык. Обычная же речь являет лишь последовательность знаков. Письму свойственна двойственность, с одной стороны, оно является формой языкового выражения, а с другой, оно предстает в образе формы принуждения, так как в глубине письма всегда присутствует некий «фактор», который чужд языку, именно оттуда устремлен взгляд на некую языковую цель (см.: [Барт 2001: 335–336]).

Рассмотрим древнеанглийскую поэму «Видение Креста» («The Dream of the Rood»), относящуюся к X в., и монументальную надпись VIII в. на Рутвельском кресте (The Ruthwell cross), выполненную на нортумбрийском диалекте, с точки зрения семиотических аспектов коммуникации и передачи информации во времени и пространстве.

Поэма, состоящая из 156 строк, дошла до современного адресата полностью. Произведение представляет собой последовательное описание чудесного явления Креста, на котором был распят Иисус Христос. Крест повествует историю о том, как солдаты срубили его (дерево) на опушке леса, воздвигли на холм, а затем распяли на нем Спасителя. С этого момента Христос и Крест представляют собой единый образ самопожертвования, столь необходимый во спасение человеческих душ. Исходя из текста, Крест, наравне со Спасителем, претерпевает пытки, глумление, поругание и, в конечном итоге, смерть. После воскресения Христа люди склоняются перед Крестом, ибо на нем ради спасения людей был распят Сын Божий.

Рутвельский крест представляет собой сочетание надписей (передающих иначе те же текстовые послания), выполненных руническими знаками и на латыни.

Примечательно, что надписи, нанесенные на крест, содержат несколько строк из поэмы «Видение креста», благодаря которой ученым удалось восстановить отсутствующие или поврежденные рунические знаки в надписях на Рутвельском кресте.

Приведем ниже древнеанглийский текст, записанный латиницей на Рутвельском кресте (реконструированные слова и буквы указываются в квадратных скобках) с соответствующим ему фрагментами из древнеанглийской поэмы «Видение креста» (оригинал текста поэмы представлен по: [Baker 2007: 241]; текст на латыни – по: [Minor 1942: 115]):

Оригинальные тексты:

«The Ruthwell cross»

[on]geredæ hinæ god almeḡttig,
þa he walde on galgu gistiga,
[m]odig f[ore allæ] men;
[b]ug[a ic ni darstæ].

[ahof] ic riicnæ kyningc,
heafunæs hlafard; hælda ic ni darstæ.
Bismæradu unḡket men ba æt-gad[re].
Ic [was] miþ blodæ [b]istemi[d],
bi[gotten of his sidan].

Crist wæs on rodi;
hweþræ þer fusæ fearran cwomu
æþpilæ til anum; ic þæt al bi[heald].
S[are] ic w[æ]s mi[þ] so[r]ḡum
gidroe[fi]d;
h[n]ag [ic hweþræ þam secḡum til

«The Dream of the Rood»

<...>Onḡyrede hine þā ḡeong hæleð –
þæt wæs God ælmihtig,
strang ond stīðmōd. Ḡestāh hē on
ḡealgan hēanne,
mōdig on manigra ḡesyhðe, þā hē wolde
mancyn lȳsan.
Bifode ic þā mē se beorn ymbclypte. Ne
dorste ic hwæðre būgan tō eorðan,
feallan tō foldan scēatum, ac ic sceolde
fæste standan.

Rōd wæs ic āræred<...>
<...>Āhōf ic rīcne Cyning,
heofona Hlāford, hyldan mē ne dorste.
Þurhdrifan hī mē mid deorcan næḡlum.
On mē syndon þā dolḡ ḡesīene
opene inwidhlemmas. Ne dorste ic hira
nāenigum sceððan.
Bysmeredon hīe unc bütū ætgædere.
Eall ic wæs mid blōde bestēmed,
begoten of þæs ḡuman sīdan siððan hē
hæfde his ḡāst onsended<...>

<...>Crist wæs on rōde.
Hwæðere þær fūse feorran cwōman
tō þām æðelinge; ic þæt eall behēold.
Sāre ic wæs mid sorgum ḡedrēfed; hnāḡ
ic hwæðre þām secḡum tō handa,
ēaðmōd, elne mycle.

handa].

Miþ strelum giwundad

alegdun hiæ hinæ limwoerignæ;

gistoddu[m] him [æt] his [I]icæs
[hea]f[du]m;

[bih]ea[I]du[n h]iæ þe[r]

[heafunæs hlafard].

<...> Eall ic wæs mid strælum
forwundod.

Ālēdon hīe ðær limwēriġne, ġestōdon
him æt his līces hēafdum;

behēoldon hīe ðær heofenes

Dryhten<...>

Перевод текстов (перевод на русский язык наш. – А. П.)

Монументальная надпись на Древнеанглийская поэма «Видение Рутвельском кресте креста»

Бог Всемогущий сам разделся,
когда восходил на крест,
храбрый, перед всеми людьми;
я (крест) не смел склониться к земле.

<...>Затем Он разделся сам, молодой
герой, это был Бог Всемогущий,
храбрый и непоколебимый. Он
взошел на высокий крест,
смелый, на виду у многих,
когда хотел искупить род
человеческий.

Я содрогнулся, когда Воитель обнял
меня. Даже тогда я не смел
склониться к земле,
упасть наземь, я должен был стоять
крепко.

Я был воздвигнут крестом.<...>

Я высоко поднял великого Вождя,
Владыку небес; я не смел прогнуться.
Люди нас (крест и Христа) осыпали
бранью,
Я был мокр от крови, льющийся с Его

<...>Я поднял великого Вождя,
Владыку небес, я не смел прогнуться.
Они пронзили меня черными
гвоздями. На мне раны видимы,
открытые раны злого умысла. Я не

бока.	смел причинить вреда им.
	Они высмеивали нас. Я был мокр от
	крови, льющийся с Его бока,
	позднее Он испустил дух. <...>
Христос был на кресте;	<...>Христос был на кресте.
Тем не менее, туда пришли с	Тем не менее, туда пришли с
нетерпением издалека	нетерпением издалека люди знатные;
люди знатные, чтобы (увидеть) того	Я видел все это.
Единственного; я все видел,	Я страдал от горя;
это было мучительно, я страдал от	однако я покорился людским рукам.
горя;	<...>
однако я покорился людским рукам.	
Его изнуренное тело,	Я был весь изранен стрелами.
раненное стрелами, они положили.	Его изнуренное тело, они положили.
Они стояли рядом с Ним, во главе	Они стояли рядом с Ним, во главе
Его тела,	Его тела;
там они созерцали Владыку небес.	там они созерцали Владыку небес.

«Кумулятивные свойства языка как части культуры обеспечивают сохранение в текстах представлений дописьменного (для германских народов, дохристианского) периода. <...> Следы языческих верований нередко сохраняются в ранних христианских текстах на древнегерманских языках, в том числе в переводах с латинского, и носят формульный характер» [Проскурин, Центнер 2009: 172]. Так, возникает наслоение новой, христианской картины мира на старую, языческую. И эти наслоения влекут за собой вплетение языческих образов в христианский текст с целью адаптирования для понимания в соответствии с особенностями культуры – реципиента [Проскурин, Центнер 2009: 179].

Примечательно, что христианский текст на Рутвельском кресте не стремится исключить языческие коннотации, которые также представлены и

в поэме «Видение креста». Так, в поэме крест называется следующим образом: «*syllicre trēow*» («самое замечательное дерево»), «*bēam(a) beorhtost*» («самое яркое дерево»), «*bēacen*» («явление»), «*eaxlegespan*» («поперечная балка»), «*gallows*» («виселица»), «*sigebēam*» («дерево победы»), «*wealdendes trēow*» («дерево Господне», «дерево Спасителя»), «*wudu sēlesta*» («очень хорошее дерево»), «*rōd*» («крест»), «*holtwudu*» («дерево из леса»), «*wuldres bēam*» («дерево победы»), «*gealgtrēow*» («дерево для виселицы»). Иисус Христос же именуется так: «*Drihten*» («Господь»), «*God ælmihtih*» («Бог всемогущий»), «*Cyning*» («Вождь»), «*heofona Hlāford*» («Владыка небес»), «*beorn*» («Воитель»), «*Crist*» («Христос»), «*Nealdend*» («Господь»), «*Anweatda*» («Властелин»). В тексте на Рутвельском кресте Господь именуется как: «*Crist*» («Христос»), «*kyningc*» («великий Вождь»), «*heafunæs hlafard*» («Владыка небес»); а крест называется «*galgu*» («виселица») и «*rodi*» («крест»).

Наличие в обоих текстах языческих коннотаций свидетельствует о наложении христианского мировоззрения на языческую картину мира. Так, деревянный крест в обоих произведениях обладает способностью чувствовать и говорить. Он является как бы дружинником Вождя (Иисуса Христа). Нужно заметить, что в древнегерманской (языческой) культуре особо ценилась верность своему вождю. «Если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь,- бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя» [Тацит 2010: 452]. Возможно, что на заре христианства, для плавного перехода от язычества к христианству, образ Иисуса Христа представлялся как образ вождя (ср. «*Cyning*» («Вождь»), «*heofona Hlāford*» («Владыка небес»), «*beorn*» («Воитель»), «*Anweatda*» («Властелин»)), а верующие представлялись его дружинниками. Примечательно также, что германская

форма *drauxti-naz (*druktinos), по Э. Бенвенисту, является вторичной производной, служащей для номинации человека, находящегося во главе какой-либо социальной группы (см.: [Бенвенист 1995: 88]).

Как отмечает исследователь С.В. Санников, аналогом понятия «вождь» служит понятие «элдормен», которое можно встретить в «Англосаксонских хрониках» (см.: [Санников 2009, 2011]).

Королей древние германцы выбирали из наиболее знатных людей, а вождей – из наиболее доблестных. Однако короли не обладали безграничным могуществом, именно вожди начальствовали над ними, увлекая и восхищая их своими примерами (см.: [Тацит 2010: 449]). «В германских языках такой тип словообразования представлен в нескольких важных производных: готском *Þiudans* (от **teuta-nos*) «царь, глава сообщества», *kindins* (от **genti-nos*) «глава» («gens») – они параллельны лат. *tribūnus* от *tribus*. В древнеанглийском *dryhten* «господин» (в христианских текстах «Господь») отражена форма **drukti-nos* «предводитель *drukti*». Такая иерархия была характерна древнегерманскому обществу [Бенвенист 1995: 88–89]. Данные примеры свидетельствуют о том, что, возможно, для внедрения и закрепления христианской веры у древних германцев, Христос представлялся им в качестве вождя племени. Со временем на острове Британия образ Христа вышел на первый план, сохранив при этом языческую коннотацию» [Проскурина 2013в: 145–146]. Заметим также, что в свое время Якоб Гримм отмечал (см.: [Grimm 1844–1854]), что Христос воспринимался на ранних этапах христианизации в качестве древнегерманского бога бурь, грома и плодородия – Тора, в снаряжение которого входил молот Мьельнир. При этом молот имитирует крест.

«Анализ религиозного фактора в становлении ранних форм королевской власти у германских народов необходим для уточнения сущности феномена королевской власти, понимания процесса его трансформации из института племенного военного предводительства в институт ранней государственности» [Санников 2009: 51].

Начиная с V по X вв. христианство распространяется по Европе, и место древних мифов, повествующих о воинственных богах, заняли евангельские представления о Спасителе и Создателе. Король представлялся людям того времени «наместником Христа», поскольку сохранял свое высокое положение в качестве верховного религиозного вождя и определял религиозные пристрастия своих народов. Новая вера была притягательна для европейцев в силу того, что она придавала жизни и смерти позитивный смысл, иначе говоря, объясняла тяготы и тайны бытия.

Стоит отметить, что христианство повлияло и на германские правовые институты. Так, новая вера побудила «наместников Христа» заносить на бумагу законы в виде кратких сводов. Германские кодексы показывают внедрение христианских концепций – изначальное равенство каждого перед Создателем. Краткие своды помогали предотвращать кровную вражду и поддерживать мир.

Христианство оказывалось единым с политикой, правом и экономикой. В рамках новой религии люди учились святости, что для германцев было в диковинку, так как ранее они прославляли только своих героев. Однако церковь не боролась против восхваления героев и их подвигов, она лишь только предлагала иные идеалы. Именно монахи и монастыри своими примерами преподали германским народам христианские идеалы жертвенности, в то время как большинство священников и епископов погрязли в коррупции и насилии, так как они назначались ведущими политиками из числа родственников и приближенных [Берман 1999: 65–67].

«Представление о сакральном характере королевских родов отличалось в германских обществах значительной устойчивостью. Даже в произведении христианского автора Беды Достопочтенного отмечается, что английские конунги Хенгист и Хорса «были сыновьями Витгисля, сына Витты, сына Векты, сына Водена, к которому восходят правящие роды многих провинций» [Санников 2009: 185]. Примечательно, что сакрализация

королевской власти и королевского рода сохраняется и после принятия германцами христианской веры (см.: [Санников 2009, 2011]).

Вернемся к центру мира (*midjan-gardaz букв. «срединное огороженное место»), центр мира древних германцев отмечается «мировым деревом ясенем» Yggdrasil в северогерманской (скандинавской) мифологии, столпом Irminsul в центральногерманской мифологии, высокой горой (где живут боги-асы Asgardr) в скандинавской мифологии. С.Г. Проскурин отмечает германское слово *midjan-gardaz со значением «средний мир» (которое буквально прочитывается по С.Г. Проскуру как «центр», «середина мира»), как коррелирующее более с «горизонтальным» представлением о мире, где срединной части, обжитой людьми (мидгард), противопоставляются отдельные и пугающие миры, обиталища богов и демонов (утгард) (см.: [Степанов 2004: 93]).

Крест как главный христианский символ часто предстает сделанным из дерева и идентифицируется с космическим мировым деревом, растущим прямо в небеса. Большинство литургических текстов сравнивают крест со столпом, горой или лестницей (см.: [Бенаус 2004, Потебня 2000, Проскурин 2013, Смирнова 2006, Федоров 2000; Eliade 1978]). Таким образом, центр мира – часть христианской картины мира. Во времена средневековья концепт мирового дерева часто упоминался как «перевернутое дерево» (лат. *arbor inversa*), растущее с небес на землю: «Корни его на небесах, а ветви на земле». Это яркий пример семиотического эволюционного ряда (т. е. замена одного предмета другим, при этом второй предмет копирует функции и формы первого предмета). Стоит заметить, что образ креста в раннехристианской литературе предсавлялся следующим образом: четыре ветви креста ассоциировались с четырьмя измерениями мирового пространства (шириной, долготой, высотой, глубиной (соотв. Лат. *latitudo, longitudo, altitudo, profundum*)). Сам крест представлялся образом распятого Христа, а его измерения ассоциировались с положением головы, рук и тела Спасителя. Преимущественно устойчивые ассоциации образовывались

между размахом рук Христа и шириной (*latitudo*) креста [Проскурин 2013: 51, 59].

Ю.А. Федоров отмечает, что Симеон Солунский в «Новой скрижали» поясняет, что именно образует крест Господень: «К востоку за престолом ставится четвероконечный Божественный крест Спасителя, на котором Он, грехов ради наших, был пригвожден, – Спасителя, Который сотворил и содержит все горнее и дольнее, Который соединил горнее с земным, свыше нисшел на землю, и потом с земли вознесся на небо; в Себе Самом все соединил и к Себе призвал все концы земли. Который высотой Божества и смирением воплощения все Себе усвоил и воссоздал нас высотой славы, глубиной нищеты и смирения, и широтой милости и любви, из ада воздвигнул и из земных сделал небесными». Вот что образует крест (см.: [Федоров 2000: 25]).

Стоит также отметить иллюстративное значение местоимения «я», употребляемое в древнеанглийской поэме «Видение Креста» и монументальной надписи на Рутвельском кресте. «Я» в данных текстах выступает как образец и как копия. Страдания Иисуса Христа (а в данных текстах его аналогом выступает Крест, повествующий о событиях) – это несомненный образец покаяния и очищения своей души от грехов. Данные тексты лиричны: в них обнаруживается описание автором внутреннего переживания своих грехов, достигающее апогея к концу повествования. Следовательно, углубление лирического «я» (образец либо копия) возможно лишь в пределах принимаемой христианской истины (см.: [Гвоздецкая 1995: 71]).

Обратим еще раз внимание на обозначение понятия креста и в тексте поэмы, и в надписи на Рутвельском кресте: «*sylicre trēow*» («самое замечательное дерево»), «*bēam(a) beorhtost*» («самое яркое дерево»), «*bēacen*» («явление»), «*eaxlegespan*» («поперечная балка»), «*gallows*» («виселица»), «*sigebēam*» («дерево победы»), «*wealdendes trēow*» («дерево Господне»), «*wudu sēlesta*» («очень хорошее дерево»), «*rōd*» («крест»), «*holtwudu*»

(«дерево из леса»), «wuldres bēam» («дерево победы»), «gealgtrēow» («дерево для виселицы»). Приведенные лексические единицы являются ярким примером смены центрального космического символа мирового дерева (соединяющего *middangeard с небесами и определяющий координаты пространства) крестом (теперь крест будет являться соединением человеческого мира с небесами). Очевидно, что смена центрального космического символа влечет за собой прямой переход от язычества к христианству, а также изменение восприятия мира (ср. было: мировое дерево, мидгард и утгард; стало: символика креста, дольний, горней и преисподний миры).

Рассматривая семиотический аспект коммуникации, можно предположить, что коммуникативная задача исходила из того, что новая информация понималась посредством ее трансляции в рамках старого образа, уже известного носителям языка. Коммуникация основывалась на социокультурной базе благодаря межиндивидуальной психологии. Таким образом, замена центрального космического символа мирового дерева крестом, сохранившим черты языческого символа, является примером доступной коммуникации. Задача передачи информации во времени заключается в трансляции информации относительно важного христианского элемента культуры – креста как символа христианства. Языческий же образ мирового дерева совсем неважен с точки зрения семиотического аспекта передачи информации, но важен с точки зрения коммуникации в поколении германцев, только что принявших христианство.

Обратимся к фрагменту из поэмы «Видение креста», где крест предстает центральным космическим символом, соединяющим «средний мир» с небесами. С.Г. Проскурин отмечает, что в данном отрывке в концепте «*middangeard» актуализируется связь «нижний» – «средний» – «верхний», которая доминирует в христианском мировоззрении. Исследователь отмечает, что «код мира может рассматриваться в его знаковом семиотическом аспекте. Однако существует такая разновидность кодируемой информации, когда в

кодовом слове отражен предмет – знак реального мира, к таким знаковым семиотическим кодам в культуре относится представление дерева как символа языческого мира, креста как предмета христианской культуры и т. д.

On lyfte laedan leogte bewunden beam	Дерево (крест) в небеса уходящее,
beorhtost eall þæt	светом объятое, дерево ярчайшее,
Beacen waesbegoten mid golde	Звезды (каменья) стояли прекрасные
Gimmas stodon faegre aet sceatum [...].	по краям земли...
He þa on heofenas astag;	Он (Иисус) на небеса взошел;
Hider eft on þysne middangeard	Сюда снова в средний мир вернуться
mancyn secan (D. R. 4-7, 104 -105)	– людей судить»

[Проскурин, Центнер 2009: 48–49].

Приведем пример синтеза изображений мирового дерева и креста. В рукописи конца XII в. Бертольда Миссалья (Missal) – «Крест – Процветшее дерево или ткань универсума» крест предстает процветшим деревом. На рукописи видны мегалитические круги и спирали, которые представляют собой изображение мирового дерева (точнее, двух деревьев) и одновременно Процветшего креста. Христос, увенчивающий мировую ось, изображен на верхней ветви. «Под горизонтальной перекладиной креста, отделяющей горнее от дольного, – змей, правильными кольцами оплетающий двойной ствол Древа и отходящие от него четыре ветви, также закрученные в правильные спирали, с изящными листьями побегов. Все линии переплетаются в правильном порядке, образуя «ткань Универсума» по схеме мандалы» [Генон 2008: 226–227] (см. рис. 4; рис. приводится по: [Генон 2008: 226–227]):

Рис.4. Крест – Процветшее дерево или ткань универсума

В данном контексте мировое дерево представляет собой «мировую ось», а змей символизирует совокупность циклов универсального проявления. В данном случае змее символизирует опасность и зловредность. Он иллюстрирует свою вовлеченность в бесконечную серию циклов проявления. Роль змея – сохранение символов бессмертия, к которым он преграждает доступ. Например, он обвился в Колхидской роще вокруг Древа жизни, на котором было повешено «золотое руно», или в саду Гесперид, вокруг дерева с яблоками (см.: [Генон 2008: 129–130]).

С точки зрения семиотических аспектов коммуникации и передачи информации во времени и пространстве, древнеанглийская поэма «Видение креста» и текстовый памятник на Рутвельском кресте представляют собой отражение перехода от языческой картины мира к христианской. Об этом положении свидетельствует лексика, относящаяся к языческому мировосприятию: «*syllicre trēow*» («самое замечательное дерево»), «*bēam(a) beorhtost*» («самое яркое дерево»), «*bēacen*» («явление»), «*eahlegesþan*» («поперечная балка»), «*gallows*» («виселица»), «*sigebēam*» («дерево победы»), «*wudu sēlesta*» («очень хорошее дерево»), «*holtwudu*» («дерево из леса»), «*wuldres bēam*» («дерево победы»), «*gealgtrēow*» («дерево для виселицы»),

«Cuning» («Вождь»), «heofona Hlāford» («Владыка небес»), «beorn» («Воитель»), «Anweatda» («Властелин»), «kyningc» («великий Вождь»), «galgu» («виселица»); и лексика, относящаяся к зарождающейся христианской картине мира: «wealdendes trēow» («дерево Господне», «дерево Спасителя»), «Drihten» («Господь»), «God ælmihtih» («Бог всемогущий»), «Crist» («Христос»), «Nealdend» («Господь»), «rodī и rōd» («крест»).

Таким образом, и поэма «Видение креста», и монументальная надпись на Рутвельском кресте являются текстами с уникальной формой хранения информации в синхронном и диахроническом аспектах: с одной стороны речь идет о распространении христианства и смене центрального космического символа, а с другой мы видим возможность восприятия современным адресатом этих текстов как матрицы христианского движения, (т.к. из поколения в поколение передается и будет передаваться информация о самопожертвовании Христа). Соответственно, вышеприведенные тексты истолковываются и с позиции коммуникации, и с позиции передачи: матрицей для христианского движения послужили рамки мыслей, относящиеся к истории ментальности (коммуникация); из года в год, из столетия в столетие люди передают важную для них информацию именно для того, чтобы то, чем они живут и во что они верят, не умерло и не исчезло бы с ними (передача информации). Благодаря наличию сжатой письменной формы, какой являются древнеанглийская поэма «Видение креста» и, еще в большей степени, текстовый памятник на Рутвельском кресте, информационное послание текстов передается во времени и пространстве. Стоит заметить, что коммуникативная установка также сохранилась в силу консерватизма языка.

Однако впоследствии слова со значением «дерево-крест» замещаются нейтральным заимствованием «cross» («крест»), не имеющим языческих коннотаций. В настоящий момент обсуждаются три источника заимствования слова «cross»: 1. «cruх» (латинское слово); 2. «cros» (нормандское слово, ранее заимствованное из латыни, «cruх»); 3. «cros

«(ирландское слово, которое вошло в словарный состав английского языка благодаря ирландским миссионерам) (см.: [Crystal 2004: 31]).

Фактор передачи информации, исключая языческие коннотации, повлиял на выбор самого слова «cross» («крест») в английской христианской культуре.

2.2. Жанр тулы в аспекте передачи информации (на материале рукописей «Англосаксонских хроник» и древнеанглийской поэмы «Видсид»)

Любой язык, как уже отмечалось выше (см. Глава I), вовлечен в коммуникацию и ему свойственна функция передачи во времени и пространстве. Коммуникация представляет собой обращение сообщений в некий заданный момент настоящего времени, а передача – все то, что имеет отношение к динамике коллективной памяти см.: [Дебре 2010]. Для того чтобы сохранилась базовая идентичность сообщений, передача информации должна быть связана с графикой. Иными словами, чтобы информация передавалась из поколения в поколение, ее форма передачи должна быть неизменной.

Ярким примером сохранения базовой идентичности сообщений могут служить манускрипты «Англосаксонских хроник». Даже если они были переписаны одним писцом, то есть все основания считать, что они составлялись последовательно как перечень кратких надписей, имеющих общую форму написания. Об этом свидетельствует хронологический принцип: например, надписи манускрипта F, записывающиеся каждый год и придерживающиеся одинаковой формы (как будто их создавали по единому шаблону). Оригинал кратких надписей приводится по: [<http://asc.jebbo.co.uk/b/b-L.html>] (перевод надписей с древнеанглийского языка наш. – А. П.)

Сравните: 1) A. D. 34. «Her wæs Paulus gehwierfed, 7 sanctus Stephanus oftorfod» («Здесь Святой Павел был обращен в веру, и Святой Стефан был побит камнями»); 2) A. D. 35. «Her se ead¹ga Petrus se apostol gesæt biseceptel in Antiochia þære ceastre» («Здесь блаженный апостол Петр установил епископский престол в городе Антиохия»).

Краткие записи «Англосаксонских хроник» содержат в себе информацию о погодных условиях, доблести, о славе правителей, а также и о настроениях в социуме того времени. Специфической же особенностью кратких записей является забота о хронологии. Записи бережно вносились из года в год, тем самым отражая реальность глазами монахов или каноников (имена людей, кропотливо создававших «Англосаксонские хроники», не сохранились). Для хронистов было важным сохранить и прославить подвиги своих правителей и героев. Это, на наш взгляд, было необходимой ментальной чертой того времени, ведь для того, чтобы добиться всеобщего признания, необходимо передавать из поколения в поколение информацию о своих предках, отличавшихся легендарной силой, храбростью и отвагой. Стоит заметить, что по мере усвоения христианства древнегерманским обществом, форма кратких надписей постепенно изменялась, они становились длиннее. Следовательно, варианты хроник начинали отличаться друг от друга. В записи вкраплялись библейские мотивы, а также информация о религиозной жизни общества. Примечательно, что в «Англосаксонских хрониках» начался переход от тул к библейским генеалогиям, который напрямую связан с изменением не только религиозного осознания мира, но и также с изменением форм памяти германских народов.

Идея передачи информации находит свое отражение в древнейшей германской поэтической традиции – в жанре тулы. Тулы относятся к древнейшему жанру, заключающего в себе «отпечаток синкретизма архаичного словесного творчества» [Смирницкая 1980: 177]. Тулы являются сводом знаний о героях, оформленном по строгим правилам аллитерационного стихосложения. Таким образом, тулы являются

памятником поэтического искусства. Для древнего германца информативная функция тулы была неотделима от эстетической (см.: [Там же]).

«Для скандинавов той эпохи более существенно было знать родословную человека, чем его координаты на хронологической шкале. Если известны происхождение и место жительства человека, указаны его сородичи, брачные союзы с другими семьями, дружеские связи, то о нем сказано достаточно для того, чтобы средневековой человек с должной отчетливостью локализовал его в своем сознании и мог следить за событиями его жизни, не задаваясь излишними для него вопросом, в каком году от рождества Христова эти события имели место» [Гуревич 1990: 76–77].

А.Я. Гуревич на примере скандинавских саг показал, что датирование обозначенных и описываемых событий (несмотря на большое количество указаний на время) практически невозможно по причине отсутствия связи с христианским или другим летоисчислением. Временными ориентирами служили имена собственные. Иными словами, время соотносится и организуется в рамках жизни и правления верховного правителя; а временными ориентирами в данном случае выступают его деяния [Гуревич 1990: 76, 78].

Так, А.С. Центнер отмечает, что «важность указанной выше информации эксплицируется в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранте»: ритуальный обмен «речами» перед битвой начинается с вопроса Хильтибранта к противнику, какого он роду и племени:

7 *Hiltibrant gimahalta [Herbrantes sunu]: her uuas heroro man,*

8 *ferahes frotoro; her fragen gistuont*

9 *fohem uuortum, hwer sin fater wari*

10 *fireo in folche,*

11 *eddo hwelihhes cnuosles du sis.*

12 *ibu du mi enan sages, ik mi de odre uuet,*

13 *chind, in chunincriche: chud ist mir al irmindeot.*

Хильтибрант сказал [Херибрантов сын]: он был почтеннее муж,

жизнью умудреннее; он спрашивать начал
немногословно, кто его отец был
Из (?) людей в народе (военном?),
или какого племени ты есть.

Если ты мне одно скажешь, я другое вспомню (?),
дитя, в королевстве: известен мне весь народ» .

[Проскурин, Центнер 2009: 170].

Жанр тулы представляет собой, согласно А.Я. Гуревичу, перечень мифологических и исторических имен. С каждым именем в памяти древнего германца связывался определенный эпизод мифа или героической эпопеи. В данном случае эти имена служили ему кодом, расшифровать который не представляло труда. В процессе расшифровки развертывались рассказы о людях, носивших эти имена. Таким образом, самые широкие картины мифологии или героической жизни даются в жанре тулы очень лаконично. В достаточно сжатой форме тулы давалось больше информации, т.к. каждое имя предполагало рассказ о своем владельце [Гуревич 1975: 4].

Рассмотрим базовую идентичность всех тул, приведенных в «Англосаксонских хрониках». Ранние тулы, записанные в этой Летописи, древние германцы возводили либо к верховному Богу Одину (таблица 2), либо к своим героям для восхваления предков (таблица 3). Более поздние тулы древние германцы возводили к Христу. Здесь и далее оригинал кратких надписей приводится по: [The Anglo-Saxon Chronicle, electronic resource], (перевод с древнеанглийского языка наш. – А. П.):

Таблица2

Тулы, восходящие к Одину

№п/п	Дата	Оригинал	Перевод
1	A.D. 449	<...> “Hengest 7 horsa. ƿ~wæron Wihtgilses suna.	<...> «Хенгист и Хорса: они были сыновьями

		<p>Wihthgils wæs Witting. Witting Witta. Wecting Wecta. Wodning” <...>.</p>	<p>Вихтгилса; Вихтгилс сын Витты, Витта – Векты, Векта – Одена»<...>.</p>
2	A.D. 552	<p><...> Cerdic wæs Cynrices fæder. Cerdic Elesing. Elesa Esling. Esla Gewising. Gewis Wiging. Wig Freawining. Freawine Friþogaring. Friþogar Branding. Brand Beþdæging. Beþdæg Wodening” <...>.</p>	<p><...> «Кердик был отцом Кюнрика; Кердик был отцом Элеса, Элеса – Эслы, Эсла – Гевисса, Гевисс – Вига, Виг – Фреавина, Фреавин – Фритогара, Фритогар – Бранда, Бранд – Белдея, Белдей – Одина»<...>.</p>
3	A.D. 597	<p><...> “Ceolwulf<...> wæs Cuþaing. Cuþa Cynricing, Cynric Cerdicing, Cerdic Elesing, Elesa Esling, Esla Gewising, Giwis Wiging, Wig F<r>eawining, Freawine Friþugaring, Friþugar Bronding, Brond Beþdæging, Beþdæg Wodening”<...>.</p>	<p><...> «Кеолвульф был сыном Куты, Кута – Кюнрика, Кюнрик – Кердика, Кердик – Элеса, Элеса – Эслы, Элса – Гевисса, Гевисс – Вига, Виг – Фреавина, Фреавин – Фритогара, Фритогар – Бранда, Бранд – Белдея, Белдей – Одина» <...>.</p>
4	A.D. 626	<p><...> “Penda wæs Pybbing, Pybba Cryding, Cryda Cynewolding, Cynewold Cnebbing, Cnebbba Iceling, Icel Eomæring, Eomær</p>	<p><...> «Пенда был сыном Пюббы, Пюбба – Креоды, Креода – Киневальда, Киневальд- Кнеббы, Кнебба – Икеля, Икель – Эомера, Эомер –</p>

		Angelþeowing, Angelþeow Offing, Offa Wærmunding, Wærmund Wihtlæging, Wihtlæg Wodening”.	Ангельтеова, Ангельтеов – Оффы, Оффа – Вермунда, Вермунд – Вихтлега, Вихтлег – Одина».
--	--	--	---

Таблица 3

Тулы, восходящие к древнегерманским героям

№п/п	Дата	Оригинал	Перевод
1	A.D. 547	<...> “ Ida wæs Eorping, Eorpa wæs Esing, Esa Inguing. Ingui Angenwiting. Angenwit Aloching. Aloc Beonocing. Beonoc Branding, Brand Bældæging. Bældæg Wodening. Woden Fripowulfing, Fripowulf Finning. Finn Godwulfing. Godwulf Geating”.	<...> « Ида был сыном Эопы, Эоппа – Эсы, Эса – Ингви, Ингви – Ангенвита, Ангенвит – Алока, Алок – Бенока, Бенок – Бранда, Бранд – Балдея, Балдей – Одина, Один – Фреотолафа, Фреотолаф – Фреотовульфа, Фреотовульф – Финна, Финн – Годульфа, Годульф – Геата».
2	A.D. 560	<...> « Ælle wæs Yffing. Yffe Uscfreaing. Uscfrea Wilgisling. Wilgisl Westerfalcning. Westerfalcna Sæfugling. Sæfugl Sæbalding. Sæbald Sigegeating. Sigegeat	<...> « Элле был сыном Юффы, Юффа – Ускфрея, Ускфрей – Вилгилса, Вилгилс – Вестерфалкны, Вестерфалкна – Севугла, Севугл – Себальда, Себальд-Сигегеата, Сигегеат – Свабдея, Свабдей – Сигегара,

		Swæfdæging. Swæfdæg Sigegearing. Sigegear Wægdæging. Wægdæg Wodening. Woden Friþowulfing».	Сигегар – Вейдея, Вейдей – Одина, Один –Фритовульфа».
3	A.D. 685	<...> «Ceadwalla was Coenbryhting. Coenbryht Cading, Cadda Cupaing, Cupa Ceawlining, Ceawlin Cynricing, Cynric Cerdicing» <...>.	«Кедвалла был сыном Коенберта, Коенберт – Кадды, Кадда – Куты, Куты – Кевлина, Кевлин – Кюнрика, Кюнрик - Кердика» <...>.
4	A.D. 688	<...> Þonne was se Ine Cenreðing, Cenred Ceolwælding, Ceolwald was Cynegilses broþur, 7 þa wæron Cufwines suna Ceaulininges, Ceaulin Cynricing, Cynric Cerdicing” .	<...> «Сейчас Ине был сыном Кенреда, Кенред – Кеолвальда, Кеолвальд был братом Кюнегильса, и они были сыновьями Кютвина, сына Кеавлина, Кеавлин был сыном Кюнрика, Кюнрик – Кердика».
5	A.D. 731	<...> “7 se Ceolwulf wæs Cupaing, Cupa Cufwining, Cufwine Leodwælding. Leodwald Ecgwælding, Ecgwald Aldhelming, Aldhelm Ocging, Ocgā Iðing, Iða Eopping” <...>.	<...> «Кеолвульф был сыном Кюты, Кюта – Кютвина, Кютвин – Леодвальда, Леодвальд – Эгвальда, Эгвальд – Алдхельма, Алдхельм – Оги, Ога – Иды, Ида – Эоппы» <...>.

Тула A.D. 855 является восходящей к Христу:

<...> “On se Eþelwulf wæs <...> «И Этельвульф был сыном Ecgbrehting, Ecgbryht Ealhmunding, Эгбрюхта, Эгбрюхт – Эалхмунда, Ealhmund Eafing, Eafa Eopping, Эалхмунд – Эавы, Эава – Эоппы, Eoppa Ingilding; Ingild wæs Ines Эоппа – Ингильда; Ингильд был broþur Westseaxna cyninges, þæs þe eft братом Ины<...>и они были ferde to Sancte Petre 7 þær eft his feorh сыновьями Кенреды, Кенреда – gesealde; 7 hie wæron Cenredes suna, Кеолвальда, Кеолвальд – Кюты, Cenred wæs Ceolwalding, Ceolwald Кюта – Кютвина, Кютвин – Cupaing, Cupa Cupwining, Кеавлина, Кеавлин – Кюнрика, CupwineCeaulining, Ceawlin Кюнрик – Кердика, Кердик – Элесы, Cynricing, Cynric Cerdicing, Cerdic Элеса – Эслы, Эсла – Гевиса, Гевис Elesing, Elesa Esling, Esla Giwising, – Виги, Вига – Фреавина, Фреавине Giwis Wiging, Wig Freawining, – Фритогара, Фритогар – Бронда, Freawine Friþogaring, Friþogar Бронд – Баелдея, Баелдей – Одина, Bronding, Brond Beþdægging, Beþdæg Один –Фритовульфа, Фритовульф – Wodening, Woden Friþowalding, Финна, Финн – Годвульфа, Friþuwald Freawining, Frealaf Годвульф –Геаты, Геата –Тетвы, Friþuwulfing, Friþuwulf Finning, Fin Тетва – Беавы, Беава – Скельдveja, Godwulfing, Godwulf Geating, Geat Скельдвей – Херемода, Херемод – Teþwaing, Teþwa Beawing, Beaw Итермона, Итермон – Хатры, Хатра Sceldwaing, Sceldwea Heremoding, – Хвалы, Хвала – Бедвия, Бедвий – Heremod Itermoning, Itermon Скеафа, который был сыном Ноя, он Hraþraing, se wæs geboren in þære был рожден в ковчеге Ноя; Ламех, earce: Noe, Lamach, Matusalem, Enoh, Мафусал, Енох, Сиф, Адам – первый Iaered, Maleel, Camon, Enos, Sed, человек; и Отец наш – Христос. Adam primus homo et pater noster est Аминь» <...>. Christus, Amen” <...>.

Стоит заметить, что в некоторых записях, датируемых разными годами, встречаются фрагменты одной и той же тулы. Так, часть имен из записи от A.D. 597, дублируется в туле от A.D.552. Разница между данными тулами заключается в следующем: 1) Имени *Cynric* (A.D. 597) предшествуют два имени: *Ceolwulf*, *Cupa*, а в туле A.D.552. тому же имени предшествует только одно имя – *Cerdic*; 2) По-иному записано с течением времени имя **Brond/Brand**. Сравните: 1) A.D. 552 <...> «*Friþogar Branding. Brand Beldæging. Beldæg Wodening*» <...>; 2) A. D. 597 <...> «*Friþugar Bronding, Brond Beldæging, Beldæg Wodening*» <...>. Можно также обнаружить, что одна (большая по размеру) тула состоит из нескольких (меньших по размеру) тул, датируемых разными годами. Так, тула A.D. 855, возводимая к Христу, состоит из двух тул (A.D. 597 и A.D. 688), одна из которых входит и в другие тулы (*Eorra*: A.D. 547, A.D. 737). Примечательно, что со временем многие формы имен претерпели изменения. Сравните фрагменты тулы от A.D. 855, представляющие собой две, вышеупомянутые тулы:

Тулы от A.D. 688 и A.D. 855

A.D. 688

“Ine Cenreding, Cenred Ceolwalding, <...> «Ines broþur Westseaxna Ceolwald was Cynegilses broþur, 7 þa cuninges, þæs þe eft ferde to Sancte wæron Cupwines suna Ceaulininges, Petre 7 þær eft his feorh gesealde; 7 hie Ceaulin Cynricing, Cynric Cerdicing”.

A.D. 855

«Ines broþur Westseaxna cuninges, þæs þe eft ferde to Sancte wæron Cenredes suna, Cenred wæs Ceolwalding, Ceolwald Cupaing, Cupa Cupwining, Cupwine Ceaulining, Ceawlin Cynricing, Cynric Cerdicing»<...>

Тулы от A.D. 597 и A.D. 855

A.D. 597

A.D. 855

“Ine Cenreðing, Cenred Ceolwalding, <...> «Cerdic Elesing, Elesa Esling, Ceolwald was Cynegilses broþur, 7 þa Esla Giwising, Giwis Wiging, Wig wæron Cūpwines suna Ceaulininges, Freawining, Freawine Friþogaring, Ceaulin Cynricing, Cynric Cerdicing”. Friþogar Bronding, Brond Beldægung, Beldæg Wodening, Woden»<...>

Обратим внимание на патронимический суффикс – *ing / ung*, встречающийся в именах, приведенных в тулах на языке оригинала. Как указывает В.М. Жирмунский, данный «суффикс указывает на родовую связь, единство происхождения членов родовой общины: он подтверждает свидетельство Цезаря, что германцы селились «родовыми группами» (De bello Gallico II, 22)» [Жирмунский 1964: 36].

В качестве наглядного примера, приведем одну из вышеупомянутых тул:

A. D. 597 <...> «Ceolwulf <...> wæs Cūpaing. Cūpa Cynricing, Cynric Cerdicing, Cerdic Elesing, Elesa Esling, Esla Gewising, Giwis Wiging, Wig Freawining, Freawine Friþugaring, Friþugar Bronding, Brond Beldægung, Beldæg Wodening» <...>.

Для отражения связи родства, выражающегося данным патронимическим суффиксом, англоязычный переводчик будет использовать служебное слово *of*, а русскоязычный прибегнет к помощи родительного падежа. Сравните: 1) <...> «Ceolwulf was the son **of** Cutha, Cutha **of** Cynric, Cynric **of** Cerdic, Cerdic **of** Elesa, Elesa **of** Esla, Esla **of** Gewis, Gewis **of** Wig, Wig **of** Freawine, Freawine **of** Frithugar, Frithugar **of** Brond, Brond **of** Baeldaeg, Baeldaeg **of** Woden» <...> [Stevenson 1853: 11]; 2) «Кеолвульф был сыном Куты, Кута Кюнрика, Кюнрик Кердина, Кердик Элесы, Элеса Эслы, Эсла Гевиса, Гевис Уига, Уиг Фреавине, Фреавине Фритугара, Фритугар Бронда, Бронд Баелдаега, Баелдаг Одина» (перевод на русский язык наш. – А.П.).

Обратим так же еще раз внимание на аллитерацию имен. Согласно О.А. Смирницкой, аллитерация представляет собой «исконный знак сродства», поскольку имена в княжеских династиях аллитерированы (ср.

Хальфдан – Хродгар – Хредрик в «Беовульфе», но также и Этельвульф – Альфред – Эадвард в династии уэссекских королей)). Таким образом, аллитерируют названия западногерманских племенных групп: ингевонов, истевонов, эрминонов.

Иными словами, аллитерация объединяет героический мир древних германцев. Древнегерманский поэт, оперируя корневыми созвучиями, углублялся в этимологические связи слов (см.: [Смирницкая 1980: 179–180]). «Кумулятивная функция аллитерации неотделима от связующей: именно аллитерация соединяет краткие строки в более сложно организованную стиховую единицу – долгую строку. <...> Для древнеанглийского стиха более характерно несовпадение стиховых и синтаксических границ, когда предложение заканчивается не в конце, а в середине долгой строки. <...> Смысловую значимость аллитерации, вытекающую из акцентных правил аллитерационного стиха, особенно важно иметь в виду, так как она играет большую роль и в самой устойчивой традиции» [Смирницкая 2008: 397].

Нормандское завоевание Англии явилось причиной угасания традиции аллитерационной поэзии. Однако уже к XI в. аллитерационная поэзия, будучи теснимой латинской и англосаксонской прозой, уже исчерпала свои возможности. В древнеанглийской поэзии выделяют следующие исконные жанры: героическая поэзия, заклинания и гномические стихи, произведения христианского содержания и стихи, изобилующие лирическим началом (например, «Видение Креста» принадлежит к духовной лирике). Древнеанглийская поэзия является художественной формой осознания истории. В героическом эпосе находит свое выражение понимание прошлого (см.: [Смирницкая 2008: 390, 391, 419]).

Построение древнеанглийского поэтического высказывания в какой-то степени тождественно технике ткачества: рассказ ложится на основу, создающую фон для последующего высказывания. Повествование постоянно сгущается в отмеченных двойной аллитерацией именных сочетаниях. Таким

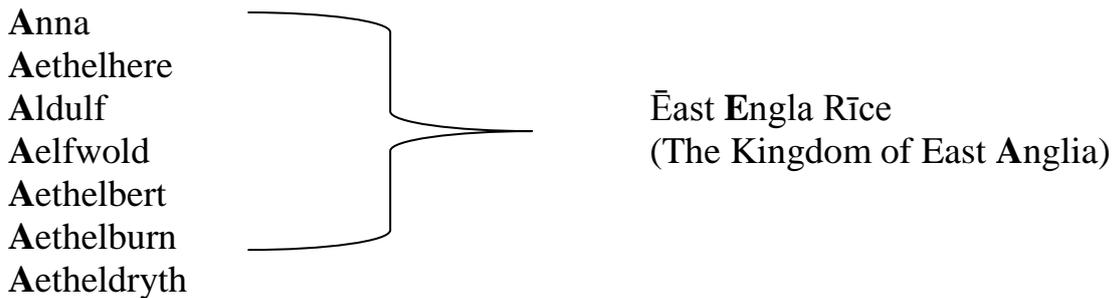
образом, дальнейший рассказ воспринимается именно на фоне данных сгущений (см.: [Гвоздецкая 1995: 45]).

Примечательно, что стиравшаяся внутренняя форма имен вождей, как правило, восстанавливалась благодаря древнегерманским поэтам. Имена народов аллитерировали с именами германских прародителей. Об этом свидетельствует прототекст тулы, представленной у К. Тацита («О происхождении германцев и местоположении Германии»). Согласно С.Г. Проскурину, «текст К. Тацита позволяет реконструировать германский «прототекст» («протостих») в форме тулы: «*Ingui: *Ermin Teuz: Istwas*, -с учетом германского аллитерационного принципа стихосложения и особенностей жанра. Этот текст позволяет установить некоторые дополнительные семантические ассоциации с третьей семьей англосаксонского футарка. Тацит пересказывает основные части этногенического мифа германских народов: «Они прославляют в старинных песнях, которые представляют у них единственный род предания и летописей, бога Туистона, рожденного землей (*Iuistonem deum terra editum*), его сына Манна, происхождение народа и родоначальников. Манну они приписывают трех сыновей, по имени которых ближайшие к океану зовутся ингвеонами (*Inguaeones*), средние эрминонами (*Herminones*), остальные иствеонами (*Istaeuones*)» [Степанов, Проскурин 1993: 130].

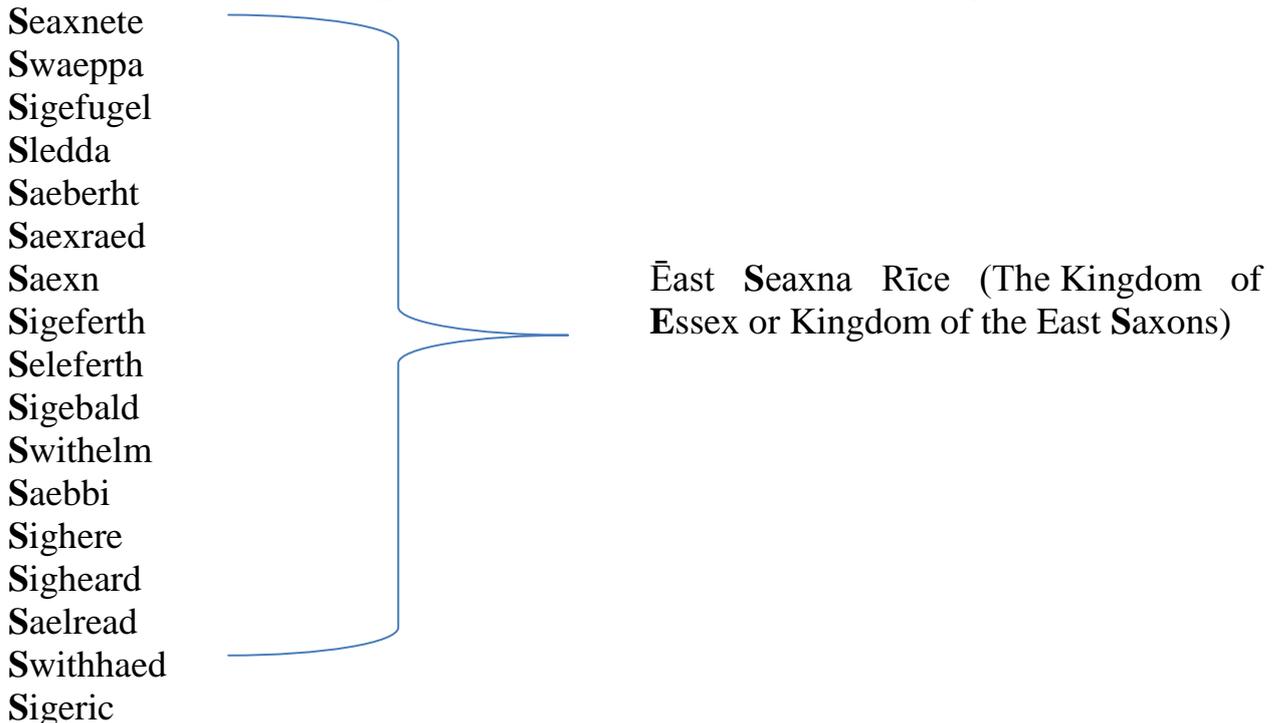
Заметим, что сменяемость королей в англосаксонский период тоже напоминает композицию тулы. Если проследить генеалогию древнегерманских правителей, то можно обнаружить, что, как правило, они именовались именно по принципу аллитерационной рифмы. Возможно, что выбор имени напрямую зависел от начальной буквы имени предка. Так, в генеалогии королей Кента доминируют имена, начинающиеся на *W* и *E*. Для сравнения: в генеалогии королей Мерсии – преимущественно на *C*; а в генеалогии королей Восточного Саксонского Королевства имена начинаются в основном на *S*. Имена правителей Восточных Англов аллитерируют чаще всего на *A*, Линдисфарна – на *E* и *B*; Королевства Нортумбрии – на *A*, а

Королевства Уэссекса – на *С* и *А*. Имена королей Уэссекса, Восточного Саксонского Королевства и Восточной Англии коррелируют с названием племени англов, которые преимущественно проживали в этих королевствах. Историческая память тул хранит не только отношения имен собственных, но и более глубинные принципы отношений. Имена, приведенные в генеалогии англосаксонских королей, отличаются дифференциальным признаком, поскольку каждое королевство маркировано определенным начальным звуком. Повтор однородных согласных и гласных коррелирует с этнонимами. В качестве доказательства приведем примеры (генеалогии королей представлены по: [Stevenson 1853: 384–391]):

Генеалогия королей Восточной Англии

Генеалогия королей Восточного Саксонского Королевства

Sigeraed

Генеалогия королей Кента

Emme
Eormenred
Ermenburga
Eormengitha
Eormenring
Erconberht
Ecgbryht
Eadric
Eanswith
Eormengild
Eorcongotha

Cent
(Kent)

Генеалогия королей Мерсии

Cnebba
Cynewald
Creoda
Cenwalh
Cyneswitha
Cyneswitha
Cuudwalh
Centwine
Cynreal
Cuthberht
Cenre

Mierce
(Mercia)

Генеалогия королей Линдисфарна

Bubba
Beda
Biscop

Lindisfarena
(Lindisfarne)

Eanferth
Eatta
Ealdfrith

Генеалогия королей Нортумбри

Alhfrith	}	Norþanhymbra /
Aedryht		Norþhymbre
Aethelwold		(Northumbria)
Alhred		
Aethelred/Aethelrht		
Aelfwold		
Aethelberht		
Aeile		
Aetheldrythe		

Генеалогия королей Уэссекса

Cerdic	Coentwine	Aescwine	Aegelward
Cynric	Ceadwalla	Aethelhard	Aethelstan
Cuthwulf	Cuthred	Aedburh	Aedburn
Cutha	Cynewulf	Aethelbald	Aedmund
Ceaulin	Cutha	Almund	Aelfgiva
Ceol	Cuthwine	Athulf	Aedgar
Ceolwulf	Cutha	Aldgith	Aelfthryth
Cynegils	Cynebald	Atheleidis	Aedward
Cuthgils	Ceolwold	Alienora	Aelfgitha
Cenferth	Cenred	Aethelbald	Aegelred
Cenfus	Cuthburh	Aethelbryht	Aelfgiva
Cynegils	Cuenburh	Aethered	Aedwius
	Canut	Aealswith	Aedmund
		Aedward	Aelfred
		Aegelfled	Aelfgiva
		Aelfthryth	Aedward
			Aethelstan
			Aedward

Westseaxna Rīce (The Kingdom of Wessex)

Согласно спискам тул англосаксонских королей, в трех королевствах (Ēast Engla Rīce, Ēast Seaxna Rīce, Westseaxna Rīce) поддерживается аллитерация

между именем короля и названием королевства: *Anna, Aethelhere, Aldulf* <...> – **Ēast Engla Rīce; Seaxnete, Swaepa, Sigefugel** <...> – **Ēast Seaxna Rīce; Aedmund, Aelfred, Aelfgiva** <...> – **Westseaxna Rīce**. В других списках обнаруживается однородность именика, являющаяся коррелятом названия королевства по типу. Именник выполнял функцию смыслоуточнения, по нему можно было определить какое это королевство. Например, если *E*, то *Cent* (**Emme, Eormenred, Ermenburga** <...>), если *C*, то *Mierce* (**Cnebba, Cynewald, Creoda**), если *A*, то *Norþanhymbra* (**Alhfrith, Aedryht, Aethelwold** <...>). В Нортумбрии проживали англ, возможно, этот факт повлиял на имена королей, но это остается исторической гипотезой. Однако сами списки выполняли историческую роль, т. е. являлись живой историей англосаксонских королевств, их функция обеспечивалась за счет передачи информации из поколения в поколение. В этом смысл англосаксонской традиции.

До появления алфавитов действовали формы культурной памяти – идентичность индивидуума была тождественна идентичности этноса. Не исключено, что потребность в кодификации через звукопись являлась предшественницей появлению алфавитов, поскольку семиотика звукописи – предварительный этап поиска экономии речи (см.: [Проскурин 2013: 204–205]). «Так, у англосаксонского нобилета, носившего кельтские имена, имена собственные были созвучны с этнонимом *Cymro* «валиец». *Caedwalla, Caedda, Cedd, Ceawlin, Cerdic, Cumbra* [Crystall 2004: 32]» (цит. по: [Проскурин 2013: 204]).

Как было показано в нашей работе (см.: [Проскурин, Проскурина: 2014]), сюжетная линия «Ра – змей Апоп» трансформируется в отношение «фараон – враги». Передача информации в диахронии опирается на парадигматику элементов. Лингвокультурный трансфер формул в диахронии связан с парадигматическими отношениями, обозначенными нами как передача. Так, нами отмечаются передача информации в поколениях по линии парадигматики: имя собственное – этноним. В науке давно ощущается

связь имен собственных и эпонимов. К. Леви-Стросс в свое время отмечал: «<...> индивидуальные названия зависят от той же системы, что и коллективные названия, прежде нами изученные, и что посредством них можно перейти с помощью преобразований от горизонта индивидуации к горизонту наиболее общих категорий. Действительно, каждый клан или субклан обладает определенным количеством имен, носить которые предоставлено его членам, и раз индивид – часть группы, то индивидуальное имя – это часть коллективного названия» [Леви-Стросс 2008: 361]. В любом случае, парадигматический перенос фонетических маркеров в именах англосаксонского нобилитета в диахронии коррелирует с названиями коллективов. Такой вид взаимодействия примыкает к традиционному виду связи «имя собственное – тотем».

Вероятно также, что скандинавские корни корреляции имен Rhos – Рюрик могли послужить тем фактором, который повлиял на выбор этнонима Русь. С современной точки зрения, как пишет академик Ю.С. Степанов, нет, однако, никакой необходимости рассматривать это имя восточных славян как данное им германцами. Скорее всего, семиотическая параллель германского имени Рюрик и этнонима Rhos, то есть племени из числа шведов, послужили в качестве фактора, повлиявшего на выбор термина Русь, который изначально связывался с Северным новгородским центром: «постепенно он продвигался на Юг и закрепился в южном Киевском центре, постепенно превращаясь в этнический термин для обозначения всего населения этой земли и государственный термин» [Степанов, 2004: 152]. С.Г. Проскурин (см.: [Проскурин, Проскурина 2014в: 254]) подчеркивает, что в качестве реликта германского семиотического правила «тотем – этноним» на Руси сохраняется корреляция названия династии Рюриковичей с названием самого государства.

Вернемся снова к тулам, представленным в «Англосаксонских хрониках». Интересно, что тулы, датируемые A.D. 449 и A.D. 626, представляют собой начало генеалогии королей. Так, с тулы от A.D. 449 начинается генеалогия

правителей Кента: <...> «**Hengest 7 horsa. Þ~wæron wihtgilses suna. Wihtgils wæs witting. Witting witta. Wecting wecta. Wodning**» <...> ; а с тулы от А.Д. 626 – правителей Мерсии: <...> «**Penda wæs Pybbing, Pybba Cryding, Cryda Cynewolding, Cynewold Cnebbing, Cnebba Iceling, Icel Eomæring, Eomær Angelþeowing, Angelþeow Offing, Offa Wærmunding, Wærmund Wihtlæging, Wihtlæg Wodening**» (оригинал надписей представлен по: [The Anglo-Saxon Chronicle, electronic resource]).

Постепенно, по мере принятия Христианства германцами, в тулах прослеживается наличие двоеверных текстов. Так, в тулах от А.Д. 547, 560, 855 аллитерационное перечисление имен не замыкается на имени верховного бога, а продолжается. Ярче всего это явление заметно в туле, датируемой А.Д. 855, поскольку эта тула восходит к самому Христу: «<...> **Woden Friþowalding, Friþuwald Freawining, Frealaf Friþuwulfing, Friþuwulf Finning, Fin Godwulfing, Godwulf Geating, Geat Tętwaing, Tętwa Beawing, Beaw Sceldwaing, Sceldwea Heremoding, Heremod Itermoning, Itermon Hraþraing, se wæs geboren in þære earce: Noe, Lamach, Matusalem, Enoh, Iaered, Maleel, Camon, Enos, Sed, Adam primus homo et pater noster est Christus, Amen**» <...> (оригинал надписей представлен по: [The Anglo-Saxon Chronicle, electronic resource]).

Обратим внимание также и на древнеанглийскую поэму «Видсид», созданную, предположительно, в IX в. В данной поэме, так же как и в «Англосаксонских хрониках», представлен перечень личных имен. Согласно О.А. Смирницкой, имена, приводимые в данной поэме, сохраняли для англосаксонской аудитории свою значимость, поскольку стиравшаяся внутренняя форма имен готских, бургундских и прочих вождей во многих случаях восстанавливалась именно в их перечислении англосаксонским сказителем [Смирницкая 2008: 399]. «То, в чем мы склонны видеть наивную народную этимологию, представляет собой на деле возрождение поэтической – и тем самым героизирующей-функции имени (ср. гот. Audoin>Ēad-wine «кладо-друг»). Sigehere и Oswine, Heaforīc и Wulfhere – сами эти имена,

подобающие вождям, внушали пиетет, даже если забывались те, кто носил их когда-то» [Смирницкая 2008: 399].

На наш взгляд, разница между тулами, представленными в поэме и в летописи, заключается в следующем: тулы, встречающиеся в «Англосаксонских хрониках», являются генеалогическими, так как заключают в себе перечень имен, берущий начало от предка и заканчивающийся потомком; тулы же, представленные в поэме «Видсид», являются управленческими, или этноцентрическими, так как заключают в себе и перечень имен правителей, и перечень королевств, которыми они управляли. Стоит заметить, что управленческие (этноцентрические) тулы не восходят ни к верховному Богу Одину, ни к древнегерманским героям с целью восхваления предков, ни к Христу. В связи с этим отсутствует патронимический суффикс – *ing / ung* в именах, приведенных на языке оригинала. Приведем тулы, представленные в древнейшей поэме «Видсид». Оригинал тул приведен по: [Anglo-Saxon Poesia. Widsith, electronic resource], (перевод с древнеанглийского языка наш. – А. П.).

Таблица 5

Управленческие (этноцентрические) тулы

№	Оригинал	Перевод
1	<p>“Casere weold Creacum ond Cælic Finnum, Hagena Holmrygum ond Heoden Glommu m. Witta weold Swæfum, Wada Hælsingum, Meaca Myrgingum, Mearchealf Hundingum. þeodric weold Froncum, þyle Roundingum” <...></p>	<p>«Кесарь правил греками, а Кэлик – финнами, Хагена – хольмрюгами, а Хенден – гломманами. Витта правил свэвами, Вада – хэльсингами, Меака – мюрингами, Меарк – хундингами. Теодрик правил франками, Тюле – рондингами»<...></p>
2	<p>“Breoca Brondingum, Billing Wernum.</p>	<p>«Бреока – брондингами,</p>

<p>Oswine weold Eowum ond Ytum Gefwulf, Fin Folcwalding Fresna cunne. Sigehere lengest Sædenum weold, Hnæf Hocingum, Helm Wulfingum”<...></p>	<p>Билла – вернами, Освине правил эовами, а Георвульф – ютами, Финн, сын Фолквальда, - фризским племенем. Сигехере долгие годы правил сэ-данами, Хнэф – хокингами, Хельм – вульфингами»<...></p>
--	---

Таким образом, мы показали, что жанр тулы имеет отношение к коллективной памяти. Их структура более сложная, чем считалась традиционно, поскольку имена в тулах взаимодействуют в синтагматике (как имена собственные) и парадигматике (с названиями англосаксонских королевств или племен). Вышеприведенные тулы можно охарактеризовать с точки зрения кумуляции ввиду того, что в них происходит передача информации из поколения в поколение, следовательно, передача происходит между различными пространственно-временными сферами. Иными словами, тулы действительно ориентированы на вечные фундаментальные ценности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

1. Рассматривая семиотический аспект коммуникации на материале поэмы «Видение Креста» и монументальной надписи на Рутвельском кресте, можно предположить, что коммуникативная задача исходила из того, чтобы новая информация понималась посредством ее трансляции в рамках старого образа, уже известного носителям языка. Коммуникация была направлена на социальный и культурный аспекты, благодаря межиндивидуальной психологии. Так, замена центрального космического символа «мирового дерева» крестом, сохранившим черты языческого символа, является примером доступной коммуникации.
2. Задача передачи информации во времени заключается в трансляции информации относительно важного христианского элемента культуры – креста как символа христианства. Языческий же образ мирового дерева совсем неважен с точки зрения семиотического аспекта передачи информации, но важен с точки зрения коммуникации в поколении германцев, только что принявших христианство.
3. В «Англосаксонских хрониках» начался переход от тул к библейским генеалогиям, которые напрямую связаны с изменением не только религиозного осознания мира, но и также с изменением форм памяти германских народов. Идея передачи информации находит свое отражение в древнейшей германской поэтической традиции – в жанре тулы.
4. Разница между тулами, представленными в поэме «Видсид» и в летописи, заключается в следующем: тулы, встречающиеся в «Англосаксонских хрониках», являются генеалогическими, так как заключают в себе перечень имен, берущий начало от предка и

заканчивающийся потомком; тулы же, представленные в поэме «Видсид», являются управленческими или этноцентрическими, т.к. включают в себе и перечень имен правителей, и перечень королевств, которыми они управляли. Жанр тулы имеет отношение к коллективной памяти, поэтому тулы действительно ориентированы на вечные фундаментальные ценности.

ГЛАВА III. ФОРМУЛЬНОСТЬ И КЛИШИРОВАННОСТЬ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ И
ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСЕЙ
«АНГЛОСАКСОНСКИХ ХРОНИК» И «БИБЛИИ КОРОЛЯ ЯКОВА»)

3.1. Базовая или адаптированная формула «Англосаксонских хроник»

Базовой формулой «Англосаксонских хроник» нами называется такая формула, с помощью которой вводятся и читаются все остальные, формула-посредник. Проведенный анализ отдельного направления развития культурного текста – жанра «Англосаксонских хроник», показал, что существует только одна такая формула. Так, хроники представляют собой информацию в виде отчета о событиях, имевших место в определенный год. События летописей описываются как имевшие место «*her*» («здесь»). Любопытно, что референционное поле языка устроено иначе: событие «*ðær*» («там») является основным способом репрезентации ситуации, в отличие от летописи. Ср. англ. *there is*, нем. *es gibt* и т.д. Как бы то ни было, но в Хрониках наблюдаются следующие виды трансформаций: «*Her on þysum geare*» («Здесь в этом году»), «*On þysum geare*» («В этом году»), «*Hoc anno*» («В этом году»), «*Her eac*» («Здесь также»), «*Hic*» («Здесь»), «*Ond þæs ilcan geares*» («И того же самого года»), «*On þys ilcan geare*» («В тот самый год»), «*Ond on þan ilcan sumera*» («И в то же лето»), «*Ond þa*» («И тогда»), «*Binnan sefon nihton þæs*» («В течение семи ночей после того»), «*Þa æfter þisum gefeohte*» («Тогда после этой битвы»), «*Þa sona æfter þæm*» («Тогда скоро после того»), «*7 þes umb...*» («И после того, через столько-то времени») (см.: [Гимон, Метлицкая, 2010]).

Так, «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.} является базовой формулой (где «*Her*» – господствующий компонент, а «*on þysum geare*» – коммуникативное расширение). Тогда варианты формулы, встречающиеся независимо – «*On þysum geare*» и «*Hoc anno*» (латинский вариант формулы) –

представляют собой формы передачи базовой формулы. Взаимозаменяемые части «Her eac» / «Hic и ond þæs ilcan geares» / «On þys ilcan geare» / «Ond on þan ilcan sumera» – это разновидности базовой формулы «**Her on þysum geare**»^{3.1.1.}, или это мутации мема. (Здесь и далее оригинал надписей приводится по: [The Anglo-Saxon Chronicle, electronic resource]).

675 «<...> 7 þy ilcan geare Wulfhere forþferde, 7 Eþelreð feng to rice» («<...>И в тот самый год (и того же самого года) Вулфхере умер, и Этелред наследовал королевство»);

716 «Her Osred Norþanhymbra cyning wearð ofslagen besuðan gemære <...> 7 eac on þam ylcan geare Ceolred Myrcna cyning forðferde <...>» («Здесь в этом году Осред, король Нортумбрии был убит на южной границе <...> и также в этом же году Кеолред, король Мерсии умер <...>»);

976 «Her on þys geare wæs se miccla hungor on Angelcynne» («Здесь в этом году был страшный (сильный) голод среди английской нации»);

1005 «Her on þissum geare wæs se micla hungor geond Angelcyn <...>» («Здесь в этом году был страшный (сильный) голод среди английской нации»);

1048 «Her on þisum geare wæs mycel eorðstyrung wide on Englalande <...>» («Здесь в этом году было сильное (страшное) землетрясение по всей Англии <...>»);

1053 «<...> Ðæs ylcan geares gefor Wulfsie biseop on Licedfelda, 7 Leofwine abbud on Cofantreo feng to ðam biseoprice <...>» («<...> В этом же году (и того же самого года) ушел (на небеса) Вулфсен, епископ Личфилда, и Леофвине, аббат Ковентри, наследовал епископство <...>»).

Итак, «**Her on þysum geare**»^{3.1.1.} служит коммуникативным задачам в синтагматике, т. е. допускает необходимое расширение передачи, а в парадигматике предстает в диахронии как оформленный языковой продукт (ἔργον). Однако, мы считаем, что принцип записи является ретроспективным, поскольку многое отмечалось постфактум и относилось к более позднему периоду. Приведем пример записи, датированной 892 г.: «Her on þysum geare

for se micla here. þe we gefyrn ymbe spræcon, eft of þæm eastrice westweard to Bunann <...>» («Здесь в этом году большая армия, о которой мы раньше говорили, пришла снова от восточного королевства на запад в Бунан (Булонь) <...>»). Ретроспективные формы этой базовой формулы – многочисленные упоминания господствующего элемента «Her» («Здесь») плюс обозначение года, представляют собой параллельное клишированное выражение:

63 «Her Marcus se godspellere forþferde» («Здесь Марк Евангелист умер»).

69 «Her Petrus 7 Paulus þrowodon» («Здесь Петр и Павел приняли мученическую смерть»).

Как показал анализ «Англосаксонских хроник» (см.: [Проскурин, Проскурина 2014в]), в значении «год» синонимизируются две лексемы: «winter» и «gear». Различие заключается в специализации: «winter» употребляется в значении «холодный сезон» и «года правления», тогда как годы самих Хроник всегда обозначены «gear» – «урожайный год», «год» (ср. русское два года, пять лет). Лексема «gear» первоначально – «урожай», а значение «год» появилось позднее. Лексема «winter» также обозначала «год», лишь позднее – «зима».

Стоит заметить, что древнеанглийские лексемы взаимозаменялись в значении «года правления». Приведем пример самой первой записи рукописи «А»: 60 BC «AER Cristes geflæscnesse .lx. wintra, Gaius Iulius se casere ærest Romana Bretenlond gesohte <...>» («За 60 лет до Рождества Христова Гай Юлий, император, первый из римлян, нашел землю Британия <...>»).

Однако лексема «winter» никогда не используется для номинации года хроники, здесь всегда употребляется «gear». Таким образом, год Хроники всегда состоит из контекстов с базовой формулой «**Her on þysum gearе**»^{3.1.1.}.

682 «On þissum gearе Centwine gefliemde Bretwealas of se» («В этом году Кентвин изгнал бриттов к морю»). Но, как выясняется, в 892 г. это выражение записывается в виде формулы «Her on þysum gearе», базовой для Хроники. Приведем пример: 892 «Her on þysum gearе for se micla here. þe we

gefyrn ymbe spræcon, eft of þæm eastrice westweard to Bunann <...>» («Здесь в этом году большая армия, о которой мы раньше говорили, пришла снова от восточного королевства на запад в Бунан (Булонь) <...>»).

Многие реальные события в «Англосаксонские хроники» записывались позднее, поэтому даже более ранние контексты с постановкой года можно признать как вариации базового клишированного выражения. Формула служит в качестве средства передачи темы. Совокупность тем может рассматриваться как содержание культуры общества. Внутренняя динамика отношений синхронии и диахронии в исследовании формулы может быть достаточно сложной, поскольку формула может отсылать к другим формулам и раскрывать свой смысл только в сравнении с другими (см.: [Watkins 1995: 9, 17, 153]). Коммуникативный аспект культуры в рамках расширения формул стыкуется с передачей формульных средств из текста в текст, из поколения в поколение. Данная дихотомия «коммуникация–передача» обеспечивает культурный трансфер из традиции в традицию. Ниже мы рассмотрим эти сложные взаимосвязи на материале «Англосаксонских хроник» и более поздних текстов Библии.

Нам удалось установить основные виды трансформации культурной информации или мутации мемов, исследовав пространство мутации формул во всей англосаксонской традиции. Установлено, что с позиции синтагматики формулы (т. е. того, что станет формулами), коммуникативное расширение способствует сообщению и за счет расширенного контекста обретает способность воспроизводиться. А само оформление формул в некое единство осуществляется за счет парадигматических переносов, служащих для передачи текста. Отсюда следует, что перенос информации может происходить по вертикали, т. е. в парадигматике. В то же самое время существует горизонтальный перенос, т. е. в синтагматике (см.: [Проскурин, Проскурина 2014б]).

Благодаря этой базовой формуле организуются формулы следующих тематических групп (основываясь на общих формулах, клише и на общей

тематике): **3.2. Власть; 3.3. Вера; 3.4. Сражения; 3.5. Смерть; 3.6. Природные катаклизмы.** Нами установлены 45 формул «Англосаксонских хроник» (см. Словарь формул / клише). Базовая формула эволюционирует в направлении более устойчивых формул с развитием системы их считывания.

Возможно, создавая новую запись, книжник прибегал к манере написания предыдущего писца, копируя при этом стиль изложения. Не исключено, что подобно сказителям, книжники на ранней стадии своего творчества усваивали часто повторяемые обороты (формулы), придерживаясь единого стиля написания. Вероятно, они не заучивали сознательно набор формул. Дублирование одной формулы – это процесс подражания одного книжника другому. Таким образом, создавались формулы-шаблоны, которые дублировались из года в год (см.: [Лорд 1994: 33, 34, 36]). «Формулы – группы слов, регулярно используемых в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли» (см.: [Там же]). «Большая часть из дошедших до нас памятников индоевропейской литературы выполнена в форме поэтических произведений, в которых опорные конструкции часто выступают в виде формул. Таким формально-тематическим единствам в архаических традициях свойственна воспроизводимость, и они, по существу, являются поэтически обработанными знаками "отношений, устанавливаемых между вещами"» [Watkins, 1987: 5]. Датировка формульного единства не может опираться исключительно на анализ своих составляющих, а скорее должна вытекать из анализа самого высказывания в рамках культурной парадигмы исследуемой эпохи (см.: [Там же: 5]). Данные группы распадаются на подгруппы в зависимости от использованной лексики, изменяющей структуру формул и клише.

Так, первая тематическая группа «Власть» имеет в основе клишированные выражения и формулы, опирающиеся на информацию о наследовании

королевств, рукоположении в сан епископа и архиепископа, наследовании папства, создании епископского престола.

Вторая группа «Вера» состоит из клишированных выражений, касающихся распятия, мученичества и крещения.

Третья группа «Сражения» включает в себя клишированные выражения, содержащие сведения об участниках битв и месте сражений.

Четвертая тематическая группа «Смерть» базируется на формулах и клише относительно описания насильственной и ненасильственной смертей.

Пятая тематическая группа «Природные катаклизмы» включает в себя формулы и клишированные выражения о таких событиях, как голод, затмения солнца и луны, землетрясения, пожары и ветры.

Данные группы основываются на четырех типах изменчивости, которые были установлены нами в теории изменчивости формул.

В рамках нашего формульного анализа мы, основываясь на изменении формульного выражения или клише, выделяем следующие три тематических ряда: 1) с нарастающей детализацией (появление кластеров, т. е. обрастание формулы / клише новыми фактами) по отношению к более ранним записям; 2) с линейной (однородной) детализацией (формула / клише записывается из года в год в неизменной, первоначальной форме); 3) с нисходящей (убывающей) детализацией (упрощение формул, т. е. формула / клише теряет свою первоначальную структуру и начинает передаваться в более упрощенном варианте) по отношению к более ранним записям.

В одном и том же формульном единстве могут обнаруживаться все три тематических ряда, причем изменение одной и той же формулы / клише может привести к частому замещению одного ряда другим.

Помимо этого мы также рассматриваем формульные и клишированные выражения с позиции регистра, являющегося показателем развития или уровня формулы / клише. Так, в одной и той же тематической группе может быть несколько регистров, анализ которых показывает мутации, видоизменения, новации в аспекте лингвокультурного трансфера.

Рассмотрим детально данные формульные тематические группы с точки зрения способа передачи семантической информации во времени и в пространстве. (Здесь и далее оригинал надписей приводится по: [The Anglo-Saxon Chronicle, electronic resource], перевод с древнеанглийского на русский язык наш. – А. П.).

3. 2. Формульные и клишированные выражения группы «Власть»

К данной тематической группе относятся подгруппы с клише и формулами, повествующими о лишении / получении трона (3.2.1. Королевство), о смене / назначении духовных лиц (3.2.2. Духовенство). Отметим, что в данной тематической группе «тип В» является преобладающим.

3.2.1. Формульные и клишированные выражения подгруппы «Королевская власть»

Решающая роль коммуникативного расширения в синтагматике формулы заключается в том, что этот феномен не только снимает многозначность, но также и является условием того, что информация передавалась в текстах в диахронии как *Ērȝov*. В «Англосаксонских хрониках», созданных в средневековье, упоминается базовая формула «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.}, лежащая в основе записей, которые становятся ее расширениями. Характер базовой формулы трансформируется в клише «**Her sum. (on) feng to rice [fōn tō rīce]**» («Здесь [в этом году] кто-то наследовал трон (королевство, государство, империю)»)^{3.2.1.}, в котором расширение способствует его устойчивости на протяжении всего средневековья. Так, формула употребляется в отношении этапа римского правления на острове Британия: 16 «Her feng Tiberius to rice» («Здесь Тибериус наследовал трон»); 39 «Her onfeng Gaius rice» («Здесь Гай наследовал трон»); 47 «<...> Ða feng

Neron to rice æfter Claudie, se æt nyhston forlet Brytene egland for his uncafscipe» («<...> Затем Нерон наследовал трон после Клаудиса; он чуть не потерял остров Британия из-за трусости»).

Именник, использующийся в рамках этой формулы, римского происхождения, в нем имена римских императоров: 70 «Her Uespasianus onfeng rice» («Здесь Веспасиан наследовал трон»). В примере за 81 г. формула «Her sum. (on) feng to rice» («Здесь кто-то наследовал трон (королевство, государство, империю)») начинает снова обрастать новыми фактами, а именно, указывается имя наследника и дается краткая информация о нем, поэтому здесь мы регистрируем ряды с нарастающей детализацией по отношению к более ранним записям: 81 «Her feng Titus to rice, se þe sæde þæt he þone dæg forlure þe he naht to gode on ne dyde» («Здесь Титус наследовал трон; он, кто сказал, что потерял день, если не сделал ничего хорошего»). В записях от 84 и 155 гг. фиксируются снова только имена наследников, информация идет на спад (ряды с нисходящей детализацией по отношению к ранним записям): 84 «Her Domitianus Tites broþor feng to rice» («Здесь Домициан, брат Тита, наследовал трон»); 155 «Her Marcus Antonius 7 Aurelius his broþer fengon to rice» («Здесь Марк Антоний и Аврелий, его брат, наследовали трон»); 423 «Her ðeodosius se gingra feng to rice» («Здесь Феодосий II наследовал трон»); 449 «Her Mauricius 7 Ualentes onfengon rice 7 ricsodon .vii. winter <...>» («Здесь Марциан и Валентин наследовали трон и правили 7 лет»); 583 «Her Mauricius feng to Romana rice» («Здесь Марциан наследовал правление Римской империей»).

Коммуникативная стратегия перевода отмеченных предложений римского периода опирается на фактор передачи информации. Роль имен собственных латинского происхождения заключается в том, что они влияют на выбор термина перевода существительного «rice». Если в формуле употреблено римское имя, то «rice» переводится как «трон (империя)». Коммуникативная цель высказывания влияет на фактор передачи информации из поколения в поколение. Коммуникативные стратегии существенно изменяются, когда

анализируемая формула начинает использоваться по отношению к германскому периоду правления на острове Британия. Любопытно, что представленная во второй главе информация по поводу жанра тулы оказывается релевантной в переводе анализируемой формулы: 674 «Her feng *Æscwine to rice on Wesseaxum, se wes Cenfusing, Cenfus Cenferþing, Cenferþ Cupgilsing, Cupgils Ceolwulfing, Ceolwulf Cynricing, Cynric Cerdicing*» («Здесь Эсквин наследовал королевство Западных Саксов; он был сыном Кенфуса, Кенфус – Кенферта, Кенферт Кутгилса, Кутгилс – Кеолвульфа, Кеолвульф – Кюнрика, Кюнрик – Кердика»).

Как мы видим, однородность именования королей связывается с правилом тулы. Аллитерируемые имена правителей определяются устным этапом существования культуры, когда генеалогические последовательности именовались однотипно, чтобы сохранить в исторической памяти англосаксонских племен сведения о минувшем. Коммуникативная задача, реализуемая в туле в форме песнопения, создает опору для передачи информации. Ассонанс (аллитерация) в следующей туле, примыкающей к анализируемой формуле, свидетельствует о династических циклах англосаксонских королей: 738 «Her **Eadbryht Eating, Eata** Leodwalding, feng to *Norþanhymbra rice 7 heold .xxi. wintra <...>*» («Здесь Эадбрюхт, сын Эата, Леодвалда, наследовал королевство Нортумбрия, и Эск, его сын <...>»); 836 (actually 839) «Her <...> 7 feng **Æþelwulf Ecgbrehting** to *Wesseaxna rice, 7 he salde his suna Æþelstane Cantwara rice 7 Eastseaxna 7 Suprigea 7 Supseaxna*» («Здесь <...> и Этелвульф, сын Экгбрюхта, наследовал королевство Уэссекс; и он дал своему сыну, Этельстану, королевства Кент и Суссекс и Сурет»); 866 «Her feng **Æþered Æþelbryhtes broþur** to *Wesseaxna rice <...>*» («Здесь Этеред, Этелбрюхта брат, наследовал королевство <...>»).

Л.Г. Викулова и Е.Г. Васильева отмечают, что ономастическому аспекту в ранней средневековой картине мира было отведено особое место, поскольку существовала связь между именем правителя и дифференциацией среди родственников. На примере выбора имен династий Меровингов был показан

принцип вариации элементов с принципом наследственной передачи на основе аллитерации. Так, «корни *chold*, *mer* *mech*, составляющие имена *Хлодиона* (**Chlodio**) и *Меровея* (**Mérovée**), реальных или предполагаемых предков Хлодвига (**Clovis**), мы находим в именах **Ingomer**, **Clodomir**, **Clothaire** в то время как *child* от **Childéric** входит в состав имен **Lantechild** и **Childebert**» [Викулова, Васильева 2015: 61].

Отмеченная формула «Her Sum. (on) feng to rice» образует кластер с другой формулой «**Sum. forþferde**» («**Кто-то умер**»)^{3.5.1.} за счет коммуникативного расширения, способствующего передаче как целого: «**Her sum. forþferde, 7 sum. (on) feng to rice**» («**Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал королевство**»)^{3.2.2.}. Германский именник формулы подчиняется на протяжении значительного периода средневековья идеи цикла, образующего династический период тулы: 819 (actually 821) «Her Cenwulf Miercna cyning forþferde, 7 Ceolwulf feng to rice <...>» («Здесь король Мерсии Кенвульф умер, и Кеолвульф наследовал королевство <...>»); 940 «Her Æþelstan cyning forðferde on Gleaweceastre on .vi. Kalendas Nouembris, ymb .xl. wintra butan anre nihte þæs þe Ælfred cyning forðferde, 7 Eadmund æþeling feng to rice, 7 he wæs þa .xviii. wintre <...>» («Здесь король Этельстан умер в Глостере на шестые календы ноября в возрасте 41 года, через день (после) король Альфред умер. И Эадмунд Этелинг, его брат, наследовал королевство, ему было тогда 18 лет <...>»); 958 «Her forðferde Eadwig cyng on kalendas Octobris, 7 Eadgar his broðor feng to rice» («Здесь король Эдвай умер на календы октября, и Эдгар, его брат, наследовал королевство»).

Даже неразвернутые циклы, состоящие из двух правителей: умершего и наследующего престол, подчиняются отмеченному правилу: 924 «Her Ædward cyning forðferde, 7 Æþelstan his sunu feng to rice» («Здесь король Эдвард умер и Этельстан, его сын, наследовал королевство»); 946 «Her Eadmund cyning forðferde on Sancte Agustinus mæssedæge <...> 7 þa æfter him feng Eadred æþeling his broþor to rice, 7 gerad þa eall Norðhymbra land him to gewearde. 7 þa Scottas him sealdon aþas þæt hi eall woldon þæt he wolde»

(«Здесь король Эадмунд умер на день литургии святого Августина <...> и затем после него его брат Эадред Этелинг наследовал королевство. Он подчинил всю Нортумбрию под свою власть. И шотландцы дали ему присягу, что они будут делать то, что он захочет <...>»).

Однако иногда эти правила не соблюдаются, что также заслуживает внимания. Возможно, это связано с нарушением династического цикла: 675 «Her <...> 7 þu ilcan geare Wulfhere forþferde, 7 Eþelrēd feng to rice» («Здесь <...> и в этом же году Вулфхере умер, и Этелред наследовал королевство»).

Иногда имена связаны с принципом «тотем-этноним». Например, ономастикон англосаксонского нобилитета, часто носивших кельтские имена, аллитерирует с этнонимом «сумго» («валлиец»). Несмотря на то что роль коррелятов, которые мы исследовали во второй главе, не до конца понятна, выбор имени можно оказаться неслучайным: 519 «Her Cerdic 7 Cynric: Westsexena rice onfengun on þu ilcan geare hie fuhton wiþ Brettas þær mon nu nemneþ Cerdicesford: 7 sibþan ricsadan Westsexana cynebearn of þan dæge» («Здесь Кердик и Кюнрик наследовали королевство западных саксов; и в этом же году они сражались против бриттов там, где сейчас это место именуется Кердиксфорд. И с этого времени королевский отпрыск западных Саксов правил»). Вероятно, как это можно заключить из контекста, речь шла об этническом смешении германцев и кельтов. Как нами отмечалось ранее (см. Глава II), в королевствах Уэссекс и Мерсии поддерживается аллитерация на *C* между именем короля и названием королевства, это можно проследить в следующих примерах: 560 «Her *Ceawlin* feng to rice on Wesseaxum <...>» («Здесь *Кевлин* наследовал Уэссекс <...>»); 643 «Her *Cenwalh* feng to Wesseaxna rice 7 heold .xxxī. wintra <...>» («Здесь *Кенвальх* наследовал королевство Уэссекс и правил 31 год <...>»); 709 «<...> 7 *Ceolred* feng to Murgna rice <...>» («<...> и король *Кеолред* наследовал королевство Мерсия <...>»).

Смена династического цикла иногда связана с правилом смены аллитерации имени собственного: 634 «Her feng to Dearne rice Osrīc þone

Paulinus ær gefullode, se wæs Ælfrices sunu Ædwines federan, 7 to Bærnicum feng Æðelfriðes sunu Eanfrið <...>» («Здесь Осрик, кого Паулин прежде крестил, наследовал королевство Дейра; он был сыном Элфрика, дядя Эдвина, и Эанфрит, сын Этелфрихта, наследовал Берницию <...>»); 694 «Her <...> 7 Wihfred feng to Cantwara rice, 7 heold .xxxiii. wintra; Se Wihfred was Ecgbryhting, Ecgbryht Arcenbryhting, Erconbryht Eadbalding, Eadbald Eþelbryhting» («Здесь <...> и Вихтред наследовал королевство Кент и правил 33 года. Вихтред был сыном Эгбрюхта, Эгбрюхт Эрконбрюхта, Эрконбрюхт Эдбалда, Эдбалд Этелбрюхта»).

Существует определенная тематическая сеть языка и культуры, которая помогает определять принципы именования для определенных эпох (см.: [Проскурин 2010]). Для эпохи германцев в историческом контексте используется термин «rice» («королевство»). Критерием выбора именно этого перевода является маркер культуры – имя собственное: 670 «Her forþferde Osweo Norþanhymbra cyning, 7 Ecgferþ ricsode æfter him <...>» («Здесь Освео, король Нортумбрии, умер; и Экферт, его сын, правил после него <...>»).

По отношению к формуле «Her Sum. forþferde, 7 Sum. (on) feng to rice» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал королевство»)^{3.2.12.} за счет коммуникативного расширения образуется инновационный кластер «**Her sum. ofslog(on) sum. / ofsloh sum. 7 Her sum. (on) feng to rice**» («Здесь кто-то убил кого-то и здесь кто-то наследовал королевство»)^{3.2.3.} Благодаря этому информация транслируется относительно трех пластов «Англосаксонских хроник». Так, в записи, датируемой 381 г., сообщается о смене правителей римского периода: 381 «Her Maximianus se casere feng to rice – he wæs on Bretenlonde geboren – 7 þonne for in Gallia hand8: 7 he ðar ofsloh ðone casere Gratianum 7 his broðer adraf of ædele, se was gehaten Ualentinianus, 7 se Ualentinianus eft gesanode werod 7 ofsloh Maximum 7 feng to rice. On þam timan aras Pelagies gedwyld geond middanearð» («Здесь император Максим наследовал королевство; он родился в Британии, и оттуда уехал в Галлию. А там он убил императора Грациана, и выгнал его брата, кого звали

Валентиниан, из страны. И Валентиниан позже собрал армию и убил Максима, и наследовал королевство. И в эти дни ересь Пелагия возникла по всему миру»). В записях от 617, 685, 716 и 748 гг. показан династический цикл англосаксонских правителей, оформленный по правилам германской тулы. 617 «Her wærð Æðelfrið Norðhymbra cining ofslagen fram Reodwalde Eastengla cininge, 7 Eadwine Ælling feng to rice 7 geyde eall Brytene buton Cantware anre <...>» («Здесь король Нортумбрии Этелфрихт был убит Реодвалдом, королем Восточных англов, и Эдвин, сын Эллы, наследовал королевство, и подчинил всю Британию, исключая одних людей Кента <...>»); 685 «Her <...> ðu ilcan geare man ofslöh Ecgferð cining be norðan sæ 7 mycelne here mid him on .xiii. kalendas Iunii; he wæs .xv. winter cining, 7 Aldfrið his broðor feng æfter him to rice <...>» («Здесь <...> и в этот же год король Эгфрид был убит недалеко от Северного моря, и великая армия вместе с ним, на 13-е календы июня. Он был королем 15 лет, и Алдфрид, его брат, наследовал королевство после него <...>»); 748 «Her wæs ofslægen Cynric Wesseaxna eþeling, 7 Eadbryht Cantwara cyning forþferde. 7 Æthelbryht Wihtrades sunu cinges feng to þam rice» («Здесь Кюнрик, представитель знати Уэссекса был убит; и Эадбрюхт, король Кента, умер; и Этелбюрхт, сын короля Вихтрета, наследовал королевство»). В записи от 716 г. контекст расширен, так, помимо генеалогического аллитерационного перечисления и кластера «Her sum. ofslog(on) sum. / ofslöh sum. 7 Her sum. (on) feng to rice»^{3.2.3.} («Здесь кто-то убил кого-то здесь кто-то наследовал королевство»), отмечается также клише-эвфемизм «Her sum. forðferde, 7 (lic) rest on / in...» («Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело покоится в...»)^{3.5.4.}: 716 «Her Osred Norþanhymbra cyning wearð ofslagen besuðan gemære, 7 se hæfde .viii. winter rice æfter Ealdferðe, þa feng Cenred to rice, 7 heold .ii. gear, þa Osric, 7 heold .xi. 7 eac on þam ylcan geare Ceolred Myrcna cyning forðferde, 7 his lic rested on Licetfelda, 7 Æthelredes Pendinges on Beardanigge. 7 þa feng Æþelbald to rice on Myrcum, 7 heold .xli. wintra <...>» («Здесь Осред, король Нортумбрии был убит на южной границе; он владел королевством 7 лет после Элдферта; затем

Коенред наследовал королевство, и правил 11 лет, и также в этом году Кеолред, король Мерсии умер, и его тело лежит в Личфилде, и Этелреда, сына Пенды, в Бардни. Затем Этельбалд наследовал королевство Мерсия и правил 41 год <...>»).

Третий информационный пласт «Англосаксонских хроник» представляет нарушение династического цикла, который, возможно, свидетельствует о смене династии англосаксонских правителей: 731 «Her was ofslægen Osríc Norþanhymbra cyning, 7 feng Ceoluulf to þam rice <...>» («Здесь Осрик, король Нортумбрии, был убит, и Кеолвульф наследовал королевство <...>»); 825 (actually 827) «Her Ludecan Miercna cyning 7 his .v. aldormen mon ofslog mid him 7 Wiiglaf feng to rice» («Здесь король Мерсии Лудека был убит, и вместе с ним пять его ольдерменов; и Виглаф наследовал королевство»).

Таким образом, коммуникативные факторы, отвечающие за передачу информации за счет своего расширения, способны транслировать информацию из поколения в поколение, тогда как ономастикон позволяет правильно дифференцировать знания в рукописной хронике.

3.2.2. Формульные и клишированные выражения подгруппы «Власть духовенства»

В X и в начале XI вв. Клунийский монашеский орден ввел систему управления, которая объединила монастыри под началом единого главы – клунийского аббата. Клунийский орден благодаря своей программе нравственной реформы церковной жизни (в том числе и выступлениям против торговли церковными должностями) стал толчком Папской революции, которая определила современное положение Западной церкви и ее отношение со светской властью – «спор за инвеституру». С появлением иерархии внутри католической церкви (клунийская реформа) появляется архиепископство, аббатство и т. д. [Берман 1999: 55, 68]. Соответственно регистрируется тематическая смена в базовой формуле и отмечается

ступенчатое коммуникативное расширение, которое служит условием распознавания новых формул и клише в контексте и передачи их в диахронии в силу нарастания информации.

«Англосаксонские хроники» пишутся в рамках одного алгоритма, когда мутации подвергается одна базовая формула, например, «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.}, а потом информация выстраивается на основе коммуникативного расширения. Таким образом, в записях, датированных 35 и 44 гг., мы обнаруживаем ретроспективную форму базовой формулы «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.} – господствующий элемент «Her» («Здесь»), а также обозначение года. Эта ретроспективная формула готова к новой передаче во времени за счет расширения контекста; так, в данной формульной подгруппе устанавливается наиболее раннее клише (или базовая формула) «**Her se eadiga Petrus se apostol gesæt bicepsetl**» («Здесь Блаженный апостол Петр основал епископский престол»)^{3.2.4.} Причины выделения этого клише не только исторические, поскольку все остальные клише данной подгруппы устанавливаются по отношению к этому сегменту и развиваются по отношению к этим формам. На основе данной формулы выстраивается дискурс о духовенстве в рамках «Англосаксонских хроник». Базовая формула расширяется в контекстах за счет обстоятельства места – «on Rome» и «in Antiochia»: 35 «**Her se eadiga Petrus se apostol gesæt bicepsetl in Antiochia þære ceastre**» («Здесь Блаженный апостол Петр основал епископский престол в городе Антиохии»); 44 «**Her se eadiga Petrus se apostol gesæt bicepsetl on Rome**» («Здесь Блаженный апостол Петр основал епископский престол в Риме»).

В данной подгруппе мы отмечаем ряды с коммуникативным расширением, которое делает эту формулу узнаваемой и способной к передаче. По отношению к рассматриваемому клише устанавливается инновационная тематическая группа клишированных выражений «**Her sum. feng to abbodrice**» («Здесь кто-то наследовал аббатство»)^{3.2.5.}, «**Her sum. onfeng bicepe / bicepdome / biscoprices**» («Здесь кто-то наследовал

епархию»)^{3.2.6.}, «*Her sum. feng to arcebisceoprice / arcestole* («Здесь кто-то наследовал архиепископство»)^{3.2.7.}, «*Her sum. feng to papdome*» («здесь кто-то наследовал папство»)^{3.2.8.}. Таким образом, в рамках коммуникативного расширения формулы отмечается иерархический принцип информационных носителей. В этой иерархии не прослеживается германское влияние, т. е. ономастика рассматривается вне германской традиции.

Папская революция («спор за инвеституру») определила современное положение Западной церкви и ее отношение со светской властью. Смысл «спора за инвеституру» – придать церкви ясную правовую структуру, противостоящую ясной правовой структуре светской власти, так как вплоть до конца XI в. церковь не считалась отдельной институцией, ею правили одновременно и светская, и церковная власти (*regnum* и *sacerdotium*), причем светская власть стояла выше церковной. Существует спор среди историков: папа Лев III сделал Карла императором, или Карл сделал Льва папой, поскольку Карл Великий в 794 г. (за шесть лет до того, как согласился принять императорскую корону из рук папы) созвал собор во Франкфурте, где и ввел изменения в богословскую доктрину, а также в церковное право. В 813 г. Карл Великий без участия духовенства возвел на престол сына. После этих событий при избрании папы императоры настаивали на том, чтобы именно папа приносил присягу на верность императору (из 25 пап, которые взошли на престол до 1059 г., 12 были поставлены императорами, 5 – сняты императорами с престолов). После нормандского завоевания, в 1067 г. по указу Вильгельма Завоевателя, король должен устанавливать церковный закон, обладать правом вето на церковные наказания, признавать (или не признавать) папу в церквях Англии и Нормандии. Властная иерархия в церкви среди епископов и священников, назначаемых королем либо сеньором, отсутствовала. Однако в 1075 г. папа Григорий VII в «Диктатах Папы» обозначил законность верховенства папы над всеми христианами, в том числе и над светскими правителями. Папа Григорий VII считал, что папа может низложить императора, и сразу же он сверг императора Генриха IV.

Он провозглашал независимость церкви, которая означала концентрацию власти внутри самой церкви. Данная революция не была принята многими европейскими правителями и критиками, с 1077 по 1122 гг. в Европе шла гражданская война, пока «спор за инвеституру» не разрешился компромиссом. Итог – становление равных полномочий, закрепленных за церковной и светской властями. После спора была создана система канонического права, в которой использовались римское право в части языка и правовой доктрины, а также схоластический метод при сведении в единое целое противоречивых текстов (см.: [Берман 1999: 55–58]). «Таким образом, каноническое право позднего средневековья, которое только восемь столетий спустя становится под сомнение некоторыми влиятельными католиками, стало правовой системой в современном смысле слова» (см. [Там же: 58]).

Появляются грамматически осложненные клише, представляющие собой более позднюю новацию по отношению к уже открытым клише: «**Her sum. gehalgian / (ge)halgod(e) to bioscop(e) / biscepe**» («Здесь кто-то был посвящен в сан епископа»)^{3.2.9.}, «**Her sum. (wæs) gehadod(e) / gehalgod to ærcebiscop**» («Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа»)^{3.2.10.}, «**Her sum. wæs gehadod to biscop**» («Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан епископа»)^{3.2.11.}

Приведем примеры контекстов: «**Her. sum. (on)feng to biscopdome / biscoprice**» («Здесь кто-то наследовал епархию»)^{3.2.6.} (167, 650, 676, 690, 744, 754, 910, 954, 981, 1023, 1053, 1060 гг.). В этом единстве данное клише сочетается с другим «**Her sum. forþferde, 7 Sum. (on)feng to...**» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...»)^{3.2.12.}, которое мы рассматриваем в тематической группе «Смерть». Сочетание клише «**Her sum. forþferde, 7 Sum. (on)feng to...**» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...»)^{3.2.12.} входит в значительное число контекстов (записи от 676, 690, 754, 981, 1023, 1053, 1060 гг.). Мы относим эти клишированные выражения к «типу Б», поскольку в них встречается формула «**Her sum. forþferde**» («Здесь кто-то умер»)^{3.5.1.}, а в записях за 1053 и 1060 гг. присутствует лексическая замена

(1053 – «*gefor*» (ушел (на небеса)); 1060 – *gewat* (отправился (на небеса))) ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры.

В записях, датируемых указанными годами, лингвокультурный трансфер клише в диахронии связан со следующими парадигматическими отношениями: в записи за 167 г. («*Her Eleutherius on Rome onfeng biscepdome 7 þone wuldorfæstlice .xv. winter geheold <...>*» («Здесь Элеофериус наследовал епархию в Риме и управлял ею в великой славе в течение двенадцати лет <...>»)) регистрируются клише «**Her sum. (on)feng to biscopdome / biscoprice**» («Здесь кто-то наследовал епархию»)^{3.2.6.} и дополнительная информация, касательно места и времени управления епископа. Заметим, что в этом и последующих годах встречается господствующий элемент «*Her*» («Здесь»), поэтому все эти контексты можно рассматривать как коммуникативное расширение формулы «*Her on þysum geara*» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.}

В записи от 650 г. («*Her Egelbryht of Galwalum æfter Birine þam Romaniscan biscepe onfeng Wesseaxna biscepdome*» («Здесь Эделбрюхт из Галлии после романского епископа Биринуса получил сан епископа в Уэссексе»)) также отмечается основное клише, дополненное вспомогательной информацией о том, что новый епископ получил сан после романского епископа в Дорчестере. Тогда как в записях, датируемых 676 и 690 гг., обнаруживается расширенный контекст за счет кластеризации вышеприведенного клише и формулы («**Her sum. forþferde, 7 sum. (on)feng to...**» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...»)^{3.2.12.}), а в записи за 690 г. также имеется дополнительная информация о том, что до этого года епископы были только римлянами, а с данного момента они могли быть и англичанами.

Так, в данных контекстах мы отмечаем ряды с восходящей детализацией по отношению к более ранним записям: 676 «*Her Æscwine forþferde, 7 Hedde feng to biscepdome <...>*» («Здесь Эсквин умер, и Хедде наследовал

епархию»); 690 «Her Peodorius ærceþiscop forþferde, 7 feng Beorhtwald to þam biscepdome. Ær wærun Romanisce biscepas, siþþan wærun Englisce» («Здесь архиепископ Феодориус умер, и Бефхтвалд наследовал епархию. До этого епископы были римлянами, но с этого времени – англичанами»). В записи 744 года («Her Danihel gesæt on Wintanceastre, 7 Hunferþ feng to biscepdome» («Здесь Даниэль оставил престол Винчестера, и Хунферт наследовал епархию»)) регистрируется лишь клишированное выражение «**Her sum. (on)feng to biscepdome / bisceprice**» («Здесь кто-то наследовал епархию»)^{3.2.6.} и дополнительная информация о том, что Даниэль оставил престол Винчестера.

В записи 754 г. («Her Cupred forþferde, 7 Cyneheard onfeng biscepdome æfter Hunferþe on Wintanceastre <...>» («Здесь Кутред умер, и Кюнехеард наследовал епархию после Хунферта в Винчестере»)) клишированное выражение расширяется за счет увеличения компонентов – кластеров «**Her sum. forþferde, 7 sum. (on)feng to...**» («Кто-то умер, и кто-то наследовал...»)^{3.2.12.}. В записях за 910 и 954 гг. клише «**Her sum. (on)feng to biscepdome / bisceprice**» («Здесь кто-то наследовал епархию»)^{3.2.6.} расширяется за счет обстоятельства места: 910 «Her feng Friþestan to biscepdome on Wintanceastre <...>» («Здесь Фритстан наследовал епархию в Винчестере»); 954 «Her Wulstan arceþiscop onfeng eft bisceprices on Dorceseastre» («Здесь архиепископ Вульстан получил сан епископа в Дорчестере»).

В записях от 981, 1023, 1053, 1060 гг. прослеживается нарастание детализации (ряды с восходящей детализацией) благодаря кластеризации («**Her sum. forþferde, 7 sum. (on)feng to...**» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...»)^{3.2.12.}) и дополнительной информации. Даются сведения о наследниках и наследодателях (с указанием даты смерти и места погребения). А в записи 1023 г. помимо наследника и наследодателя, также указывается и то, что архиепископ перенес останки Святого архиепископа Элфеаха в Кентерберии из Лондона. Рассмотрим примеры: 981 «Her <...> 7 on

þam ylcan geare forðferde Ælfstan bisceop on Wiltunscire, 7 his lic lið on þam mynstre æt Abbandune, 7 Wulfgar feng þa to ðam bisceopdome <...>» («Здесь <...> и в этот же год умер Элфстан, епископ Уилтшира, и его тело лежит в кафедральном соборе Абингдона, и Вульфгар затем наследовал епархию <...>»); 1023 «Her forðferde Wulfstan arcebiscop. 7 feng Ælfric to. 7 þæs ilcan geares Æðelnoð arcebiscop ferede sancte Ælfeges arcebiscop reliquias to Cantwarbyrig of Lundene» («Здесь Вульстан архиепископ умер, и Элфрик наследовал это (епархию), и в этом же году архиепископ Этелют перенес останки Святого архиепископа Элфеаха в Кентербери из Лондона»); 1053 «Her <...> Ðæs ylcan geares gefor Wulfsie bisceop on Licedfelda, 7 Leofwine abbud on Cofantreo feng to ðam bisceoprice <...>» («Здесь <...> в этом же году ушел (на небеса) Вулфсен, епископ Личфилда, и Леофвине, аббат Ковентри, наследовал епископство<...>»); 1060 «Her <...> 7 Kynsie arcebiscop on Eoferwic gewat on .xi. Kalendas Ianuarii, 7 he ligeð on Burh, 7 Ealdred biscop feng to þam rice, 7 Waltere feng to þam biscoprice on Herefordscire <...>» («Здесь <...> и Кюнси, архиепископ Йорка отправился (на небеса) на 11-е календы января, и его тело лежит в Питерборо, и епископ Эалдред наследовал епископство в Херефордшире <...>»).

Записи за 961, 988 и 1006 гг. имеют в своей основе формулу «Sum. feng to arcebiscoprice / arcestole» («Кто-то наследовал архиепископство»)^{3.2.7}. В этой формульной подгруппе в записях за 988 и 1006 гг. она встречается в сочетании с другим клише «Her sum. forþferde, 7 Smb. (on)feng to...» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...»)^{3.2.12}, которое исследуем в тематической группе «Смерть». В записи от 988 г. мы обнаруживаем лексическую замену «gefor» («ушел (на небеса)») ключевого термина «forþferde» («умер») с сохранением первоначальной семантической структуры, т. е. сохранение обозначаемого при обновлении обозначаемого «Тип Б». В записи 961 г. («<...> 7 Sancte Dunstan feng to arcebiscoprice» («Здесь <...> и Святой Дунстан наследовал архиепископство <...>»)) регистрируется только клишированное выражение «Her sum. feng to

arcebisceoprice / arcestole» («Здесь кто-то наследовал архиепископство»)^{3.2.7.} без расширенного контекста, тогда как в записях за 988 и 1006 гг. мы отмечаем лингвокультурный трансфер клише в диахронии, связанный с парадигматическими отношениями. В данных записях регистрируется нарастание детализации (ряды с восходящей детализацией) благодаря кластеризации **«Her sum. forþferde, 7 sum. (on)feng to...» («Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...»)**^{3.2.12.}, а в записи от 988 г. упоминается еще и дополнительная информация о времени жизни епископа.

Запись за 1107 г. («On þysum geare <...> Ernulf þe ær wæs prior on Cantwarbyrig feng to þam abbodrice on Burh <...>») («В этот год <...> Эрнульф (который до этого был настоятелем Кентербери) наследовал аббатство Питерборо <...>») имеет в своей основе клише: **«Her on þysum geare sum. feng to abbodrice» («В этот год кто-то наследовал аббатство»)**^{3.2.5.}

Записи же за 592 и 1118 гг. включают в себя клише **«Sum. feng to papdome» («Кто-то наследовал папство»)**^{3.2.8.} В записи за 1118 г. («Her <...> Dises geares eac forðferde se para Paschalis. 7 feng Iohan of Gaitan to þam papdome. þam wæs oðer nama Gelasius» («Здесь <...> в этом году также умер Папа Римский, Святейший Пасхалий; и Джон из Гаэты, чье имя было Геласий, наследовал папство»)) отмечается нарастание информации по отношению к более ранней записи в виду того, что в ней отмечается помимо клише **«Sum. feng to papdome» («Кто-то наследовал папство»)**^{3.2.8.}, еще и формула **«Sum. forþferde» («Кто-то умер»)**^{3.5.1.} А в записи от 592 г. («Her Gregorius feng to papdome on Rome <...>») («Здесь Григорий наследовал папство в Риме <...>»)) – лишь вышеприведенное клише.

Формульные компоненты, датируемые 681, 685, 727, 734, 737, 797 гг. имеют в своей основе клишированное выражение **«Her sum. gehalgian / (ge)halgod(e) to bioscop(e) / biscepe» («Здесь кто-то был посвящен в сан епископа»)**^{3.2.11.} С данным единством регистрируются записи, в основе которых указано третье лицо, осуществляющее обряд посвящения. Согласно Папской революции, этим третьим лицом выступал либо папа, либо король.

В «Англосаксонских хрониках» указываются следующие: 1) король (685 г.); 2) епископ (727 г.); 3) вместо указания имени деятеля приводится, вероятно, безличная конструкция «man gehalgode» (681, 734, 737, 797).

Рассмотрим примеры: в записи 681 г. («Her man halgode Trumbriht biscop to Hagustaldesea <...>» («Здесь Трумбрихт был посвящен в сан епископа Хексема <...>»)) и в последующих встречается господствующий элемент «Her» («Здесь»), поэтому все эти контексты можно рассматривать как коммуникативное расширение формулы «**Her on þysum geare**» («Здесь в этот год»)^{3.1.1.} Здесь также приводится безличная конструкция, указывающая, что Трумбрихт был посвящен в сан именно епископа Хексема. Тогда как в записи от 685 г. («Her hæf Ecg<f>erð cining gehalgian Cuðberht to biscope, 7 Theodorus archiepiscopus hine gehalgode on Eoferwic þam forman Eastordæge to biscope to Hagustaldesham, forþam Trumbriht wæs adon of ðam biscopdome <...>» («Здесь король Экгферт приказал, чтобы Кутберт был посвящен в сан епископа; и архиепископом Феодором был посвящен в Йорке на первый день пасхи в сан епископа Хексема, потому что Трумбрихт был снят с этой епархии <...>»)) обнаруживается нарастание информации, поскольку, указываются имена тех лиц, которые были посвящены в сан епископа, и то, что именно король приказал посвятить в сан определенного человека. В записи же от 727 г. («Her forðferde Tobias biscop in Hrofecæstre, 7 on his stall Bryhtwald arcebiscop gehalgode Aldwulf to bioscope» («Здесь умер Тобианс, епископ Рочестера, и на его место епископ Алдульф был посвящен в сан епископа архиепископом Бритвольдом»)) регистрируется расширенный контекст (дается информация о смене епископа по причине его смерти) и нарастание информации благодаря кластеризации – помимо вышеприведенного клише, в данной записи имеется формула «**Her sum. forpferd**» («Здесь кто-то умер»)^{3.5.1.} В записи за 734 г. («Her <...> 7 Ecgberht man gehalgode to bioscope» («Здесь <...> и Экгберхе был посвящен в сан епископа»)) и 737 г. («Her <...> 7 Synewulf man gehalgode to bioscope <...>» («Здесь <...> и Куневульф был посвящен в сан епископа <...>»)) нет

нарастания информации, наоборот, сведения даются в одинаковой краткой форме (ряды с линейной (однородной) детализацией), упоминается лишь имя человека, которого посвящают в сан епископа. В записи от 797 г. («Her <...> 7 æþelberht biscop forðfærde on .xvii. Kalendas Nouembris, 7 Heardred man gehalgode on his steal to biscop on .iii. Kalendas Nouembris» («Здесь <...> и епископ Этельберхт умер на 17-е календы ноября; и Хеардред был посвящен в сан епископа на его место на третьи календы ноября <...>»)) наблюдается формульное расширение за счет увеличения компонентов, поскольку помимо безличной конструкции «man gehalgode», упоминается формула «**Her sum. forþferde**» («Здесь кто-то умер»)^{3.5.1.} и дается дополнительная информация об умершем и новом епископах.

Формульные компоненты, датируемые 668, 693, 727, 762 гг., имеют в основе клишированное выражение «**Her sum. (wæs) gehadod(e) / gehalgod to arcebiscop**» («Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа»)^{3.2.13.}. В записи за 668 г. («Her Uitalianus se papa gehadode Theodorus to arcebiscop 7 sende hine to Brytene» («Здесь Папа Римский Виталий посвятил в сан архиепископа Феодора и отправил его в Британию»)) указывается, что Папа Римский Виталий был тем третьим лицом, которое осуществило обряд посвящения. В записи же за 693 г. («Her wæs Brihtwald gehalgod to arcebiscop fram Guodune Galwala biscop on .v. Nonas Iulii. In þas tid Gefmund biscop forðferde, 7 Bryhtwald gehalgode Tobiam on his steall, 7 Drythelm wæs of life gelæd» («Здесь Бертвальд был посвящен в сан архиепископа от епископа Галлии Гуодуна на пятый день июля. В это время Гэфмунд, епископ, умер и архиепископ Брюхтвальд посвятил Тобианса на это место»)) происходит нарастание информации за счет кластеризации, т. е. помимо вышеприведенного клише, в записи указывается формула «**Her sum. forþferde**» («Здесь кто-то умер»)^{3.5.1.}, а также учитывается дополнительная информация (уточняется, когда и кем были посвящены новые архиепископы). В записи от 727 г. («Her forðferde Tobias biscop in Hrofecæstre, 7 on his stall Bryhtwald arcebiscop gehalgode Aldwulf to bioscope»

(«Здесь умер епископ Рочестера Тобианс, и на его место архиепископ Брюхтвальд посвятил епископа Алдульфа»)) также присутствует помимо клишированного выражения «**Her sum. (wæs) gehadod(e) / gehalgod to ærcebiscop**» («Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа»)^{3.2.13.} формула «**Her sum. forþferde**» («Здесь кто-то умер»)^{3).5.1.} А в записи за 762 г. указывается только имя того, кто был рукоположен в сан, и на какой день это произошло: «**Her Ianberht wæs gehadod to ærcebiscop on ðon .xl. dæg ofer midewinter <...>**» («Здесь Ианбрюхт был рукоположенным в сан архиепископа на четвертый день после зимнего солнцестояния <...>»).

Записи же, датируемые 801 и 802 гг. (за 802 г. включает в себя запись за 801 г.), в основе имеют клише: «**Sum. wæs gehadod to biscop**» («Кто-то был рукоположен в сан епископа»)^{3.2.11.} Стоит заметить, что в записи от 802 г. встречается помимо вышеприведенного, клише «**Her wæs se mona aþystrad**» («Здесь луна померкла»)^{3.6.2.} Таким образом, выше мы наблюдаем расширение контекста. Приведем примеры: 801 «**Her wæs gehadod Beornmod biscop to Hrofeceastre**» («Здесь Беорнмод был рукоположен в сан епископа Рочестера»); 802 «**Her aþystrade se mona on dagunge on .xiii. Kalendas Ianuarii, 7 Beornmod wæs gehalgod to biscop to Hrofesceastre þy ilcan geare**» («Здесь на 13-е календы января Луна на рассвете померкла; и Беорнмод был рукоположен в сан епископа Рочестера»).

В записях данной подгруппы мы регистрируем «тип В» – «инновационная формула, причем новая формула рождается на базе новой ступени инновационности по отношению к базовой формуле «**Her se eadiga Petrus se apostol gesæt biscopsetl**» («Здесь Блаженный апостол Петр основал епископский престол»)^{3.2.4.} Поскольку все остальные клише подгруппы «3.2.2. Власть духовенства» устанавливаются по отношению именно к этому базовому клише, следует отметить наличие восьмеричных регистров, отражающих развитие клишированных выражений в рамках лингвокультурного трансфера.

3. 3. Формульные и клишированные выражения группы «Вера»

В тематической группе «Вера» отмечается доминирование изменчивости формулы по «типу В». В то же самое время, как будет показано ниже, встречаются осложненные формулы, комбинируемые с формулами, изменяемыми по «типу Б». Как уже нами ранее отмечалось, базовая формула «Англосаксонских хроник» – «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1}. В данной тематической группе исходной формулой является «**Her sum. fulwihte onfeng**» («Здесь кто-то принял крещение»)^{3.3.1}, по отношению к которой, за счет коммуникативного расширения, определяются следующие инновационные клише: «**Her sum. wæs gefulwad / gefulluhtud**» («Здесь кто-то был крещен»)^{3.3.2} и «**Her sum. bodade fulluht**» («Здесь кто-то проповедовал крещение»)^{3.3.3}. Причиной возникновения инновационных кластеров, возможно, является также и элемент аллитерационной связи, лежащий в основе исходного клише (*fulwihte onfeng*): 668 «*Her <...> 7 þu ilcan geare Ceadwalla for to Rome, 7 fulwihte onfeng from þam papan, 7 se para hine heht Petrus <...>*» («Здесь <...> и в этом году Кеадвалла пришел в Рим и принял крещение от священника, и священник нарек его Петром <...>»).

Клише «**Her sum. wæs gefulwad / gefulluhtud**» («Здесь кто-то был крещен»)^{3.3.2} и «**Her sum. bodade fulluht**» («Здесь кто-то проповедовал крещение»)^{3.3.3} грамматически осложнены и представляют собой более позднюю новацию (мутацию) по отношению к уже открытой исходной формуле. В записях за 30, 626, 627, 632, 635, 646 гг. встречается клише «**Her sum. wæs gefulwad / gefulluhtud**» («Здесь кто-то был крещен»)^{3.3.2}: 30 «*Her wæs Crist gefulluhtud <...>*» («Здесь Христос был крещен <...>»); 626 «*Her Eanflēd Edwines dohtor cuninges wæs gefulwad in þone halgan æfen Pentecosten <...>*» («Здесь Энфлед, дочь короля Эдвина была крещена накануне Святой Пятидесятницы»); 627 «*Her Edwine kyning wæs gefulwad mid his þeode on Eastron*» («Здесь король Эдвин был крещен вместе с его народом на Пасху»); 632 «*Her was Eorwald gefulwad*» («Здесь Эорвальд был крещен»); 635 «*Her*

Synegils wæs gefulwad from Birino þæm biscep in Do<r>keceastre, 7 Oswold his onfeng» («Здесь Кюнегильс был крещен епископом Биринусом в Дорчестере, и Освольд – его крестный сын»); 646 «*Her Cenwalh wæs gefulwad*» («Здесь Кенвальх был крещен»).

В записях за 604 и 634 гг. передается информация относительно проповедования крещения с помощью инновационного клише «**Her sum. bodade fulluht**» («Здесь кто-то проповедовал крещение»)^{3.3.3}: 604 «*Her <...> Mellitum 7 Iustum, Mellitum he sende to bodiende Eastseaxum fulluht <...>*» («Здесь <...> он оправил Меллитуса проповедовать крещение восточным саксам»); 634 «*Her <...> 7 eac her Birinus bodade ærest Weastseaxum fulluht under Synegilse cininge <...>*» («Здесь <...> и в этом году епископ Биринус впервые проповедовал крещение западным саксам, при короле Кюнегильсе <...>»).

Таким образом, мы регистрируем в записях, в основе которых лежат вышеприведенные инновационные клише, «тип В», поскольку в них отмечается порождение новых сочетаний с иной семантической структурой по отношению к исходной формуле. В таких контекстах регистрируется расширение формулы, т. е. большая детализация.

Следующие формульные / клишированные компоненты включают в себя записи, повествующие о распятии (33, 90, 100 гг., клише «**Her sum. wæs ahangen**» («Здесь кто-то был распят (повешен)»)^{3.3.4}). Заметим, что в древнеанглийском языке еще не был оформлен концепт «распинать», а для выражения этого события использовался глагол «āhangian» («вешать»): 33 «*Her wæs Crist ahangen fram frymðe middangeardes umb .v. þusenda 7 .cc. 7 .xxvi. wintra*» («Здесь Христос был распят (повешен), будучи с самого начала мира около пяти тысяч двести двадцать шесть лет»). Отметим, что в записях от 90 и 100 гг. помимо вышепредставленного клише «*Her Sum. wæs ahangen*» («Здесь кто-то был распят (повешен)^{3.3.4}») присутствует кластер «*sum. gereste*» («кто-то покоится^{3.5.4}»). Интересно, что эвфемизм «*gereste*» («покоиться»), представляет собой лексическую замену ключевого термина

«forþferde» («умер») с сохранением первоначальной семантической структуры «тип Б»: 90 «Her Simon Petrus wæs ahangen, 7 Iohannes se godspellere hine gereste in Effesio» («Здесь Симон Петр был распят (повешен), и Иоанн Евангелист там покоился, в Эфесе»); 100 «Her Simon se apostol wæs ahangen, 7 Iohannes se godspellere gereste on þam dæge in Effeso» («Здесь апостол Симон был распят, и Иоанн Евангелист там покоился, в Эфесе»).

В рамках нашего анализа отметим формульные единства, содержащие информацию о мученичестве (62, 69, 110 гг., клише «**Her sum. Þrowode**» («Здесь кто-то принял мученическую смерть»)^{3.3.5.}). В этих формульных компонентах мы обнаруживаем тематический ряд с линейной (однородной) детализацией, так как в записях нет дополнительной информации. Так, указывается лишь имя мученика и факт его мученической смерти: 62 «Her Iacobus frater Domini þrowade» («Здесь Яков, брат Господа, принял мученическую смерть»); 69 «Her Petrus 7 Paulus þrowodan» («Здесь Петр и Павел приняли мученическую смерть»); 110 «Her Ignatius bisceop þrowode» («Здесь епископ Игнатий принял мученическую смерть»).

Итак, нами были показаны коммуникативные расширения базовой формулы, отвечающие за передачу информации о крещении и мученической смерти во имя Веры.

3. 4. Формульные и клишированные выражения группы «Сражения»

Стоит отметить, что записи данной группы отражают боевые сражения германских племен: захват островов Британии англами, ютами, саксами (V–VII в.); битва при Брунанбурге (937 г.), битва при Мэлдоне (991 г.), битва при Гастингсе (1066 г.), становление Англии датской провинцией (1018–1042 гг.); нормандское завоевание Англии (1066 по 1072 гг.).

Базовой формулой «Англосаксонских хроник», как нами уже отмечалось, является «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.}. В тематической группе «Сражения» базовая формула трансформируется в исходное клише

«**Her sum. 7 sum. gefuhton æt / on...**» («Здесь кто-то и кто-то сражались в...») ^{3.4.1.}: 614 «*Her Kynegils 7 Cwichelm gefuhton on Beandune <...>*» («Здесь Кюнегильс и Квихельм сражались в Бендуне»); 652 «*Her Cenwalh gefeaht æt Bradanforda be Afne*» («Здесь Кенвальх сражался в Брэдфорде около Эйвоны»); 675 «*Her Wulfhere Pending 7 Æscwine gefuhton æt Biedanheafde <...>*» («Здесь Вулфхере, сын Пенды, и Эсквин сражались при Бедвине»); 715 «*Her Ine 7 Ceolred gefuhton æt Wodnesbeorge*» («Здесь Ине и Кеолред сражались в Воднесбеорге»); 777 (actually 779) «*Her Cynewulf 7 Offa gefuhton ymb Benesingtun 7 Offa nam þone tuun*» («Здесь Кюневульф и Оффа сражались недалеко от Бенсингтона, и Оффа взял город»).

По отношению к установленному клише «**Her sum. 7 sum. gefuhton æt / on...**» («Здесь кто-то и кто-то сражались в...») ^{3.4.1.} определяются следующие инновационные клишированные выражения: «**Her sum. 7 sum. (ge)fuhton wið sum...**» («Здесь кто-то и кто-то сражались против...») ^{3.4.2.}; «**Her aldormon gefeaht... wiþ, 7 þær micel wæl geslog 7 sige nom**» («Здесь олдермен сражался с... и здесь и там многие пали убитыми, и выиграна победа») ^{3.4.3.}.

Записи, датируемые 455, 457, 473, 485, 514, 519, 527, 552, 568, 571, 584, 597, 607, 614, 628, 658, 710, 722, 743, 750, 752, 753, 833, 835, 840, 845, 851, 860, 868, 870, 871, 875, 878, 881, 885, 890, 891, 982 гг., содержат клише «**Her sum. 7 sum. (ge)fuhton wið sum...**» («Здесь кто-то и кто-то сражались против...») ^{3.4.2.}: 455 «*Her Hengest 7 Horsa fuhton wið Wyrterne þam cininge on þære stowe þe is sweden Ægelesþrep <...>*» («Здесь Хенгест и Хорса сражались против короля Вюртгеорна на месте, которое именуется Эгельстреп <...>»).

Примечательно, что данное клише образует кластеры с другими формулами / клише за счет коммуникативного расширения, благодаря которому записи способны передавать информацию в поколениях: от 457 и 614 гг. клише «**Her sum. ofslog(on) / ofsloh sum.**» («Здесь кто-то убил кого-то») ^{3.5.11.}, в записи от 519 г. – формула «**Sum. (on) feng to rice**»

(«Кто-то наследовал королевство»)^{3.2.3.} 571 г. – формула «**Her sum. forðferde**» («Здесь кто-то умер»)^{3.5.1.}; 584, 870, 885 гг. – клише «**Her sum. ofslog(on) / ofsloh sum.**» («Здесь кто-то убил кого-то»)^{3.5.11.}

Рассмотрим примеры: 457 «*Her Hengest 7 Æsc fuhton wiþ Brettas in þære stowe þe is gecueden Crecganford 7 þær ofslogon .iiii. wera <...>*» («Здесь Хенгест и Эск сражались против бриттов на месте, которое именуется Крекганфорд, и там убили 4000 человек <...>»); 519 «*Her Cerdic 7 Cynric hand8: Westse^{xe}na rice onfengun on þy ilcan gearе hie fuhton wiþ Brettas þær mon nu nemneþ Cerdicesford <...>*» («Здесь Кердик и Кюнрик наследовали королевство западных саксов; и в этот же год они сражались против бриттов, там, где сейчас это (место) именуется Кердиксфордом <...>»); 614 «*Her Kynegils 7 Cwihelm gefuhton on Beandune 7 ofslogon .ii. þusend Walana 7 .lxx.*» («Здесь Кюнегильс и Квихельм сражались в Бэандуне, и убили 2065 уэльсцев»); 571 «*Her Cupwulf feaht wiþ Bretwalas æt Bedcan forda. 7 .iiii. tunas genom <...> 7 þy ilcan gearе he gefor*» («Здесь Кутвульф сражался против бриттов при Бедфорте и взял четыре города <...> и в этот же год умер»); 584 «*Her Ceawlin 7 Cufa fuhton wiþ Brettas, in þam stede þe mon nemneþ Feþanleag. 7 Cufan mon ofslog. 7 Ceaulin monige tunas genom <...>*» («Здесь Кевлин и Кута сражались против бриттов на месте, которое именуется Фретерн, и там Кута был убит, а Кеавлин взял много городов <...>»); 870 «*Her <...> 7 þy wintra Eadmund cyning him wiþ feaht, 7 þa Deniscan sige namon, 7 þone cyning ofslogon <...>*» («Здесь <...> и в эту же зиму король Эадмунд сражался против них, и даны одержали победу и убили короля <...>»); 885 «*Her <...> sona swa hie comon on Stufemuþan, þa metton hie .xvi. scipu wicenga, 7 wiþ ða gefuhton, 7 þa scipo alle gerehton, 7 þa men ofslogon; Þa hie þa hamweard wendon mid þære herehyfe, þa metton hie micelne sciphere wicenga, 7 þa wiþ þa gefuhton þy ilcan dæge, 7 þa Deniscan ahton sige <...>*» («Здесь <...> как только они прибыли к Стоурмуту, их там встретили 16 пиратских судов, и они сражались против них; они захватили все суда и убили людей. Как только они потом вернулись домой с награбленным добром, огромный флот пиратов

пересекся с ними, и затем *они сражались против них* в этот же день, и даны одержали победу <...>»).

Древнеанглийские записи, датируемые 837 и 851 гг., содержат клише «**Her aldormon gefeaht ... wiþ, 7 þær micel wēl geslog 7 sige nom**» («Здесь олдермен сражался против... и здесь и там многие пали убитыми, и выиграна победа»)^{3.4.4.}: 837 «*Her Wulfheard aldormon gefeaht æt Hamtune wiþ .xxxiii. sciphlēasta 7 þær micel wēl geslog 7 sige nom <...>*» («Здесь олдермен Вулфхеард сражался в Хамптуне против войск на 33 судах, и там и здесь многие пали убитыми, и выиграна победа <...>»); 851 «*Her Ceorl aldormon gefeaht wiþ hæþene men min Defenascire æt Wicganbeorge, 7 þær micel wēl geslogon 7 sige namon <...>*» («Здесь олдермен Кеорл с людьми из Девоншира сражался против язычников в Викганбеорге, и там и здесь многие пали убитыми, и выиграна победа <...>»).

Базовая формула «*Her on þysum geare*» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.} также трансформируется и в другое исходное клише «**Her for se here of...**» («Здесь армия пошла от...»)^{3.4.5.}, встречающееся в записях от 867, 869, 880, 882 гг.: 867 «*Her for se here of Eastenglum ofer Humbre muþan to Eoforwicceastre on Norþhymbre, 7 þær wæs micel un^{ge}ruærnes þære þeode betweo^x him selfum <...>*» («Здесь армия направилась от Восточной Англии через устье Хамбер в город Йорк, Нортумбрия. И было много разногласий среди этих людей <...>»); 869 «*Her for se here eft to Eoforwicceastre, 7 þær sæt .i. gear*» («Здесь армия направилась в Йорк и находилась там один год»); 880 «*Her for se here of Cirenceastre on Eastengle <...>*» («Здесь армия пошла от Сиренстера к Восточной Англии <...>»); 882 «*Her for se here up onlong Mæse feor on Fronclond, 7 þær sæt an gear <...>*» («Здесь армия направилась вверх по Маасу, вглубь во Францию, и там находилась один год <...>»).

По отношению к этому исходному клише определяются инновационные клишированные выражения: «**Her for se here up on, 7 þær sæt an gear**» («Здесь армия направилась по, и находилась там один год»)^{3.4.6.}; «**Her se**

here innan 7 wintersetl namon» («Здесь армия... в, и заняла свои зимние казармы»)^{3.4.7.}

Так, в записях 879, 883, 884 гг. отмечается первое из названных клише: 879 «Her for se here to Cirencestre of Cippanhamme. 7 sæt þær an gear <...>» («Здесь армия направилась в Сиренсестер из Чиппенхема и находилась там один год <...>»); 883 «Her for se here up on Scald to Cundof, 7 þær sæt an gear» («Здесь армия направилась по Шельде в Конде, и находилась там один год»); 884 «Her for se here up on Sunnan to Embenum, 7 þær sæt an gear» («Здесь армия направилась по Сомме в Амьен, и находилась там один год»).

Записи за 868, 870, 872, 873, 874 гг. заключают в себе клише «**Her se here innan 7 wintersetl namon» («Здесь армия... в, и заняла свои зимние казармы»)**^{3.4.7.}. Возможно, что данное клише представляет собой расширение базового: 868 «Her for se ilca here innan Mierce to Snotengaham, 7 þær wintersetl namon <...>» («Здесь та же самая армия вошла в Мерсию к Ноттингему и заняла свои зимние казармы <...>»); 870 «Her gad se here ofer Mierce innan Eastengle 7 wintersetl namon æt Æodforda <...>» («Здесь армия ехала через Мерсию в Восточную Англию и заняла свои зимние казармы в Тетфорде <...>»).

Интересно, что в записях от 872, 873 и 874 гг. происходит расширение коммуникативного фактора. Так, к клише «**Her se here innan 7 wintersetl namon» («Здесь армия... в, и заняла свои зимние казармы»)**^{3.4.7.} добавляется кластер «7 þa namon Mierce friþ wiþ þone here» («и затем и мерсийцы заключили мир с армией»): 872 «Her for se here to Lundenbyrig from Readingum, 7 þær wintersetl nam, 7 þa namon Mierce friþ wiþ þone here» («Здесь армия пошла от Ридинга к Лондону, и заняла свои зимние казармы, и затем и мерсийцы заключили мир с армией»); 873 «Her for se here on Norþhymbre, 7 he nam wintersetl on Lindesse æt Tureces iege, 7 þa namon Mierce friþ wiþ þone here» («Здесь армия направилась в Нортумбрию и заняла свои зимние казармы в Торкси, Линдси; и затем мерсийцы заключили мир с армией»); 874 «Her for se here from Lindesse to Hreopedune, 7 þær wintersetl nam <...>»

(«Здесь армия пошла от Линдси в Рептон и заняла свои зимние казармы <...>»).

Таким образом, базовая формула «Англосаксонских хроник» «*Her on þysum geare*» («Здесь в этом году») в тематической группе «Сражения» трансформируется в исходные клише «**Her sum. 7 sum. gefuhton æt / on...**» («Здесь кто-то и кто-то сражались в...»^{3.4.1.}; «**Her for se here of...**» («Здесь армия пошла от...»)^{3.4.5.}, по отношению к которым определяются инновационные клише. Поэтому все записи данной подгруппы мы относим к «типу В», так как в них обнаруживается возникновение нового сочетания с иной семантической структурой.

3. 5. Формульные и клишированные выражения группы «Смерть»

В основе записей «Англосаксонских хроник» по теме «Смерть» также лежит базовая формула «**Her on þysum geare**» («Здесь в этом году»)^{3.1.1.}. В самой группе записи формируются как ее расширения. Исходная формула «**Her sum. forðferde**» («Здесь кто-то умер»)^{3.5.1.} (это формула, так как она встречается и в поэтическом тексте за 975 г.) встречается в следующих записях: 63, 101, 571, 606, 624, 664, 667, 676, 680, 703, 705, 714, 718, 730, 737, 745, 754, 758, 760, 772, 782, 790, 794, 803, 805, 806, 829, 812, 833, 836, 837, 870, 885, 887, 888, 897, 902, 906, 910, 924, 932, 940, 946, 963, 983, 992, 995, 975, 1006, 1034, 1038, 1055, 1056, 1036, 1067, 1096, 1107, 1123 гг. Например, 63 «*Her Marcus se godspellere forþferde*» («Здесь умер Марк евангелист»); 101 «*Her Clemens papa forþferde*» («Здесь умер Папа Климент»).

Слово «forðferde» представляет собой эвфемизм; одна из возможных его семантем «идти вперед». В свою очередь, *перед* ассоциируется с местом восхода солнца, востоком. Так, отмечается, что «существует этимологическая и далее типологическая связь между *за-падъ* и *за-дъ*, *съверъ* и *шюи*, *въс-токъ* и *пере-дъ* (ср. те же семантические близкие корни,

усиливающие друг друга, в одном слове: *выс-прь, пре-выс-ить, вос-препятствовать, пре-взо-йти*)» [Проскурин 2005: 95].

Примечательно, что древнеанглийское слово «east» (восток, с востока) трактуется двояко: 1) восходящее солнце, озаряющее все окружающее, «свет с востока»; 2) *lēoht ēastan* – «свет с востока» – Божья помощь. Вторая трактовка данного слова, естественно, связана с христианским представлением о востоке: он в данном случае выступает сакральной частью света («христианские храмы и погребения ориентированы на восток») (см.: [Карпова 2002: 196–197]). «Местонахождением злого, мрачного и враждебного людям бывает в эддических мифах либо восточная, либо северная окраина» [Стеблин-Каменский 1978: 40].

Греческий термин «эвфемизм» имеет два противоположных значения: 1) «произносить слова, несущие доброе предзнаменование»; 2) «избегать слов, сулящих недоброе», откуда и «хранить молчание» [Бенвенист 2002: 370]. «Термин "эвфемизм" происходит от греческого слова *euphemismos* (*eu* – "хорошо" и *rhemí* – "говорю") – "говорю вежливо"» [Арапова 1990: 590]. Эвфемизм представляет собой замену нежелательного выражения и / или слова нейтральным или же положительно коннотированным обозначением для того, чтобы предотвратить конфликт в общении и / или избежать неприятные явления действительности (см.: [Баскова 2009: 16]). Согласно Ю.С. Басковой, изначально этнографы занимались изучением эвфемизмов (они исследовали значение табуированных слов в первобытных сообществах (Д.К. Зеленин, А. Мейе)), поскольку в лингвистическом плане эвфемизмы тесно связаны с явлением табу. «Эвфемия невозможна без табу, хотя табу может быть без эвфемии» [Кацев 1989: 16]. «Эвфемизмы – это замененные, разрешенные слова, которые употребляются вместо запрещенных (табуированных)» [Реформатский 1996: 105]. М.М. Маковский описывает табу как разрыв социальной ткани, как антиметафору (см.: [Маковский 2008: 9]).

Интересно рассмотрение эвфемии с точки зрения синхронического и диахронического масштабов времени, так как есть эвфемизмы, характерные для определенной эпохи, а также существуют вневременные эвфемизмы (см.: [Рябова, Валько 2013: 90]). Употребление эвфемизмов давало возможность говорить о пугающих явлениях без «опасности вызвать стоящие за словом злые силы». Например, слово «медведь» («ведающий, где мед») являлось эвфемизмом, оно заменило изначальное название зверя, не сохранившееся у германских, балтийских и славянских народов, но оно осталось в латинском языке (*ursus*) (см.: [Баскова 2009: 10, 12]).

Медведь представлял собой культовый символ природного начала в древнегерманской традиции, так, англосаксы считали его священным животным. Возможно, он был их тотемом, ведь его имя часто табуировалось: «др.-англ. *bera* "коричневый", "бурый", или заменяется описательным: *Beowulf* "пчелиный волк"» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 149]. Связь дикого зверя с воином являлась противопоставлением членов мужского союза остальному обществу, так, в древнегерманских представлениях отражается «связь загробного мира с культом героев, ср. др.-исл. *Valhǫll* «дом мертвых (героев)». Загробный мир ассоциировался с местом дальнейшей жизни героев, так как «основывался на представлении англосаксов о герое – медведе, ср. выше *Beowulf*, а также др.-англ. *beorn* > *bern*, *burn* "человек, воин", "герой" и др.-исл. *bjǫrn* "медведь"» [Степанов, Проскурин 1993: 18]. «Такие основания, как это, очевидно, не могут быть даны в текстах эксплицитно, так как языковые табу предполагают именно запрет на эксплицитное упоминание и именование (ср. рус. *медведь*, букв. «меду – ед», «едящий мед» – подставное имя, возникшее вследствие табу, вместо какого-то иного имени, родственного лат. *ursus*, др.-греч. ὄρκτος, которые все восходят к одному и тому же индоевропейскому корню и обозначают одно и то же животное» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 497].

Ю.С. Степанов рассматривает определение «эвфемизм» как нематериальную переделку реальности в сторону ее улучшения посредством

ее приукрашенного изображения. Данный термин может выступать в качестве общего обозначения процесса: когда невозможно переделать ситуацию в материальном мире, можно сделать эту ситуацию в ментальном мире, в ее изображении. Одну и ту же ситуацию мы можем смягчить обозначениями и эвфемизмами, а также можем и огрубить, используя «огрубленные обозначения». «Например, при нейтральном *умер* рус. эвфемизм *скончался, отдал Богу душу*, и конверсия эвфемизма, "эвфемизм наоборот" – *сыграл в ящик*» [Степанов 2003(б): 7].

Благодаря изучению гнезда **svoǰь* (инд.-евр. *-*su*) стали возможны исследования древней идеологии слова *смерть* изнутри: «слав. **sъ-мьръть смерть* собственно *своя благовидная смерть* как индоевропейский архаизм» [Трубачев 1987: 60–61]. *Своя смерть* – естественная смерть. Ведутся споры среди этимологов по поводу префикса **su* в данном слове. Остается спорным: «означает ли префикс **su-* в этом слове "свое" или "хорошее", т. е. "своя смерть" это и "хорошая смерть"? В любом случае инвариантом выражений остается "естественная", "природная" смерть. Прямое обозначение "природная" в сущности совпадает с эвфемистическими "своя", "хорошая"» [Степанов 2003 (б): 9].

Обратимся к этимологическому словарю древнеанглийского языка, рассмотрим внутреннюю форму слова «*forðferan*» («умирать») / «*forðferde*» («умер»), «*forðfērednes*» («смерть»): 1. «*faran*» – сильный глагол: «ехать», «двигаться», «идти», «уезжать», «действовать», «терпеть», «претерпевать»; «*gefaran*» – «умирать», «наступать», «брать верх», «ловить», «сохранить»; новоангл. «*Fare*»; древнефриз., древнеисл. «*fara*»; древнесакс., древневерхненем., готский «*faran*»; греческий «*περάω*», «*πείρω*», «*πόρο-σ*»; древнеслав. «*рега*», «*па-ре҃ја*»; 2. «*For*» – предлог: перед, на стороне, вместо, вследствие, несмотря на; наречие «*fer*»: новоангл. «*for*», древнефриз. «*For-*», «*ur-*», «*far-*», «*fir-*», древнеисл. «*for-*», гот. «*faúr*», лат. «*pro-*», греч. «*πάρ(α)*»; 3. «*Ford*» – наречие: «дальше», «вперед», «отсюда», «оттуда», «постоянно»,

«все еще», «одновременно»; предлог: «во время», новоангл. «forth», древнефриз., древнесакс. «cort» (см.: [Holthausen 1974: 98, 112]).

Интересно, что в «Англосаксонских хрониках» ранние записи о смерти связаны с эвфемизацией концепта «смерть», в то время как более поздние демонстрируют прямую номинацию. К концу «Англосаксонских хроник» в записях после 1137 г. («Рукопись Е») лексема «forðferde» («умер») перестает встречаться. На смену ей приходят лексемы: 1137 г. – «steorfan» («умирать», «умирать от голода / холода»), 1154 – «dēadian» («умирать»). Однако в текст записи от 1140 г. вплетена новая лексема «dēadian» («умирать») наравне с предшествующей – «forðferde» («умер»). Приведем контексты, повествующие о Гражданской войне в Англии (1135–1154 гг.): 1137 «*Dis gære <...> Þa was corn dære. 7 flec 7 cæse 7 butere. for nan ne wæs o þe land. Wrecsemen sturuen of hungæ r <...>*» («В этот год <...> тогда хлеб был заветным, и мясо, и сыр, и масло, поскольку этого не было в стране. Несчастные люди умирали от голода <...>»); 1140 «*On þis gær <...> Þerefter forðfeorde Willelm ærcebiscop of Cantwarberi. 7 te king makede Teodbald ærcebiscop þe was abbot in the Bec <...> 7 wærd ded 7 his moder beien. 7 te eorl of Angæu wærd ded. 7 his sune Henri toc to þe rice*» («В тот год <...> после этого *Виллиам, архиепископ кентерберийский умер, и король сделал Теобальда архиепископом, кто был до этого аббатом <...> он и его мать оба умерли. И умер граф Анжуйский, и его сын Генри наследовал королевство»); 1154 «*On þis gær wærd þe king Stephne ded 7 bebyried þer. his wif 7 his sune wæron bebyried æt Fauresfeld <...> abbod of Burch <...> þa sæclede he 7 ward ded iii Nonæ Ianuarii <...>*» («В этом году умер король Стефан, и он был похоронен там, где похоронены его сын и жена, в аббатстве Фейвешем. Он создал это аббатство <...> аббат Питерборо <...> заболел и умер на 4-е ноны января <...>»).*

Заметим, что эвфемизмы сами по себе вторичны, однако иногда они служат базой для словообразования, как в морфеме *su (су-мерть), являющейся частью русского слова «смерть», т. е. своя хорошая смерть.

Пародоксально, что эвфемизм может стать основой номинации нейтрального термина. Об этом свидетельствует история «Англосаксонских хроник». Более поздние лексеммы «*steorfan*» («умирать, умирать от голода / холода») и «*dēadian*» («умирать») приходят на смену эвфемизму «*forðferan*» («умирать»). Примечательно, что затем скандинавское заимствованное слово «*deuja*» («умирать»), современная лексема «*to die*», прочно войдет в словарный состав английского языка, вытеснив древнеанглийские слова.

Анализ «Англосаксонских хроник» показал, что этимологическая память слова воспроизводится в исторических записках. Синтаксис данного произведения проливает свет на алгоритм происхождения терминов на базе эвфемизмов, т. е., вероятно, есть концепты, которые являются эвфемистичными по своей природе. Однако их последующая нейтрализация никак не сказывается на исторической памяти слова.

По отношению к формуле «**Her sum. forþferde**» («Здесь кто-то умер») ^{3.5.1.} за счет коммуникативного расширения образуются инновационные кластеры: «**Her sum. forþferde, 7 sum. rixade æfter him**» («Здесь кто-то умер, и кто-то правил после него») ^{3.5.2.}; «**Her sum. forðferde, 7 lic lip æt...**» («Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело лежит в...») ^{3.5.3.}; «**Her sum. forðferde, 7 lic rest on...**» («Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело покоится в...») ^{3.5.4.}; «**(Her) sum. gefor**» («Здесь кто-то ушел (на небеса)») ^{3.5.5.}; «**Her sum. forðferde; 7 Her sum. bēon bebyrged...**» («Здесь кто-то умер; и кто-то был похоронен») ^{3.5.6.}; «**Her forðferde sum. on... Kalendas**» («Здесь кто-то умер на календы...») ^{3.5.7.}

В основе кратких древнеанглийских записей от 588, 670 и 672 гг. лежит коммуникативное расширение исходной формулы, обеспечивающее передачу информации в поколениях – «**Her sum. forþferde, 7 Sum. rixade æfter him**» («Здесь кто-то умер, и кто-то правил после него») ^{3.5.2.}: 534 «*Her Cerdic forþferde, 7 Cynric his sunu ricsode forþ .xxvi. wintra <...>*» («Здесь умер Кердик, и Кюнрик, его сын, правил 26 лет <...>»); 588 «*Her Ælle cining forðferde, 7 Æðelric rixade æfter him fif gear*» («Король Элла умер, и Этелрик правил после него пять лет»); 670 «*Her forþferde Osweo Norþanhymbra*

cyning, 7 Ecgferþ ricsode æfter him <...>» («Здесь Освео, король Нортумбрии, умер; и Экферт, его сын, правил после него <...>»); 672 «*Her forþferde Cenwalh 7 Seaxburg an gear ricsode his cuen æfter him*» («Здесь король Кенвальх умер, и Сеаксбург, его королева, правила после него один год»).

Записи, датируемые 716, 860, 867, 888, 981, 982, 1047, 1060 гг., содержат инновационный кластер «**Her sum. forðferde, 7 lic liþ æt...**» («Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело лежит в...»)^{3.5.3}. Отметим, что в записи от 716 г. помимо этого кластера «**Her sum. forðferde, 7 lic liþ æt...**» («Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело лежит в...»)^{3.5.3}, имеется формула «**Her sum. (on) feng to rice**» («Здесь кто-то наследовал королевство»)^{3.2.1}, рассматриваемая нами в подгруппе «Королевская власть». Помимо этого в данной записи указана тула: 716 «*Her <...> 7 on þam ilcan geare Ceolred Miercna cyning forþferde, 7 his lic restep on Licetfelda, 7 Eþelreðes Pendinges on Bearddanigge; 7 þa feng Eþelbald to rice on Mercium, 7 heold .xli. wintra. Eþelbald wæs Alweoing, Alweo Eawing, Eawa Rybing <...>*» («Здесь <...> и в этот же год Кеолред, король Мерсии, умер, и его тело лежит в Личфилде, и Этелреда, сына Пенды, в Бардни. Затем Этелбалд наследовал королевство Мерсия и правил 41 год. Этелбалд был сыном Алвео, Алвео-Эавы, Эава – Пюббы <...>»).

В контексте 981 г. упоминаются исходная формула, инновационное клише и клише «**Her sum. feng to bisceopdome**» («Здесь кто-то наследовал епархию»)^{3.2.6}, относимое нами к подгруппе «Власть духовенства»: 981 «*Her <...> 7 on þam ylcan geare forðferde Ælfstan bisceop on Wiltunscire, 7 his lic lið on þam mynstre æt Abbandune, 7 Wulfgar feng þa to ðam bisceopdome. 7 on þam ylcan geare forðferde Womær abbod on Gent*» («Здесь <...> и в этот же год умер Элфстан, епископ Уилтшира, и его тело лежит в кафедральном соборе Абингдона; и Вульфгар, наследовал епархию. И в этот же год умер аббат Вомаер в Генте»). В записи от 1060 г. также как и в записи от 981 г. упоминаются исходная формула, инновационное клише и клише из подгруппы «Власть духовенства» – «**Her sum. feng to bisceopdome**» («Здесь кто-то наследовал епархию»)^{3.2.6}. В этой записи встречается также и

лексическая замена («тип Б») слова «forþferde» («умер») на эвфемизм «gewat» («отправился (на небеса)»): 1060 «On þisan gere <...> 7 Heinric se cyng forðferde on Francrice. 7 Kynsie arcebiscop on Eoferwic *gewat on .xi. Kalendas Ianuarii*, 7 he ligeð on Burh, 7 Ealdred biscop feng to þam rice, 7 Waltere feng to þam biscoprice on Herefordscire, 7 Duduc biscop eac forðferde, se wæs biscop on Sumersætan <...>» («В этом году <...> и король Генри умер во Франции и Кюнси, архиепископ Йорка, отправился (на небеса) на 11-е календы января, и он покоится в Питерборо, и епископ Элдред наследовал власть (епархию), и Валтер наследовал епархию в Херифордшире; и епископ Дудок также умер, он был епископом в Сомерсете <...>»).

В записях за 121, 721, 962 и 1033 гг. обнаруживается коммуникативное расширение исходной формулы – «**Her sum. forðferde, 7 lic rest on...**» («Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело покоится в...»)^{3.5.4.} Заметим, что в этих контекстах количество информации (дополнительная информация) уменьшается с возрастанием летоисчисления (нисходящая детализация): 721 «Her <...> 7 her forðferde seo halga biscop Iohannes, se wæs biscop .xxxiii. geara 7 .viii. monðas 7 .xii. dagas, 7 his lic rested in Beoforlic» («Здесь <...> и здесь святейший епископ Джон умер, и он был епископом 33 года и 8 месяцев и 13 дней, и его тело покоится в Беверли»); 962 «Her forðferde *Ælfgar* cinges mæg on Defenum, 7 his lic rest on Wiltune. 7 Sigferð cyning hine offeoll, 7 his lic ligð æt Wimburnan <...>» («Здесь умер в Девоншире *Эльфгар*, родственник короля, и его тело покоится в Вилтоне, и Сигерферт совершил самоубийство и его тело лежит в Вимборне <...>»); 1033 «Her forðferde Leofsie biscop, 7 his lichama rested on Wigraceastre <...>» («Здесь умер епископ Леофси, и его тело покоится в Вустере <...>»).

Записи, датируемые 867, 870, 897, 901, 906, 910, 988, 992, 1053 гг., содержат клише «**(Her) sum. gefor**» «Здесь кто-то ушел (на небеса)»^{3.5.5.}, представляющее собой коммуникативное расширение исходной формулы, а также лексическую замену («тип Б») слова «forþferde» («умер»). Контексты однородны (линейная детализация), однако в записях от 867, 897, 901, 992,

1053 г. помимо дополнительной информации также встречается и сочетание инновационных оборотов по отношению к исходной формуле с клише / формулами, которые мы относим к другим группам: 867 г. – клише «**7 (lic) liþ æt...**» («и его / ее (тело) лежит в...»)^{3.5.3}; 901 г. – клише «**Her sum. (on) feng to rice**» («Здесь *кто-то* наследовал королевство»)^{3.2.1}; 902 г. – эвфемизм «forlet þis lif 7 geferde þæt heofenlice» («покинул эту жизнь и ушел в небесную жизнь»); 1053 г. – клише «**Sum. (on)feng to biscopdome / biscoprice**» («*Кто-то* наследовал епархию»)^{3.2.6}. 867 «Her <...> 7 þy ilcan geare gefor Ealchstan bisceþ, 7 he hæfde þæt bisceþrice .i. wintra æt Scireburnan, 7 his lic liþ þær on tune» («Здесь <...> и в этот же год епископ Эалхстан ушел (на небеса); и он был епископом в Шереборне пять лет, и его тело лежит в городе»); 870 «Her <...> 7 þy geare gefor *Ceolnoþ arcebiscop*» («Здесь <...> и в этом же году ушел (на небеса) архиепископ Кеолиот»); 901 «Her gefor *Ælfred cyning .vii. kalendas Nouembris*, 7 he heold þet rice .xxviii. wintra 7 healf gear; 7 þa feng *Ædward* his sunu <to> rice» («Здесь ушел (на небеса) король Альфред на седьмые календы ноября, и он правил 28 с половиной лет; и затем Эдвард, его сын, наследовал королевство»); 1053 «On þy sum geare <...> Ðæs ylcan geares gefor *Wulfsie bisceop on Licedfelda*, 7 *Leofwine* abbud on *Cofantreo feng to ðam bisceoprice <...>*» («В этот год <...> в этом же году ушел (на небеса) Вилфси, епископ, Личфилда, и Леофвине, аббат Ковентри, наследовал епископство <...>»).

Записи 544, 690, 1012 (поэтический текст), 1033, 1055 гг. включают в себя информацию относительно места, где погребен умерший человек. В их основе лежит кластер «**Her sum. forðferde; 7 Her sum. bēon bebyrged...**» («Здесь кто-то умер; и кто-то был похоронен...»)^{3.5.6}, вспомогательный глагол которого варьируется в зависимости от выбранных писцом временных конструкций, а также от выбранных страдательных или активных залогов. Так, в записи от 544 г. вторая часть полуформулы «7 Her sum. bēon bebyrged...» имеет вид «7 hine mon bebyrig on *Wihtgarasbyrig*», в записи от 690 г. – «7 he wæs bebyrged innan *Cantwarbyrig*», а в записи от 1033 г. – «7 he is bebyrged on *Glæstingabyrig*» (см. перевод ниже): 544 «Her *Wihtgar forðferde,*

7 hine mon *bebyrig on Wihtgarasbyrig* («Здесь Вихтгар умер; и они его похоронили в Вихтгарабюрге»); 690 «*Her Theodorus ærcebiscop forðferde; he wæs .xxii. wintra biscop, 7 he wæs bebyrged innan Cantwarbyrig*» («Здесь архиепископ Феодор умер; он был епископом 22 года; и он был похоронен в Кентербери»); 1033 «*Her on þisum geare forðferde Merehwit biscop on Sumersæton. 7 he is bebyrged on Glæstingabyrig*» («Здесь умер Мерехвит, епископ Сомерсета; он был похоронен в Гластонбери»).

Записи от 616, 670, 744, 766, 768, 780, 793, 797, 951, 955, 957, 977, 1045, 1060, 1061, 1124 гг. имеют в своей основе кластер «**Her sum. forðferde on... Kalendas**» («Здесь кто-то умер на календы...»)^{3.5.7.}, указывающий на точную дату смерти. Стоит заметить, что сама дата смерти записывается латиницей, она является вкраплением в хронику на древнеанглийском языке: 670 «*Her Oswiu forðferde Norðanhymbra cining on .xv. kalendas Martii <...>*» («Здесь Освео, король Нортумбрии, умер на 15-тые календы Марта <...>»); 744 «*Her <...> 7 Wilferð seo iunga se wæs biscop on Eoferwic forðferde on .iii. kalendas Mai, se wæs .xxx. wintra biscop*» («Здесь <...> и Вилферт младший, кто был епископом Йорским, умер на третьи календы мая; он был епископом 30 лет»).

Далее появляются грамматически осложненные клише, представляющее собой более позднюю новацию по отношению к исходной формуле: «**Her biseop / ærcebiscop forðferde, 7 sum. feng to biseopdome**» («Здесь епископ / архиепископ умер, и кто-то наследовал епархию»)^{3.5.8.}; «**Her forðferde biscop, 7 sum. gehalgode to bioscope**» («Здесь умер епископ, и кто-то был посвящен в сан епископа»)^{3.5.9.}; «**Her forðferde ærcebiscop, 7 sum. gehalgode to ærcebioscop(e)**» («Здесь умер архиепископ, и кто-то был посвящен в сан архиепископа»)^{3.5.10.}.

Рассмотрим записи, отражающие информацию об умерших епископах и священнослужителях, которые впоследствии были назначены на их места: так, записи за 676, 690, 981 гг. имеют в своей основе клише «**Her biseop / ærcebiscop forðferde, 7 sum. feng to biseopdome**» («Здесь епископ /

архиепископ умер, и кто-то наследовал епархию»)^{3.5.8.}: 676 «*Her Æscwine forþferde, 7 Hedde feng to biscepdome <...>*» («Здесь Эсквин умер, и Хеарда наследовал епископство <...>»); 690 «*Her Peodorius ærcebiscop forþferde, 7 feng Beorhtwald to þam biscepdome <...>*» («Здесь архиепископ Феодориус умер, и Беорхтвалд наследовал епископство <...>»).

Краткие древнеанглийские записи от 727, 737, 780, 797 гг. включают в себя клише «**Her forðferde biscop, 7 sum. gehalgode to bioscope**» («Здесь умер епископ, и кто-то был посвящен в сан епископа»)^{3.5.9.}: 727 «*Her forðferde Tobias biscop in Rofecestre, 7 on his stal Brihtwold ærcebiscop gehalgode Aldulf to bioscope*» («Здесь умер епископ Рочестера, и на его место Алдульф был посвящен в сан епископа архиепископом Бритволдом»); 737 «*Her <...> 7 Æðelwold biscop 7 Acca forðferdon, 7 Cynewulf man gehalgode to bioscope <...>*» («Здесь <...> и Этелволд и Акка умерли и Конвульф был посвящен в сан епископа <...>»).

Записи от 731 и 1140 гг. раскрывают посредством клише «**Her forðferde ærcebiscop, 7 sum. gehalgode to ærcebiscop(e)**» («Здесь умер архиепископ, и кто-то был посвящен в сан архиепископа»)^{3.5.10.} информацию относительно священнослужителей, а именно наследодателей – архиепископов и наследников-архиепископов.

Как уже отмечалось нами ранее, согласно Папской революции всегда присутствовало третье лицо, которое осуществляло обряд посвящения. В следующих записях этим третьим лицом выступали епископ (731 г.) и король (1140 г.): 731 «*Her Brihtwold ærcebiscop forðferde on idus Ianuarii, seo wæs biscop .xxxvii. wintre 7 six monðas 7 .xiiii. dagas. 7 þу ilcan geare man gehalgode Tatwine to ærcebiscop, seo wæs ær in Mercum preost in Breodune; hine halgodan Daniel Wæntan biscop 7 Ingwald Lunden biscop 7 Aldwine Licetfelda biscop 7 Aldulf Rofeceastre biscop die .x. Iunii mensis*» («Здесь умер архиепископ Бертвальд в середине января; он был епископом 37 лет, 6 месяцев и 14 дней. В этом же году Татвин был посвящен в сан епископа, до этого он был священником в Бреодуне среди мерсийцев. Даниэль, епископ Винчестера, и

Ингвальд, епископ Лондона, и Алдвин, епископ Личфилда, и Алдвульф, епископ Рочестера, посвятили его 10 июня; он был архиепископом три года»); 1140 «On þis gær <...> þerefter fordfeorde Willelm ærcebiscop of Cantwarberi. 7 te king makede Teodbald ærcebiscop þe was abbot in the Bec <...>» («В тот год <...> после этого *Виллиам, архиепископ* кентерберийский умер, и король сделал Теобальда архиепископом, кто был до этого аббатом <...>»).

В тематической группе «Смерть» исходным клише по отношению к базовой формуле также является клише «**Her sum. ofslog(on) / ofsloh sum.**» («Здесь кто-то убил кого-то») ^{3.5.11.}. Записи, датируемые 45, 71, 457, 477, 491, 501, 508, 530, 568, 577, 603, 614, 697, 699, 755, 721, 778, 784, 794, 837, 851, 867, 870, 871, 878, 882, 911, 1041, 1054, 1068, 1070, 1098 гг., имеют в своей основе исходное клише «**Her sum. ofslog(on) / ofsloh sum.**» («Здесь кто-то убил кого-то») ^{3.5.11.}: 45 «*Her Herodes aswealt, se þe Iacob ofsloh anum geare ær his agnum deaþe*» («Здесь Херод умер, тот, кто убил Иакова за один год до своей смерти»); 71 «*Her Titus, Uespasianes sunu, on Hierusalem ofsloh Iudea .xci. þusenda*» («Здесь Титус, сын Веспасиана, убил 111000 иудеев в Иерусалиме»). Обратим внимание на запись 45 г., там присутствует лексическая замена – «aswealt» («умер») – «тип Б».

По отношению к этому исходному клише появляется грамматически осложненное, которое представляет собой более позднюю новацию: «**Her sum. ofslog(on) / ofsloh sum.**» («Здесь кто-то убил кого-то») ^{3.5.11.}. Записи, датируемые 455, 642, 654, 685, 716, 731, 746, 794, 798, 800, 822, 838, 853, 867, 916, 979, 992, 1010, 1030, 1056 гг., имеют в своей основе коммуникативное расширение исходного клише – «**(Her) Sum. wæs ofslægen / man (ofslog / ofsloh)**» («(Здесь) кто-то был убит») ^{3.5.12.}, которое имеет следующие вариации: «**man ofsloh**» (798, 992 гг.); «**ofslegen**» (916, 979 гг.), «**man ofslog**» (455 г.); «**ofslægen wæs**» (642, 651, 679, 731, 794, 841, 1010 гг.); «**wearþ ofslægen**» (654, 716, 1030, 1056 гг.); «**mon (of)slog**» (685, 746 гг.); «**begen ofslagene wæron**» (800 г.); «**wurdon ofslagene**» (822 г.); «**wurdon men**

ofslægene» (838 г.). Приведем некоторые примеры: 642 «*Her Oswald Norþanhymbra cyning ofslægen wæs*» («Здесь Освальд, король Нортумбрии, был убит»); 651 «*Her Oswine kyning wæs ofslægen, 7 Aidan biscep forþferde*» («Здесь король Освин был убит, и умер епископ Аидан»); 679 «*Her Eþfwine wæs ofslægen, 7 Sancte Eþelþryþ forþferde*» («Здесь Элфвин был убит, и умер Святой Этелдрюхт»).

Таким образом, записи, данной подгруппы, мы относим к «типу В», поскольку в них создаются новые сочетания и обороты с иной семантической структурой по отношению к установленной архаической формуле «*Her sum. forðferde*» («Здесь кто-то умер»). Помимо «типа В» в данной группе присутствует «тип Б», представляющий собой описание одних и тех же явлений, причем означающее меняется, а означаемое остается неизменным. В данном случае речь идет об эвфемизации концепта «смерть» благодаря, например, глаголам движения.

3. 6. Формульные и клишированные выражения группы «Природные катаклизмы»

В анализируемой тематической группе «Природные катаклизмы» доминирует четвертый тип изменчивости формул – «Тип Г». Этот тип характеризуется потерей культурного нексуса с сохранением предиката – носителя формулы.

Данная тематическая группа включает в себя следующие формульные и клишированные выражения. Клише, содержащие информацию касательно аномального изменения Солнца. Так, записи, датируемые 538, 540, 664, 733 гг. описывают затмение Солнца. В их основе лежит клише «**Her sunne aþiestrode**» («Здесь солнце померкло») ^{3.6.1.}. Примечательно, что записи, содержащие формулы и клишированные выражения, имеют тенденцию нарастания фактов. Заметим, что краткие записи, входящие в этот формульный комплекс, сохраняют цельность клишированного выражения,

однако характеризуются тематической детализацией, увеличивающейся по мере возрастания летоисчисления. Так, запись за 538 г. повествует о следующем: «*Her sunne aþiastrode .xiiii. dagum ær kalendas Martii from ærmergenne of undern*» («Здесь за четырнадцать дней до первого дня марта, *солнце померкло* с раннего утра и до девяти часов до полудня»). По прошествии двух лет события дополняются сведениями о звездах: 540 «*Her sunne aþiastrode on .xii. kalendas Iulius, 7 steorran hie oðiewdon fulneah healfe tid ofer undern*» («Здесь *солнце померкло* на двенадцатые календы июля и они, звезды, показались почти в полном виде в полчаса после девяти»). Далее, в 664 г. в записи нет упоминания о времени солнечного затмения и появлении звезд, однако вводится информация касательно эпидемии чумы: «*Her sunne aþiastrode <...> þu ilcan geare wæs micel mancuealm*» («Здесь *солнце померкло* <...> и в тот же год была сильная эпидемия чумы»). А надпись за 733 г. лишена какой-либо дополнительной информации: «*Her <...> sunne aðestode <...>*» («Здесь *солнце померкло*»)^{3.6.1.} Таким образом, в контексте данной формулы обнаруживаются тематические ряды с нарастающей (восходящей) по временным отрезкам детализацией (538, 540, 664 гг.) и с нисходящей детализацией (733 г.).

Рассмотрим формулы, содержащиеся в записях, датируемых 795, 800, 806, 827 гг., и повествующих об аномальных событиях, связанных с затмением Луны. В их основе лежит клише «**Her wæs se mona aþyströd**» («Здесь **луна померкла**»)^{3.6.2.} В данных формульных компонентах наблюдаются тематические ряды с линейной (однородной), нисходящей и восходящей детализацией. А именно записи от 795 и 800 гг. повествуют о затмении Луны в определенное время и в определенный день (линейная или однородная детализация); запись от 806 г. имеет в своей основе только лишь упоминание на какие конкретные календы померкла Луна (нисходящая детализация по отношению к более ранним записям); запись же от 827 г. указывает, что Луна померкла во время вечерней мессы в определенный период солнцестояния (восходящая детализация по отношению к более

ранним записям). Приведем примеры: 795 «Her wæs se mona aþystrad betwux hancræde 7 dagunge on .v. Kalendas Aprilis <...>» («Здесь луна померкла между кукареканьем петухов и рассветом на пятые календы апреля <...>»); 800 «Her wæs se mona aþystrad on þære oðre tid on niht on .xvii. Kalendas Februarii <...>» («Здесь луна померкла на 17-е календы февраля, на втором часу ночи <...>»); 806 «Her se mona aþystrode on Kalendas Septembris <...>» («Здесь луна померкла на календы сентября <...>»); 827 «Her mona aþystrode on middes wintres mæsseniht <...>» («Здесь луна померкла в вечернюю мессу в период зимнего солнцестояния <...>»).

В рамках нашего исследования выделен четвертый тип трансформации формул и клише – «тип Г», означающий потерю культурного нексуса, но сохранение формулы, обозначающей разные явления в рамках одной культурной темы. Клишированные выражения данного типа: «**Her sunne aþiestrode**» («Здесь солнце померкло»)^{3.6.1.} и «**Her se mona aðistrode**» («Здесь луна померкла»)^{3.6.2.} Эти клише мы относим к бинарным регистрам, поскольку клише видоизменяется на двух уровнях: первый уровень – солнце померкло, второй уровень – луна померкла.

Рассмотрим формульные единства, содержащие информацию о **страшных (сильных) голодных годах**. Формула (это формула, поскольку она встречается также и в поэтическом тексте за 975 г.) «**Her on þys gearе (wæs) se (miccla) hungor**» («Здесь в этом году (был) (страшный (сильный)) голод»)^{3.6.3.} встречается в надписях за 46, 975, 976 и 1005 гг.. Эти формульные единства можно рассмотреть с точки зрения восходящей, нисходящей и линейной (однородной) детализации. А именно, запись от 46 г. указывает на голод в Сирии, описанный в книге «Actus Apostolorum» (нарастающая (восходящая) детализация по отношению к более ранним записям); в записи от 975 г. упоминается лишь факт того, что в следующем году был голод (нисходящая детализация по отношению к более ранним записям); в записях от 976 и 1005 гг. свидетельствуется голод среди английской нации (линейная (однородная) детализация). Приведем краткие

древнеанглийские записи, построенные согласно данной формуле: 46 «Her <...> 7 on þys ylcan geare gewearð se mycela hunger on Siria þe Lucas recð on þare boc Actus Apostolorum» («Здесь <...> и в этом же году был сильный голод в Сирии, о котором говорит Лука в книге "Actus Apostolorum"»); 975 «Her <...> 7 com þa on ðam æftran geare swyðe mycel hungor <...>» («Здесь <...> и пришел в следующем году страшный (сильный) голод <...>»); 976 «Her on þys geare wæs se miccla hungor on Angelcynne» («Здесь в этом году был страшный (сильный) голод среди английской нации»), и запись за 1005 г. «Her on þissum geare wæs se micla hungor geond Angelcyn <...>» («Здесь в этом году был страшный (сильный) голод среди английской нации»).

Приведем клишированные единства, содержащие записи (1048, 1060, 1089, 1117, 1119, 1122 гг.), относительно землетрясения и строящиеся согласно клише «(Her on þisum geare) wæs mycel eorðbifung ofer / on («(Здесь в этом году) было сильное (страшное) землетрясение»)^{3,6.4}. В данных формульных компонентах мы находим следующие тематические ряды: ряды с линейной (однородной) детализацией: так, в записи от 1048 г. («Her on þisum geare wæs mycel eorðstyrung wide on Englalande <...>» («Здесь в этом году было сильное (страшное) землетрясение по всей Англии <...>»)) указывается на факт землетрясения на всей территории Англии, а в записи от 1060 г. («On þisan gere wæs micel eorðdyne on Translatione Sancti Martini <...>» («Здесь в этом году было сильное (страшное) землетрясение (из перевода Святого Мартина) <...> »)) – на факт землетрясения из перевода Святого Мартина, в записях нет большей детализации. Ряды с восходящей детализацией: причем детализация нарастает по мере пройденных лет, т. е., в записи от 1117 г. можно обнаружить больше детальной информации, чем в записи от 1089 г. Так, в записи за 1089 г. фиксируется, где и когда было землетрясение, указывается, что год был неурожайным, поэтому люди собирали урожай примерно на День Святого Мартина или даже позже. В 1117 г. также констатируется, что год был неурожайным (но уже по причине дождей), описывается место и дата землетрясения, а также ущерб, который

был им нанесен. Ряды с нисходящей детализацией: в записи за 1119 г. уже нет того нарастания информации, которое встречалось в ранних записях. Здесь фиксируется лишь, когда и где было землетрясение: 1089 «On þysem gearе <...> Swilce eac gewarð ofer eall Engleland *mycel eorðstyrunge*. on þone dæg *iii IDus Augustus*. 7 wæs swiðe lætsum gear on corne. 7 on ælces cynnes wæstmum. swa þæt manig men ræpon heora corn onbutan Martines mæssan. 7 gyt lator» («В этом году <...> также случилось по всей Англии *сильное (страшное) землетрясение* на третьи иды Августа; и это был не очень урожайный год для хлебной культуры и всех сортов фруктов. Таким образом, многие люди собирали урожай хлебной культуры и фруктов примерно на День Святого Мартина или даже позже»); 1117 «Eall þis gear <...> And on *Octabus sancti Johannis Evangelæ* wæs seo *mycele eorðbyfung* on Lumbardige. for hwan manega mynstras 7 turas. 7 huses gefeollon. 7 mycelne hearm on mannan gedydon. Ðis wæs swyðe byrstful gear on corne. þurh þa renas þe forneh ealles geares ne geswicon <...>» («Все в тот год <...> и на восьмой день после праздника Святого Иоанна Евангелиста *было сильное (страшное) землетрясение* в Ломбардии; в результате которого многие кафедральные соборы, административные центры районов и дома разрушились; и это причинило много вреда людям. Это был очень губительный год для хлебной культуры по причине дождей, которые не прекращались почти весь год <...>»); 1119 «Ðis gear <...> On sancte Michaelles mæsseæfen wæs *mycel eorðbifung* on suman steodan her on lande. þeah swyðost on Glowecceastrescire. 7 on Wigreceastrescire <...>» («Тот год <...> на канун Дня Архангела Михаила *было сильное (страшное) землетрясение* в некоторых частях страны, особенно в Глостершере и в Вустершире <...>»). Ряды с восходящей детализацией: в записи от 1122 г. обнаруживается нарастание информации, т. е. указывается, где и когда было землетрясение, также здесь присутствует клише «(swiðe) *mycel wind(as) on...*» («**очень сильный ветер в...**»^{3.6.5.}), которое относится к другому формульному комплексу: 1122 «On þis gearе <...> 7 þes niht *viii kalendæ Augusti* wæs swiðe micel eorðdyne ofer eal

Sumersetescire 7 on Gleawecestrescire. Siððon on þæs dæi *vi idus Septembris* þet wæs on sancte Mariæ messedæi. þa wearð swiðe mycel wind fram þa undern dæies to þa swarte nihte <...>» («В тот год <...> И ночью на 13-е календы Августа было сильное землетрясение по всему Сомерсетширу и Глостершеру. После этого на 6-е иды сентября, которые были на день мессы Святой Марии, был очень сильный ветер с утра и до темной ночи <...>»).

Стоит также отметить, что в следующих записях датировка событий привязывается к христианском праздникам, в данном случае имена собственные выступают в качестве ориентира во времени: 1089 г. («Martines mæssan» («День Святого Мартина»); 1117 г. «on *Octabus sancti Johannis Evangelæ*» («на восьмой день после праздника Святого Иоанна евангелиста»); 1119 г. «on sancte Michaelles mæsseæfen» («на канун Дня Архангела Михаила»); 1122 г. «on sancte Mariæ messedæi» («на день мессы Святой Марии»).

Древнеанглийские записи имеют в своей основе клишированные единства, содержащие информацию касательно сильных ветров (1039, 1114 и 1122 гг.) «(swiðe) mycel wind(as) on...» («очень сильный ветер в...»)^{3.6.5.}. В этих формульных / клишированных компонентах можно обнаружить тематические ряды с восходящей детализацией по сравнению с более ранними записями (контексты расширяются за счет дополнительной информации). Запись от 1039 г. констатирует лишь факт того, что в этом году был сильный ветер; в записи за 1114 г. уже указывается, в какое время года был сильный ветер; запись 1122 г. повествует о том, в какой день недели и когда именно был ветер, а также о том, какие были последствия. Обратимся к записям: 1039 «*Her com se mycla wind <...>*» («Здесь был (случился) сильный ветер <...>»); 1114 «*On þison geare <...> Þises geares wæron swiðe mycele windas on Octobris monðe <...>*» («В этих годах <...> В этом году, в октябре месяце, были очень сильные ветра»); 1122 «*On þis geare <...> 7 þæræfter þe Tywesdæi æfter Palmes Sunendæi wæs swiðe micel wind on þæt dæi xi kalendæ Aprilis . Þæræfter comen feale tacne widehwear on Engaland 7 feole dwild wearen*

geseogen 7 geheord <...>» («Здесь в этот год <...> и после этого во вторник, после Вербного Воскресенья *был очень сильный ветер* на 11-е календы апреля. Впоследствии много знаков появилось по всей Англии, и много предзнаменований было увидено и услышано <...>»).

В вышеприведенных записях мы отмечаем потерю культурного нексуса в рамках одной формулы, обозначающей разные явления с сохранением неизменного предиката – «тип Г»: «(Her on þisum geare) wæs mycel eorðbifung ofer / on» («(Здесь в этом году) было сильное (страшное) землетрясение»)^{3.6.4}; «Her on þys geare (wæs) se (miccla) hungor» («Здесь в этом году (был) (страшный (сильный)) голод»)^{3.6.3}; «(swiðe) mycel wind(as) on...» («Очень сильный ветер в...»)^{3.6.5}. Следовательно, в этих формульных и клишированных единствах мы обнаруживаем тернарные регистры: землетрясение, голод и ветер.

Клишированные единства включают в себя записи, повествующие о **пожарах**. Информация об этих событиях передается в клишированном выражении «forbearn se burch on (of)...» («был сожжен город в...»)^{3.6.6}. Заметим, что предложения (за 1122 и 1123 гг.), заключающие в себе данную информацию, заканчиваются точной датой на латинском языке. В обеих записях фиксируется информация о сожжении городов и о дальнейших последствиях, однако в записи за 1122 г. помимо вышеприведенной формулы встречается еще и клише «(swiðe) mycel wind(as) on...» («очень сильный ветер в...»)^{3.6.5}. Приведем данные записи: 1122 «On þis geare <...> 7 on þone lententyde þær toforen *forbearn se burch on Gleaweceastre*. Þa hwile þe þa munecas sungen þære messe. 7 se dæcne hafde ongunnan þone godspel *Præteriens Ihesu*. þa com se fir on ufenweard þone stepel. 7 forbearnde ealle þe minstre. 7 ealle þa gersumes þe þær binnen wæron for uton feawe bec. 7 .iii. messehakeles. þet wes þes dæies *viii idus Martii*. 7 þæræfter þe Tywesdæi æfter Palmes Sunendæi wæs swiðe micel wind on þæt dæi *xi kalendæ Aprilis* <...>» («В тот год <...> на Четырдесятницу *город* Глостер *был сожжён*, в это время монахи пели на литургии, и дьякон начал Евангелие "Præteriens Jesus", как огонь

начал сходить с верхней части колокольни и полностью сжег всю монастырскую церковь и все богатства, которые были там, за исключением нескольких книг и три одеяния для литургии. Это было на восьмые иды марта. И после этого во вторник, после Вербного Воскресенья *был очень сильный ветер на 11-е календы апреля* <...>); 1123 «On þysum geare <...> Des ylce geares ær se biscop of Lincolne com to his biscoprice *forbearn eall meast se burh of Lincolne. 7 micel ungerime folces wæpmen 7 wimmen forburnen. 7 swa mycel hearm þær wæs gedon swa nan man hit cuðe ofer secgen. þet wæs þes dæges xiiii kalendæ Iunii*» («В этом году <...> В этом же году перед тем, как епископ Линкольна пришел в епархию, почти весь *город Линкольн был сожжен*, и несчетное количество людей было уничтожено, мужчины и женщины; и так много вреда там совершилось, что никто не мог знать или рассказать об этом. *И это было на 14-е календы июня*»).

Следующие клишированные единства, отражающие смену века, заключают в себе простое клишированное выражение «**hund gæra**» («**сотый год**»)^{3.6.7.}. Встречается данное клише в «Англосаксонских хрониках» лишь дважды: в 200 и 300 гг. В данном формульном компоненте имеется лишь тематический ряд с линейной (однородной) детализацией. Приведем примеры: «Twa hund gæra» («200 год») и «Preo hund gæra» («300 год»). В этих примерах мы отмечаем изменчивость формулы по «**типу В**», т. е. образование инновационных формул на базе архаической синтагмы. Однако такой тип изменчивости является маргинальным в рассматриваемой тематической группе.

3.7. Коммуникативное расширение библейских формул и их передача в традиции

Переход от «коммуникации» к «передаче» знаменует собой смену хронологической шкалы, от сиюминутного к вечному, а это, в свою очередь, может привести к преобразованиям посылаемого сообщения. Так, выражения

из Библии, употребляемые носителями английского языка, оформляются двояко: во-первых, как прямые цитирования из Библии; во-вторых, как адаптированные формульные единства. Разница между адаптацией и цитированием заключается в том, что при прямом цитировании референционный план остается неизменным, тогда как при адаптации происходят различные изменения, классифицированные нами на четыре типа мутаций («А», «Б», «В», «Г»).

В Оксфордском словаре имеется большое количество примеров цитат, взятых из Библии. Например, референционный план текста из Книги пророка Исаии *Isaiah ch. 29, v. 9* «They are drunken, but not with wine» («Они пьяны, но не от вина») при употреблении не изменяется. Наблюдается также сохранность и неизменность референционного плана текстов молитв, например, «Pater noster», которая передается из поколения в поколение и является старейшей из ныне известных: *St Matthew ch. 6, v. 9. See St Luke ch. 11, v. 2* «After this manner therefore pray ye: Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven. Give us this day our daily bread. And forgive us our debts, as we forgive our debtors. And lead us not into temptation, but deliver us from evil: For thine is the kingdom, and the power, and the glory, for ever. Amen».

Отличие адаптации библейской формулы от цитирования заключается в смене референционного плана высказывания. Например, изначально цитата *Matthew 5:14* «Ye are the light of the world» («Вы – свет мира») является, по определению Д. Кристалла, заученной цитатой «a learned quotation» [Crystal 2010:79]. При адаптации этого высказывания происходит изменение в его референции. Так, например, известна картина Париса Бордона «Christ as the Light of the world» («Христос – Свет мира») (ок. 1550). На базе этого выражения, создается формула, в которой Христос предстает как референт. Возникшая формула функционирует уже отдельно от цитаты в качестве адаптации. В дальнейшем, в употреблении формулы, под «Светом мира» понимается не только Христос, но также христианские мученики, святые и т.

д. Формы изменчивости адаптированных единиц связаны с четырьмя типами, описанными нами ранее (типы «А», «Б», «В», «Г»).

Дэвид Кристал в работе «*Begat the king James Bible and the English language*» [Crystal 2010] проанализировал адаптацию библейских выражений в современном английском языке и культуре. Автор приводит 257 формул. Мы же предприняли попытку классификации адаптированных формул с учетом четырех возможных типов трансформаций. Кроме того, для анализа нами также использовались Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC) и Корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA).

3.7.1. «Тип А». Одна формула – два или несколько смыслов.

Идиоматизация

«Тип А» представляет собой адаптацию, при которой выражение сохраняет свои формальные признаки, но меняется содержательно. Так произошло с библейским выражением «**Land of Nod**» («**Земля Нод**»)^{3.A.1.}: «*And Cain went out from the presence of the LORD, and dwelt in the land of Nod, on the east of Eden*» (Gen. 4:16) («И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема»). В рамках этого типа референционный план изменяется и наступает идиоматизация. Однако появлению идиомы «**the land of Nod**» («**страна сна**»)^{3.A.1.} способствовало формальное сходство лексем «Nod» («Нод») и «nod» («кивок»). Шаг от библейской формулы «страна Нод» к идиоматическому обороту «страна сна» проходит благодаря семантическому сдвигу в значении «nod» – «кивок головы» > «сон». Этому могло способствовать ассоциативное ощущение – передача усталости или дремоты с помощью кивка головы. Первое употребление этой формулы в таком значении, как отмечено в Oxford English Dictionary, восходит к 1738 г. Именно тогда был создан диалог Джонатана Свифта, известный под именем «Вежливый разговор Свифта» («Swift's Polite

Conversation») (см.: [Crystal 2010: 32]). На самой последней странице, на которой описывается, что вечеринка подходит к концу, героиня леди Ансвералл говорит: «Время для честного народа идти спать» и полковник Атвит отвечает: «I'am going to the Land of Nod». («Я собираюсь в страну сна») (см.: [Проскурин, Проскурина 2014б]).

Рассматриваемое выражение также является сленговым для обозначения состояния опьянения, в том числе, и наркотического: «Not surprisingly, the less time Tristin spends in the land of nod, the crankier and more irritable he is» [Corpus of Contemporary American English (COCA), electronic resource] («Неудивительно, что чем меньше времени Тристин проводит в состоянии опьянения, тем сильнее он раздражен и невыносим»); «Drinking is a time-honored method for scudding off into the Land of Nod, and one that I have found eminently successful» («Пьянки – это проверенный временем способ захмелеть, и тот, который я нахожу чрезмерно эффективным»).

Итак, библейское выражение меняет свою коммуникативную задачу: оно больше не служит цели передачи содержания выражения Ветхого Завета, а адаптируется для других коммуникативных целей, по типу «одна формула – два и более смыслов».

Во всех переводах Библии XVI–XVII вв. на английский язык, включая Библию короля Якова, а также в религиозной литературе той эпохи присутствует выражение «**Flesh and blood**»^{3.A.2.} («Плоть и кровь»): «And Jesus answered and said unto him, Blessed art thou, Simon Barjona: for flesh and blood hath not revealed it unto thee, but my Father which is in heaven» (Matthew 16:17) («Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах»). Далее значение библейского выражения «плоть и кровь» видоизменяется, оно приобретает метафорический смысл «человеческие слабости». Так, в произведении «Юлий Цезарь» У. Шекспира это выражение используется именно в данном контекстном значении:

«So in the world, –'tis furnish well with men,

And men are flesh and blood, and apprehensive » [Shakespeare 2007: 66–67].

«И то же – в мире: он кишит людьми,

А люди – это плоть, и кровь, и разум» (пер. И.Б.Мандельштама).

Однако идиоматика данного выражения формируется вокруг значения «близкие родственники» («they're my own flesh and blood») [Crystal 2010: 146]. «2011 SPOK CNN_Velez my husband? How can my daughter do this to the man who is her flesh and blood? Her papa? ASHTON: There was no outrage from Cindy» [Corpus of Contemporary American English (COCA), electronic resource] («Мой муж Велез? Как моя дочь может делать это по отношению к этому мужчине, кто является ее плотью и кровью? Ее папочка? \Эштон: не было никакого акта насилия со стороны Синди»).

Итак, рассматриваемое библейское выражение отходит от своего первоначального смысла и становится формулой, изменяющейся по «типу А»: «одна формула – два и более смыслов».

Изначальное значение выражение «**flesh pots**»^{3.А.3.} – «**котлы для варки мяса**»: «And the children of Israel said unto them, Would to God we had died by the hand of the LORD in the land of Egypt, when we sat by the flesh pots, and when we did eat bread to the full; for ye have brought us forth into this wilderness, to kill this whole assembly with hunger» (Exodus 16:3) («И сказали им сыны Израилевы: о, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом»). Затем, с XVI в. идиоматика выражения «flesh pots» формируется вокруг значения «какие-либо дорогостоящие вещи, вызывающие зависть, особенно те, которые удовлетворяют плотские грехи». В настоящее время это выражение используется также в значении «злчные места каких-либо городов или улиц» [Crystal 2010: 56]: «See what the low taverns and fleshpots of the town have wrought upon a young lad too simple to withstand» [Corpus of Contemporary American English (COCA), electronic resource] («Посмотри, что сделали

дешевые кабаки и злачные места города с юнцом, который слишком прост, чтобы сопротивляться»).

Таким образом, в библейском выражении «flesh pots»^{3.A.3.} меняется коммуникативная задача, а само выражение адаптируется по типу «одна формула – два и более смыслов».

Другое библейское выражение, адаптированное по «типу А» – «**firstfruits**»^{3.A.4.}. В Библии короля Якова оно употребляется свыше тридцати раз. Его первоначальным значением было описание плодов, произрастающих из почвы: «And the feast of harvest, the firstfruits of thy labours, which thou hast sown in the field: and the feast of ingathering, which is in the end of the year, when thou hast gathered in thy labours out of the field» (Exodus 23:16) («Наблюдай и праздник жатвы первых плодов труда твоего, какие ты сеял на поле, и праздник собирания плодов в конце года, когда уберешь с поля работу твою»). Но к началу XVII в. произошла метафоризация этого выражения, тем самым добавилось переносное значение, не имеющее отношение к еде – «первые плоды (успехи) какой-либо деятельности» [Crystal 2010: 58]. Например, «IBM also announced first fruits of other Hollywood alliance, adding integrated digital video and audio input-output and factor Moving Pictures Experts Group digital video and audio compression to the Power Visualisation System» [[bnc] British National Corpus, electronic resource]. («IBM также объявила о первых успехах другого голливудского альянса, которой добавил, интегрированные цифровые видео- и аудиовход и выход, а также фактор цифрового видео экспертной группы кино- и аудиокомпрессию к системе визуализации (PVS)»).

В трех выше представленных примерах («Flesh and blood»^{3.A.2.}; «flesh pots»^{3.A.3.}; «firstfruits»^{3.A.4.}) присутствуют две линии развития выражений по «типу А»: идиоматизация и метафоризация. В библеизме «flesh and blood»^{3.A.2.} отмечается и метафоризация, когда выражение передает значение «человеческие слабости», и идиоматизация, когда выражение передает значение «близкие родственники», тогда как в выражении «flesh pots»^{3.A.3.}

(«котлы для варки мяса») отмечается лишь идиоматизация («какие-либо дорогостоящие вещи, вызывающие зависть (особенно те, которые удовлетворяют плотские грехи)», «злачные места каких-либо городов или улиц»). В библеизме «firstfruits»^{3.A.4.} происходит также изменение референционного плана значения, приводящее к метафоризации, т. е. добавляется переносное значение, не имеющее отношение к еде – «первые плоды (успехи) какой-либо деятельности».

Вообще, «типу А» свойственно наличие повторов текста. Текст повторяется формально, и формула является остатком того самого первого слова, которое подвергается трансформации. В результате «тип А» имеет две формы: архаическую, в старом значении, и инновационную, в новом. Однако инновационность никак не подкрепляется формально. Иными словами, «тип А» представляет собой сообщение, которое утрачивает цитируемость, или неизменный референционный план. Так, формула «Land of Nod» («Земля Нод») ^{3.A.1.} меняется на «страну сна». Таким образом, «тип А» предвосхищает «тип В» с архаическими и инновационными слоями, но в «типе В» принципиальное отличие заключается в том, что инновационный слой обособлен от архаического формально. Итак, «тип А» включает в себя «тип В» концептуально. Можно перефразировать знаменитое определение А. Гаррода (см.: [Ридли: 2015]) о том, что «ген – это пропись приготовления одного химического соединения». Текстовый аналог гена – «тип А» – это тоже пропись приготовления адаптированного выражения. В Библии короля Якова имеется еще одно выражение, которое претерпевает адаптацию, – это выражение «bear cross»^{3.A.5.} («нести крест»).

С течением времени значение библеизма «bear cross»^{3.A.5.} изменилось за счет изменения референционного плана, т. е. оно стало пониматься не только в прямом значении для верующих как «испытания, посланные Богом», но и в переносном смысле – «обычные испытания, необязательно посланные Богом». Библейское значение связано с кем-то, кто несет свой крест во имя Господа: «And as they came out, they found a man of Cyrene, Simon by name:

him they compelled to bear his cross» (Matthew 27:32) («Выходя, они встретили одного киринеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его»). Это выражение даже сейчас не утрачивает своего изначального значения. Например, жизненные трудности (инвалидность, потеря близких и т. п.) рассматриваются как испытания, которые человек должен преодолеть со смирением, очищая при этом свою душу и готовя себя к встрече с Богом.

Идиоматика выражения «bear cross»^{3.A.5.}, как отмечалось ранее, формируется вокруг значения, не имеющего ничего общего с Библией. Так, Д. Кристал приводит пример: «Air-conditioning: our cross to bear» [Crystal 2010: 227] («Кондиционирование – наш крест») заголовок новостного репортажа о влиянии кондиционеров на окружающую среду.

Отметим, что далее происходит развитие идиомы по линии порождения новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой («тип В»). Так, отмечается морфологическая модификация: именной компонент («cross») употребляется во множественном числе: «Ah, well, we all have our crosses to bear – Mrs Livesey more than most, I expect» («Ну, у всех нас есть наши кресты, которые надо нести, – и, надо полагать, у миссис Лайвси их больше, чем у остальных») [ANL; Fict_prose; BNC], а также наблюдается топиализация: «"Poor Dicky", she sighed. "What a cross he has to bear". "Some people like being burdened", said Stella. "It gives them an interest"» («Бедный Дикки, – вздохнула она, – Какой же крест ему приходится нести. – Некоторые любят, когда их нагружают, – ответила Стелла, – Это дает им интерес»). [FNU; W_fict_prose; BNC] (см.: [Дронов 2015]).

Поскольку инновационный слой формулы «to bear cross»^{3.A.5.} содержит окончание *s*, то идиома приобретает инновационное значение по «типу В» (об этом далее).

3.7.2. «Тип Б». Лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры. Синонимизация

Ю.С. Степанов в предисловии к книге Эмиля Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов» отметил одно явление, значение которого важно для определения «типа Б» в нашем исследовании. Сущность его заключается в следующем: слова, образованные от разных корней, приходят к выражению одного и того же смысла. Например, в германской культуре серединой мира предстает мировое дерево. Следовательно, понятия «дерево» и «середина» ассоциированы, и слова, обозначающие эти понятия, будут соотноситься друг с другом. Это и есть явление синонимизации. Данный удачный термин, как далее отмечает Ю.С. Степанов, был предложен С.Г. Проскуриным в его диссертации (см.: [Проскурин 1990а: 36–41]) [Степанов 1995: 17].

«Тип Б» представляет собой лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры. Этот вариант адаптации библейских формул встречается в многовариантных переводах библейского текста на английский язык. Известно, что Библия считается самой читаемой книгой в мире. Переводу Библии на тысячи языков способствовала активная деятельность национальных библейских сообществ. Именно английским переводам отводится ведущая роль в переводе Библии на современные языки, поскольку английский язык является международным языком. Это связано еще и с тем, что на острове Британия появились первые библейские переводческие традиции. Английские переводы систематизированы и описаны лучше других. За всю библейскую переводческую традицию насчитываются более двадцати переводов: начиная с Библии Джона Уиклиффа (Wycliffe) (1320–1384) и заканчивая The Holman Christian Standard Bible (HCSB) (2003). Однако именно Библия короля Якова (King James Version, KJV) (1611) – эталон Библии на английском языке за счет качества и красоты перевода. Отмечается, что данный перевод повлиял

на становление английского языка как такового и на традицию религии в целом [Яковенко 2005: 11–16].

«Тип Б» встречается при наличии разных версий перевода. Так, библейское выражение «And God said, **Let there be light**^{3.Б.1}: and there was light» (Genesis 1:3) («И сказал Бог: да будет свет. И стал свет») в версии перевода Библии Дуэ-Реймс (1582–1610) (Douay–Rheims Bible) звучит как «And God said: Be light made. And light was made»; а в «Буквальном переводе Янга» (Young’s Literal Translation) (1863) как «and God saith, 'Let light be;' and light is». Итак, лексическая замена представляет собой замещение одного предиката другим при сохранении нексуса. В данном случае происходит лексическая замена предиката «let there be» на «was made; let be».

Интересна синонимизация библейского выражения «bread alone» («хлебом одним»): «But he answered and said, It is written, Man shall not live by bread alone, but by every word that proceedeth out of the mouth of God» (Matthew 4:4) («Он же сказал ему в ответ: написано: "не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих"»). В переводах Библии на английский язык это выражение переводится как «bread alone», однако в Библии Уильяма Тиндейла (Tyndale) (1494?–1536), в «Библии Епископов» (The Bishop’s Bible) (1568) и в «Женевской Библии» (The Geneva Version) (1560) оно переводится как «bread only» [Crystal 2010: 72]. Слова «alone» и «only» образованы от разных корней, однако приходят к выражению одного и того же смысла.

Ветхозаветное выражение «**be fruitful and multiply**» («плодитесь и размножайтесь»)^{3.Б.2} также адаптировалось в английском языке по второму типу. «And you, be ye fruitful, and multiply; bring forth abundantly in the earth, and multiply therein» (Genesis 9:7) («Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней»). Адаптация этого выражения протекает по линии синонимизации. Так, допускается лексическая замена предиката «multiply» на «add», «subtract», «divide», «replenish», «replicate» etc. Например, «be fruitful and replenish the earth»

(«плодитесь и вновь наполняйтесь») (об увеличении биоразнообразия); «be fruitful and replicate» («плодитесь и реплицируйтесь») (о развитии физиологии растений) (см.: [Crystal 2010: 21]).

Примечательно, что выражение «**manna from heaven**» («манна небесная») ^{3.Б.3.} как таковое не встречается в Библии. Оно представляет собой синонимизацию библеизма «bread from heaven» («хлеб с неба»). «Then Jesus said unto them, Verily, verily, I say unto you, Moses gave you not that bread from heaven; but my Father giveth you the true bread from heaven» (John 6:32) («Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес»). «Манной» в Ветхом завете называется пища, посланная с небес Моисею и его соплеменникам: «And the manna was as coriander seed, and the colour thereof as the colour of bdellium» (Numbers 11:7) («Манна же была подобна кориандровому семени, видом как бдолах»). Следовательно, понятия «хлеб с неба» и «манна» ассоциированы и выражают один и тот же смысл. В современном английском языке чаще употребительна небиблейская формула «manna from heaven» («манна небесная») вместо библейской «bread from heaven» («хлеб с неба»).

Таким образом, второй вариант адаптирования библейских выражений связан с лексической заменой ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структурой – синонимизацией. «Тип Б» используется в многовариантных переводах Библии на английский язык, а также в развитии адаптации выражений в современном языке. Примером второго явления служит адаптация выражения «be fruitful and multiply» («плодитесь и размножайтесь») ^{3.Б.2.}, описанная нами ранее. По сравнению с выражениями «Англосаксонских хроник», адаптированных по «типу Б», библеизмы не базируются на эвфемизации, приводящей к лексическим заменам ключевого слова.

3.7.3. «Тип В». Порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам

Как показал наш анализ Библии и «Англосаксонских хроник», выражения чаще адаптируются по третьему типу, по «типу В». Это связано с тем, что адаптированные выражения служат фоном для появления инновационных оборотов. Так, в Библии насчитывается свыше двухсот примеров использования слова «**begat**» («(по)родил»)^{3.В.1.}: «And Jacob begat Joseph the husband of Mary, of whom was born Jesus, who is called Christ» (Matthew 1:16) («Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос»). В современном английском языке данное слово часто используется в первоначальном варианте, даже минуя правила грамматики. «Nathan Zuckerman is a persona's persona: Roth begat Peter Tarnopol – who begat Nathan Zuckerman – in the novel of 1974, *My Life as a Man*» [<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>] («Натан Цукерман является персоной персон: Рот породил Питера Тарнопола, того, кто породил Натана Цукермана в романе "Моя мужская правда" 1974 г.»). Вдобавок, формула «**begat**» («(по)родил»)^{3.В.1.} начала применяться по отношению не только к людям, но и неодушевленным предметам. Например, в значении выпуска новых марок автомобилей: «Mini begat Mini, begat new Mini; Will the wave begat the tsunami?» («Mini породило Mini, породило новое Mini; Породит ли волна цунами?») [Crystal 2010: 43–44].

Библеизм «**behold the man**» («се, **Человек**»)^{3.В.2.} является архаической формулой, по отношению к которой образуются инновационные модели. «Then came Jesus forth, wearing the crown of thorns, and the purple robe. And Pilate saith unto them, Behold the man!» (John 19:5) («Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянце. И сказал им Пилат: се, Человек!»). В настоящее время данная формула употребляется в контексте указания на что-то особенное, например, «Behold the power of Twitter; Behold the iPhone» [Crystal 2010: 178] («Се, мощь Твиттера; се, Айфон»).

Библейское выражение «**two are better than one**» («**двоим лучше, нежели одному**»)^{3.В.3.} также подверглось адаптации по третьему типу. «Two are better than one; because they have a good reward for their labour» (Ecclesiastes 4:9) («Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их»). Современный, наиболее употребляемый «вариант» данной формулы: «two heads are better than one» («две головы лучше, чем одна»). «This dual approach often works, proving that two heads are better than one» [[bnc] British National Corpus, electronic resource] («Этот двойственный подход часто работает, доказывая, что две головы лучше, нежели одна»).

Д. Кристал приводит следующие вариации этой формулы в современном английском языке: «Two heads are better than none; several thousand heads are better than one» [Crystal 2010: 106-107] «Две головы лучше, чем ничего»; «несколько тысяч голов лучше, чем одна». Инновационные варианты этой формулы допускают лексические замены с изменением первоначальной семантической структурой. Так, «better» может заменяться на «cuter», «cooler»; «better than one» на «kittens», «browsers», «parents», «credit cards» etc. Однако существует перевертыш исходной формулы, «формула наоборот» – «two heads are worse than one» («две головы хуже, чем одна»).

Библеизм «**it is more blessed to give than to receive**» («**блаженнее давать, нежели принимать**»)^{3.В.4.} также адаптировался в современном английском языке по третьему типу. «I have shewed you all things, how that so labouring ye ought to support the weak, and to remember the words of the Lord Jesus, how he said, It is more blessed to give than to receive» (Acts 20:35) («Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: "Блаженнее давать, нежели принимать"»). Отмечаются следующие инновационные модели исходного выражения: «to give, rather than to receive» («давать лучше, чем получать»); «better to give than to receive» («лучше давать, чем получать»); «better to block than to receive» («лучше заморозить (заблокировать), чем получать»); «better

to give than pay estate taxes» («лучше дать, чем платить налоги на наследство») (см.: [Crystal 2010: 192]).

Адаптированная форма библеизма «**can the blind lead the blind?**» («**может ли слепой водить слепого?**»)^{3.B.5.} также служит фоном для появления инновационных выражений, возникающих по «типу В». «And he spake a parable unto them, Can the blind lead the blind? shall they not both fall into the ditch?» (Luke 6:39) («Сказал также им притчу: может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?»). Значение данной библейской формулы не изменилось с течением времени: «2000 FIC Atlantic Lenehan is saying parents should tell their children to be responsible. Talk about the blind leading the blind. Besides, only the gay boys and drug pushers get AIDS» [[bnc] British National Corpus, electronic resource] («2000 FIC Atlantic Lenehan сообщает: родителям следует говорить своим детям о том, что они должны быть ответственны. Вот пример того, как слепой ведет слепого. Кроме того, только геи и торговцы наркотиками заболевают СПИДом»). Однако мы можем заметить создание новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой: «if a blind man lead a blind man» («если слепой поведет слепого»); «the blind leading the clueless» («слепые ведут несведующих»); «the blind leading the banned» («слепые ведут недозволенных»); «the blind leading the blond» («слепые ведут блондинов»); «the blond leading the blind» («блондины ведут слепых») (см.: [Crystal 2010: 136–137]).

На базе исходного выражения «**from the womb to the grave**» («**из чрева во гроб**»)^{3.B.6.} также возникли инновационные модели. «I should have been as though I had not been; I should have been carried from the womb to the grave» (Job 10:19) («Пусть бы я, как небывший, из чрева перенесен был во гроб!»). Так, коммуникативным расширением этой формулы является замена ключевого слова «womb» («чрево») на «cradle» («колыбель») с изменением первоначальной семантической структуры. «2010 NEWS AssocPress his 3-year-old daughter, killed in a hit-and-run incident hours earlier. "From the cradle to the grave"» [Corpus of Contemporary American English (COCA), electronic

resource] («2010 NEWS AssocPress: его трехлетняя дочь час назад была сбита насмерть скрывшимся с места происшествия водителем. "Из колыбели в гроб"»); «Whenever a Christian community becomes a cocoon or Christian education becomes a well-insulated pipeline from the cradle to the grave, a special danger arises» [<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>] («Всякий раз, когда христианская община превращается в кокон или когда христианское учение становится обособленным каналом информации, вот тогда возникает сверхопасность»).

По отношению к формуле «**from the womb to the grave**» («из чрева во гроб»)^{3.B.6.} устанавливаются следующие инновационные выражения (см.: [Crystal 2010: 146]): «**from the womb to the tomb**» («из чрева в могилу»); «**from the cradle to the rave**» («из колыбели в рейв»); «**from the cradle to the cave**» («из колыбели в подземелье») etc.

Итак, третий тип адаптации библейский выражений предполагает порождение инновационных моделей по отношению к архаической формуле, например, «**behold the man**» («се, Человек»)^{3.B.2.}; «**from the womb to the grave**» («из чрева во гроб»)^{3.B.6.}.

3.7.4. «Тип Г». Описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом

Четвертый, замыкающий тип адаптаций, представляет собой описание разных феноменов в рамках одной темы. Примечательно, что в записях «Англосаксонских хроник», описывающих погодные условия, встречаются формульные / клишированные единства, адаптированные по «типу Г», тогда как в Библии этот тип почти не встречается. Однако в рамках инновационных моделей формулы «**begat**» («(по)родил»)^{3.B.1/3.Г.1.} («тип В») мы отмечаем пример замены явлений («тип Г»). Интересен контекст «Will the wave **begat** the tsunami?» («Породит ли волна *цунами*?»), поскольку представляет собой описание при помощи замены лексемы разных предметов

/ явлений. Следовательно, в данном случае на базе третьего типа адаптаций развивается четвертый тип.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

1. Благодаря анализу клишированных и формульных выражений, присутствующих в «Англосаксонских хрониках», стало очевидным, что в аспекте передачи информации с возрастанием летоисчисления детализируется и характер формульных и клишированных выражений, увеличивается объем записей. Формулы связаны с появлением инновационных описаний, для которых характерна большая детализация. Таким образом, происходит нарастание количества информации. Отмеченная нами тенденция свидетельствует о более общем направлении в передаче информационных моделей, в отличие от сиюминутных (коммуникативных) посланий.

2. Как показал наш формульный анализ, в древнеанглийской летописной традиции были приняты четыре типа изменчивости формульных и клишированных выражений. Нами установлено, что изменчивость во многом определяется тематической группой. Так, тематическая группа «Смерть» содержит много синонимичных выражений, эвфемизмов, которые замещают концепт «Смерть», т. е. они изменяются по «типу Б». Тематическая группа «Природные катаклизмы» характеризуются сменой явлений при постоянстве предикатов. Например, предикаты, которые сочетаются с разновидностью катаклизмов, эти выражения изменяются по «типу Г». Тематические группы «Власть» и «Сражения» характеризуются изменчивостью по «типу В», которая устанавливается по отношению к исходным формулам / клише. Так, для подгруппы «Власть духовенства» такой исходной формулой является «Her se ead¹ga Petrus se apostol gesæt bisepsetl» («Здесь блаженный Апостол Петр основал епископский престол»), а для подгруппы «Королевская

власть» – «Her *Sum.* (on) feng to rice» («Здесь *кто-то* наследовал королевство»). Помимо этого, встречаются осложненные типы изменчивости, которые отмечаются нами особо. Закономерно, что «тип А» – «одна формула, два смысла» в описанных тематических группах не представлен. Это связано с жанровой особенностью «Англосаксонских хроник».

3. Библейские выражения передаются в традиции двояко: в качестве прямого цитирования и как адаптированные формульные единства. В рамках прямого цитирования референционный план библейского выражения не меняется, тогда как при адаптации библеизм подвергается различным типам изменений: «тип А» – одна формула, два и более смыслов; «тип Б» – лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры; «тип В» – порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам; «тип Г» – описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом.

4. Цитируемость библейских выражений (например, молитва «Отче наш») и их передача во времени и пространстве связана с религиозной ценностью текста Библии, поскольку передача религиозного текста в диахроническом аспекте позволяет сохранять культурную и религиозную ценность.

5. Рассуждая о лингвокультурном трансфере Священного Писания, следует отметить, что коммуникация и передача в данном случае являются координируемыми, а не сопоставимыми регистрами. Так, библейские выражения, адаптированные по четырем типам и

распространенные благодаря коммуникативному расширению, направлены на актуальность использования библейской формулы в конкретный момент времени. Таким образом, передача библейских выражений представляет собой отношение к динамике коллективной памяти, особенно, если речь идет о прямом цитировании. Что касается адаптированных формул, то они в большей степени обращены на некий заданный момент времени, на актуальность послания, их использование варьируется в зависимости от конкретной ситуации.

6. Выделенные нами четыре типа мутаций коррелируют с типом изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами. В рамках формульного / клишированного анализа удалось установить, что такими типами являются «типы А, Б, В» и «тип Г». Четыре типа мутации соответствуют особым комбинациям четырех нуклеотидов, создающих, так называемые, триплеты. Триплеты из четырех исходных элементов – мутаций формируют аналоговую азбуку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании проанализирована важная смысловая дихотомия коммуникация–передача. Любой язык, древнеанглийский в частности, рассматривается сквозь призму коммуникации (перенос информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы) и передачи (перенос информации во времени и пространстве между различными временными сферами).

Коммуникация, реализуемая в синхронии, направлена на актуальность и скорость передаваемого сообщения, которое нацелено на современного получателя. Передача, по сравнению с коммуникацией, реализуется в диахронии, она направлена на вечность. Коммуникация, как и синхрония, является предшественницей передачи–диахронии, однако выявление четкого перехода от синхронии–коммуникации к диахронии–передаче может оказаться крайне затруднительным.

Анализ семиотических аспектов коммуникации и передачи на материале древнеанглийской поэмы «Видение Креста» («The Dream of the Rood») и монументальной надписи на Рутвельском кресте (The Ruthwell Cross) показал, что «коммуникация» нового образа, новой информации, осуществлялась через ее трансляцию в рамках уже известного образа. Крест как главный христианский символ сделан из дерева и идентифицируется с космическим мировым деревом, растущим прямо в небеса. Таким образом, поэма «Видение креста» и текстовый памятник на Рутвельском кресте представляют собой отражение перехода от языческой картины мира к христианской.

Семиотический аспект передачи информации заключается в жанре тул, являющемся древнегерманской поэтической традицией. Как показал наш анализ, в рукописях «Англосаксонских хроник» отмечается переход от тул к библейским генеалогиям, связанным с изменением и религиозного осознания и форм памяти древних германцев. Так, ранние тулы они обращали либо к

верховному богу Одину, либо к своим героям для восхваления предков. Более же поздние тулы древние германцы адресовали Христу. Стоит отметить, что сменяемость королей в древнеанглийский период также напоминает композицию тулы, поскольку правители именовались по принципу аллитерационной рифмы. Имена, приведенные в генеалогии англосаксонских королей, отличаются дифференциальным признаком, так как каждое королевство маркировано определенным начальным звуком и повтор однородных согласных и гласных коррелирует с этнонимами.

Тулы, представленные в «Англосаксонских хрониках», являются генеалогическими (в их основе лежит перечень имен, берущий начало от предка), а тулы из поэмы «Видсид» – управленческие или этноцентрические (заклучают в себе перечни имен правителей и их королевств).

Записи в «Англосаксонских хрониках» мы разделили, основываясь на общих формулах, клише и на тематике записей, на следующие тематические группы: 3.2. Власть; 3.3. Вера; 3.4. Сражения; 3.5. Смерть; 3.6. Природные катаклизмы. Данные группы распадаются на подгруппы в зависимости от использованной лексики, изменяющей структуру формул и клише, а также от типа мутаций: «тип А» – одна формула, два и более смыслов; «тип Б» – лексические замены ключевого термина с сохранением первоначальной семантической структуры; «тип В» – порождение новых сочетаний и оборотов с иной семантической структурой по отношению к установленным архаическим формулам; «тип Г» – описание с заменой лексемы в контексте формулы с одним и тем же предикатом.

Формульный / клишированный анализ показал, что формулы появились в целях коммуникации в устной культуре и закрепились в текстах в качестве средства передачи во времени и пространстве. Слово начинает обрастать связями с другими словами и образовывать контексты коммуникативного плана для цели устной коммуникации. Из четырех возможных типов трансформации в рамках микромотивов в «Англосаксонских хрониках» были найдены только три типа трансформации («типы Б, В, Г»), «тип А» в

рукописях не представлен. Не исключено, что «тип А» существует в самой традиции, однако для ее обнаружения необходимо тестировать формулы «Англосаксонских хроник» на базе других жанров.

Исследование показало, что библеизмы распадаются на две линии их использования: цитирование (сохранение референционного плана высказывания) и адаптация (потеря референционного плана). По сравнению с формулами / клише «Англосаксонских хроник» выражения из Библии адаптируются по всем четырем типам изменчивости, однако «тип Г» представлен слабо. Отметим также различия адаптированных выражений по «типу Б» в Хрониках и Библии: по сравнению с выражениями «Англосаксонских хроник», адаптированных по «типу Б», библеизмы не базируются на эвфемизации, приводящей к лексическим заменам ключевого слова.

Следовательно, в данном диссертационном исследовании были показаны формы изменчивости языка в синхронических (коммуникация) и диахронических (передача) масштабах времени. Благодаря лингвокультурному трансферу нами были выделены четыре типа изменений, с помощью которых происходят языковые трансформации.

Таким образом, (древне)английская традиция в аспекте формульных / клишированных выражений является интереснейшим полигоном для дальнейших исследований, а настоящее диссертационное исследование предполагает продолжение анализа данного феномена.

СЛОВАРЬ ФОРМУЛ / КЛИШЕ «АНГЛОСАКСОНСКИХ ХРОНИК»

1. Her on þysum geare (Здесь в этом году)^{3.1.1.}
2. Her sum. (on) feng to rice [fōn tō rīce] (Здесь [в этом году] кто-то наследовал трон (королевство, государство, империю))^{3.2.1.}
3. Her sum. forþferde, 7 sum. (on) feng to rice (Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал королевство))^{3.2.2}
4. Her sum. ofslog(on) sum. / ofsloh sum. 7 Her sum. (on) feng to rice (Здесь кто-то убил кого-то и здесь кто-то наследовал королевство)^{3.2.3.}
5. Her se eadiga Petrus se apostol gesæt bīscopsetl (Здесь Блаженный апостол Петр основал епископский престол)^{3.2.4.}
6. Her sum. feng to abbodrice (Здесь кто-то наследовал аббатство)^{3.2.5.}
7. Her sum. onfeng bīscpe / bīscpome / bīscoprice (Здесь кто-то наследовал епархию)^{3.2.6.}
8. Her sum. feng to arcebīscoprice / arcestole (Здесь кто-то наследовал архиепископство)^{3.2.7.}
9. Her sum. feng to papdome (Здесь кто-то наследовал папство)^{3.2.8.}
10. Her sum. gehalgian / (ge)halgod(e) to bīscop(e) / bīscpe (Здесь кто-то был посвящен в сан епископа)^{3.2.9.}
11. Her sum. (wæs) gehadod(e) / gehalgod to ærcebīscop (Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа)^{3.2.10.}
12. Her sum. wæs gehadod to bīscop (Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан епископа)^{3.2.11.}
13. Her sum. forþferde, 7 sum. (on)feng to rice... (Здесь кто-то умер, и кто-то наследовал...)^{3.2.12.}
14. Her sum. (wæs) gehadod(e) / gehalgod to ærcebīscop (Здесь кто-то был рукоположен (посвящен) в сан архиепископа)^{3.2.13.}
15. Her sum. fulwihte onfeng (Здесь кто-то принял крещение)^{3.3.1.}
16. Her sum. wæs gefulwad / gefulluhtud (Здесь кто-то был крещен))^{3.3.2.}

17. Her *sum. bodade fulluht* (Здесь кто-то проповедовал крещение)^{3.3.3.}
18. Her *sum. wæs ahangen* (Здесь *кто-то* был распят (повешен))^{3.3.4.}
19. Her *sum. Þrowode* «(Здесь кто-то принял мученическую смерть)^{3.3.5.}
20. Her *sum. 7 sum. gefuhton æt / on...* (Здесь кто-то и кто-то сражались в...)^{3.4.1.}
21. Her *sum. 7 sum. (ge)fuhton wið sum...* (Здесь кто-то и кто-то сражались против...)^{3.4.2.}
22. Her *aldormon gefeaht... wiþ, 7 þær micel wēl geslog 7 sige nom* (Здесь олдермен сражался с..., и здесь и там многие пали убитыми, и выиграна победа)^{3.4.3.}
23. Her *aldormon gefeaht... wiþ, 7 þær micel wēl geslog 7 sige nom* (Здесь олдермен сражался против... и здесь и там многие пали убитыми, и выиграна победа)^{3.4.4.}
24. Her *for se here of...* (Здесь армия пошла от...)^{3.4.5.}
25. Her *for se here up on, 7 þær sæt an gear* (Здесь армия направилась по, и находилась там один год)^{3.4.6.}
26. Her *se here innan 7 wintersetl namon* (Здесь армия... в, и заняла свои зимние казармы)^{3.4.7.}
27. Her *sum. forðferde* (Здесь кто-то умер)^{3.5.1.}
28. Her *sum. forþferde, 7 sum. riðade æfter him* (Здесь кто-то умер, и кто-то правил после него)^{3.5.2.}
29. Her *sum. forðferde, 7 lic liþ æt...* (Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело лежит в...)^{3.5.3.}
30. Her *sum. forðferde, 7 lic rest on...* (Здесь кто-то умер, и (его / ее) тело покоится в...)^{3.5.4.}
31. (Her) *sum. gefor* (Здесь кто-то ушел (на небеса))^{3.5.5.}
32. Her *sum. forðferde; 7 Her sum. bēon bebyrged...* (Здесь кто-то умер; и кто-то был похоронен)^{3.5.6.}

33. Her forðferde sum. on... Kalendas (Здесь кто-то умер на календы...) ^{3.5.7.}
34. Her biseop / ærcebiscop forðferde, 7 sum. feng to biseopdome (Здесь епископ / архиепископ умер, и кто-то наследовал епархию) ^{3.5.8.}
35. Her forðferde biscop, 7 sum. gehalgode to bioscope (Здесь умер епископ, и кто-то был посвящен в сан епископа) ^{3.5.9.}
36. Her forðferde ærcebiscop, 7 sum. gehalgode to ærcebioscop(e) (Здесь умер архиепископ, и кто-то был посвящен в сан архиепископа) ^{3.5.10.}
37. Her sum. ofslog(on) / ofsloh sum. (Здесь кто-то убил кого-то) ^{3.5.11}
38. (Her) sum. wæs ofslægen / man (ofslog / ofsloh) ((Здесь) кто-то был убит) ^{3.5.12.}
39. Her sunne aþiastrode (Здесь солнце померкло) ^{3.6.1.}
40. Her wæs se mona aþystrad (Здесь луна померкла) ^{3.6.2.}
41. Her on þys geare (wæs) se (miccla) hungor (Здесь в этом году (был) (страшный (сильный)) голод) ^{3.6.3.}
42. (Her on þisum geare) wæs mycel eorðbifung ofer / on (Здесь в этом году было сильное (страшное) землетрясение) ^{3.6.4.}
43. (swiðe) mycel wind(as) on... (очень сильный ветер в...) ^{3.6.5.}
44. forbearn se burch on (of)... (был сожжен город в...) ^{3.6.6.}
45. hund gæra (сотый год) ^{3.6.7.}

Примечание: первая цифра – глава; вторая – тематическая группа; третья – очередность рассмотрения.

СЛОВАРЬ ФОРМУЛ / КЛИШЕ «БИБЛИИ КОРОЛЯ ЯКОВА»

1. Land of Nod (Земля Нод) ^{3.A.1.}
2. Flesh and blood (Плоть и кровь) ^{3.A.2.}
3. Flesh pots (Котлы для варки мяса) ^{3.A.3.}
4. Firstfruits (Первые плоды (успехи) какой-либо деятельности) ^{3.A.4.}
5. Bear cross (Нести крест) ^{3.A.5.}

6. Let there be light (Да будет свет)^{3.Б.1}
7. Be fruitful and multiply (Плодитесь и размножайтесь)^{Б.2.}
8. Manna from heaven (Манна небесная)^{3.Б.3.}
9. Begat ((По)родил)^{3.В.1/3.Г.1.}
10. Behold the man (Се, Человек)^{3.В.2.}
11. Two are better than one (Двоим лучше, нежели одному)^{3.В.3.}
12. It is more blessed to give than to receive (Блаженнее давать, нежели принимать)^{3.В.4.}
13. Can the blind lead the blind? (Может ли слепой водить слепого?)^{3.В.5.}
14. From the womb to the grave (Из чрева во гроб)^{3.В.6.}

Примечание: первая цифра – глава; вторая – тип адаптации; третья – очередность рассмотрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамчик, В.В. Краткая история. Англия [Текст] / В.В. Адамчик, М.В. Адамчик, А.Н. Бадак и др. – Минск, 2003. – 607 с.
2. Арапова, Н.С. Эвфемизм [Текст] / Н.С. Арапова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 590.
3. Арсеньева, М.Г. Введение в германскую филологию : учеб. для филол. фак. [Текст] / М.Г. Арсеньева, С.П. Балашова, В.П. Берков, Л.Н. Соловьева. – М. : ГИС, 2003. – 320 с.
4. Артемова, А.Ф. Страноведение через идиоматику : учеб. пособие по англ. яз. [Текст] / А.Ф. Артемова, О.А. Леонович. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 128 с.
5. Барт, Р. Нулевая степень письма // Семиотика : антология [Текст] / Р.Барт [сост. Ю.С. Степанов]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. – С. 327–370.
6. Баскова, Ю.С. Манипуляция в языке СМИ : эвфемизмы как «слова-прикрытия» [Текст] / Ю.С. Баскова. – Краснодар : КСЭИ, 2009. – 182 с.
7. Белкина, А.В. Передача и коммуникация в исторической лингвистике [Текст] / А.В. Белкина // Наука. Технологии. Инновации : материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2012. – С. 347–351.
8. Белкина, А.В. Перенос информации в пределах одной или нескольких эпох [Текст] / А.В. Белкина // Язык и Культура : сб. материалов 1-й Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти акад. РАН, д-ра филол. наук, проф. Ю.С. Степанова, 18 мая 2012 г. – Новосибирск : Типография НГТУ, 2012. – Ч. 1. – С. 17–24.

9. Бенаус, Л. Знаки, символы и мифы [Текст] / Л. Бенаус [пер. с фр. А. Калантарова]. – М. : Астрель – АСТ, 2004. – 160 с.
10. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист [пер. с фр., вступ. ст. Ю.С. Степанова]. – М. : Прогресс, 1974. – С. 69–90.
11. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист [пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова]. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
12. Березин, Ф.М. Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX) [Текст] / Ф.М. Березин. – М. : Наука, 1968. – 310 с.
13. Берман, Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии [Текст] / Г. Дж. Берман [пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика]. – М. : Ad Marginem, 1999. – 431 с.
14. Блох, М.Я. Преобразование предложения в парадигматическом синтаксисе [Текст] / М.Я. Блох // Проблема языкознания и теории английского языка : учен.зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – Вып. 3. – М., 1978. – С. 3–25.
15. Блэк, Дж. История Британских островов [Текст] / Дж. Блэк; [пер. с англ. С.В. Иванова]. – СПб. : Евразия, 2008. – 540 [4] с.
16. Бодуэн де Куртенэ, И.А. О смешанном характере всех языков (1901) // Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ [пер. с фр.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 362–372.
17. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Очерк истории польского языка / пер. с пол. (1922) // Избранные труды по общему языкознанию [Текст] : в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ [перевод с фр.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – С. 294–310.

18. Бруннер, К. История английского языка : в 2 т. [Текст] / Карл Бруннер [пер. с англ. под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша]. – 2-е изд.– М. : Едиториал УРСС, 2003. – 720 с.
19. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский [под ред. В.М. Жирмунского]. – Л., 1940. – 648 с.
20. Викулова, Л.Г. Выбор имени как инструмент укрепления династической власти в раннем Средневековье (Франция, V–X вв.) [Текст] / Л.Г. Викулова, Е.Г. Васильева // Верхневолж. филол. вестн. – 2015. – № 2. – С. 58–64.
21. В мире английской истории [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, ассоц. британ. исследователей. [отв. ред. А.Б. Давидсон]. – Вып. 3. – М., 2003. – 408 [1] с.: [5] л. ил., портр.
22. Гамкрелидзе, Т.В. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе // Вопр. языкознания. – 1988. – № 3. – С. 5–8.
23. Гамкрелидзе, Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. [Текст] / Т.В. Гамкрелидзе, Вс. Вяч. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – 1328 с.
24. Гвоздецкая, Н.Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии [Текст] : учеб. пособие / Н.Ю. Гвоздецкая. – Иваново: ИвГУ, 1995. – 152 с.
25. Гвоздецкая, Н.Ю. Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте [Текст] / Н.Ю. Гвоздецкая, Е.А. Полякова, А.В. Вишневский, Е.Н. Пастухова, Е.А. Шилова. – Иваново: ИвГУ, 2013. – 212 с.

26. Генон, Р. Символика креста [Текст] / Р. Генон. – М. : Прогресс – Традиция, 2008. – 704 с.: илл.
27. Гимон, Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование [Текст] / Т.В. Гимон. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2011. – 696 с.
28. Гимон, Т.В. Хронологические указания Англо-Саксонской хроники : конец IX – первая половина XII в. [Текст] / Т.В. Гимон, З.Ю. Метлицкая // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год : пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г.В. Глазырина. – М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2010. – С. 331–335.
29. Глик, Джеймс. Информация. История. Теория. Поток [Текст] / Джеймс Глик [пер. с англ. М. Кононенко]. – М. : АСТ; CORPUS, 2013. – 576 с.
30. Головин, Б.Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса [Текст] / Б.Н. Головин // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С. 73–87.
31. Гудавичюс, А. О синтагматическом подходе к анализу значений [Текст] / А. Гудавичюс // «Kalbotyra», т. 38 (2). Языкознание. – 1987 (лит.).
32. Гуревич, А.Я. Средневековой мир : культура безмолвствующего большинства [Текст] / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
33. Гухман, М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант [Текст] / М.М. Гухман. – М., 1981. – 248 с.
34. Дебре, Р. Введение в медиологию [Текст] / Р. Дебре [пер. с фр. Б.М. Скуратова]. – М. : Праксис, 2010. – 368 с. – (Образ общества).

35. Дронов, П.С. Как несут крест русские, англичане или немцы : модификации фразеологического интернационализма в трех языках [Текст] / П.С. Дронов // Критика и семиотика. – 2015. – № 2 . – С. 216–227.
36. Дэниел, К. Англия. История страны [Текст] / К. Дэниел [пер. с англ. Т. Мининой]. – М., 2008. – 479 с. : ил., карты.
37. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – М. : ИЛ, 1960. – Вып. 1. – С. 264–389.
38. Жирмунский, В.М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков [Текст] / В.М. Жирмунский. – М.; Л., 1964. – 104 с.
39. Иванов, Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов) [Текст] / Н.В. Иванов. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2010. – 215 с.
40. Игнатов, В.А. Теория информации и передачи сигналов : учеб. для вузов [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.А. Игнатов. – М. : Радио и связь, 1991. – 280 с.: ил.
41. Ильиш, Б.А. История английского языка [Текст] / Б.А. Ильиш. – М. : Высш. шк., 1968. – 420 с.
42. Калыгин, В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии [Текст] / В.П. Калыгин. – М., 1986. – 126 с.
43. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры [Текст] / В.И. Карасик.– М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
44. Карпова, Е.А. Интерпретация древнеанглийского поэтического текста: опыт лингвокультурологического анализа наименований стран света в поэме «Беовульф» [Текст] / Е.А. Карпова // Раннесредневековый

текст : проблемы интерпретации / отв. ред. Н.Ю. Гвоздецкая и И.В. Кривушин. – Иваново, 2002. – С. 190–202

45. Кацев, А.М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособие [Текст] / А.М. Кацев. – Л., 1989. – 79 с.

46. Кертман, Л.Е. География, история и культура Англии : учеб. пособие для вузов [Текст] / Л.Е. Кертман. – М., 1979. – 383 [1] с. : фот.

47. Климов, Г.А. Проблема разграничения синхронии и диахронии [Текст] / Г.А. Климов // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. – М., 1973. – С. 107–119.

48. Корнеева, А.П. Английские фразеологизмы библейского происхождения в языке и речи [Текст] / А.П. Корнеева. – М., 2009. – 296 с.

49. Коссериу, Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) [Текст] / Э. Коссериу // Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М., 1963. – С. 143–343.

50. Крушельницкая, К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения [Текст] / К.Г. Крушельницкая // Вопр. языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55–67.

51. Кубрякова, Е.С. О понятиях синхронии и диахронии [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопр. языкознания. – 1968. – № 3. – С.112–123.

52. Лаптева, О.А. Нерешенные вопросы теории актуального членения [Текст] / О.А. Лаптева // Вопр. языкознания. – 1972. – № 2. – С. 35–47.

53. Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль [Текст] / К. Леви-Стросс [пер. с фр. А.Б. Островского]. – М. : Акад. проект, 2008. – 520 с. – (Философские технологии : антропология).

54. Литвина, А.Ф. Устные и письменные клише в средневековых рассказах о дохристианском прошлом [Текст] / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский // Словесные формулы славянского мира : метатеория и эмпирия / Ин-т славяноведения РАН. – М. : ПРОБЕЛ, 2006. – С. 56–69.
55. Лич, Э. Культура и коммуникация : логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии [Текст] / Э. Лич. – М., 2001. – 142 с.
56. Лорд, А.Б. Сказитель [Текст] / А.Б. Лорд [пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона; послесл. Б.Н. Путилова; ст. А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера]. – М. : Вост. лит. РАН, 1994. – 368 с.
57. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. Семиотические исследования по теории искусства [Текст] / Ю.М. Лотман. – М., 1970. – 384 с.
58. Лотман, Ю.М. Избранные статьи [Текст] / Ю.М. Лотман. Т.1–3. – Таллин, 1992.
59. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – М., 1992. – 272 с.
60. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 464 с.
61. Луман, Н. Медиа коммуникации [Текст] / Н. Луман [пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров]. – М. : Логос, 2005. – 280 с.
62. Луман, Н. Реальность масс-медиа [Текст] / Н. Луман [пер. с нем. А.Ю. Антоновского]. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
63. Луман, Н. Введение в системную теорию [Текст] / Н. Луман [под ред. Дирка Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева]. – М. : Логос, 2007. – 360 с.

64. Маковский, М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность, формы, развитие [Текст] / М.М. Маковский. – М. : Едиториал УРСС, 2008. – 280 с.

65. Метлицкая, З.Ю. Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков : дис. ... канд. ист. наук [Текст] / З.Ю. Метлицкая. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/istoricheskoe-soznanie-anglosaksonskikh-annalistov-ix-xi-vekov-po-materialam-anglosaksonskoi>

66. Муравьев, А. Сакральный язык в историко-церковной перспективе [Текст] / А. Муравьев // Журн. Моск. патриархии. – 1996. – № 7. – С. 63–65.

67. Назарчук, А.В. Теория коммуникации в современной философии [Текст] / А.В. Назарчук. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.

68. Николаева, Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции [Текст] / Т.М. Николаева // Вопр. языкознания. – 1984. – № 3. – С. 111–119.

69. Новая Скрижаль, или объяснение о церкви, литургии и всех службах и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского [Текст]. – 17-е изд. – СПб. : Изд. книготорговца И.Л. Тузова, 1908.

70. Новиков, Л.А. Семантика русского языка [Текст] / Л.А. Новиков. – М., 1982. – 272 с.

71. Остин, Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б.Ю. Городецкого. – Вып. 17. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.

72. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов. Смысл и сенсibiliи : сб. [Текст] / Дж. Остин [пер. с англ. В.П. Руднева, Л.Б. Макеевой]. – М. : Идея-Пресс, 1999. – 329 с.

73. Остин, Дж. Перформативные высказывания. Три способа пролить чернила [Текст] / Дж. Остин. – СПб., 2006. – С. 262–281.
74. Пиаже, Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение [Текст] / Ж. Пиаже // Антология [сост. Ю.С. Степанов]. – М., 2001. – 691 с.
75. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня // Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – 195 с.
76. Потебня, А.А. Символ и миф в народной культуре [Текст] / А.А. Потебня [сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова]. – М. : Лабиринт, 2000. – 184 с.
77. Проскурин, С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / С.Г. Проскурин. – М., 1990а. – 216 с.
78. Проскурин, С.Г. О значениях «правый-левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции [Текст] / С.Г. Проскурин // Вопр. языкознания. – 1990б. – № 5. – С. 37–49.
79. Проскурин, С.Г. Концептуальные системы в индоевропейском языке и культуре. Проблема «коды» и «тексты» [Текст] / С.Г. Проскурин. – М., 1999. – 243 с.
80. Проскурин, С.Г. Семиотика индоевропейской культуры : учеб. – 2-е изд., перераб. и испр. [Текст] / С.Г. Проскурин. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 234 с.
81. Проскурин, С.Г. Хранение негенетических кодов в культуре. Матрицы и творчество [Текст] / С.Г. Проскурин // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук : материалы конф. / под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Фещенко. – М.; Калуга : ИП Кошелёв А.Б. (Эйдос), 2008. – С. 105–114.

82. Проскурин, С.Г. Тематическая сеть языка и культуры [Текст] / С.Г. Проскурин // Критика и семиотика. – 2010. – Вып. 14. – С. 335–353.
83. Проскурин, С.Г. Сетевые структуры в языке и культуре [Текст] / С.Г. Проскурин // Общество сетевых структур : моногр. / под общ. ред. М.В. Ромма, И.А. Вальдмана. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. – С. 233–280.
84. Проскурин, С.Г. Древние перформативы и римское право [Текст] / С.Г. Проскурин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Право. – 2012. – Т. 8. вып. 2. – С. 285–289.
85. Проскурин, С.Г. Курс семиотики. Язык, культура, право : учеб. пособие [Текст] / С.Г. Проскурин. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2013. – 226 с.
86. Проскурин, С.Г. К вопросу перевода Библии на народные языки Европы: английская традиция = To the question of Bible translation into the peoples' languages of Europe: English tradition [Текст] / С.Г. Проскурин // Критика и семиотика. – 2014а. – № 2. – С. 247–253.
87. Проскурин, С.Г. Prof. Dr. Sergei Proskurin, Novosibirsk (Russia) Происхождение алфавитов. Origin of Alphabets (English Summary) [Текст] / / С.Г. Проскурин // Scriptura Mundi. Balkanmedia and Wulfila House. – Sofia, 2014б. – С. 74–102.
88. Проскурин, С.Г. К предыстории письменной культуры : архаическая семиотика индоевропейцев [Текст] / С.Г. Проскурин, А.С. Центнер. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2009. – 196 с.
89. Проскурин, С.Г. Жанр тулы в аспекте передачи информации (на материале рукописей «Англосаксонской хроники» и древнеанглийской поэмы «Видсид» [Текст] / С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014а. – № 7-2. – С. 164–167.

90. Проскурин, С.Г. Коммуникативное расширение формулы в поэтике индоевропейской культуры как условие ее распознавания в контексте и передачи в диахронии [Текст] / С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы 2-й междунар. науч. конф. 8–10 окт. 2014 г. – Барнаул : АлтГПА, 2014б. – С. 233–238.

91. Проскурин, С.Г. Коммуникативное расширение формулы = The communicative extention of a formula / С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина // European Social Science Journal = Европ. журнал соц. наук. – 2014в. – № 8 – 1 (47). – С. 252–257.

92. Проскурин, С.Г. Репликация мемов в культуре (на материале «Англосаксонских хроник» и английской традиции) [Текст] / С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина // Современное терминоведение в Сибири. Язык. Право. Образование. – 2014г. – С. 6–9.

93. Проскурин, С.Г. Сущность и принципы репликации культурной информации [Текст] / С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина // Язык : мультидисциплинарность научного знания : науч. альм. / под ред. О.В. Труновой. – Вып. 5. – Барнаул : АлтГПА, 2014д. – 136 с.

94. Проскурин, С.Г. Формулы и клише «Англосаксонских хроник» = Formulae and cliché of the anglo-saxon chronicle [Текст] / С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014е. – Т. 12. – № 2. – С. 66–69.

95. Проскурин, С.Г. Культурные трансферы : проблемы кодов [Текст] : коллект. моногр. / С.Г. Проскурин, А.С. Центнер, О.В. Хоцкина,

М.А. Ивлева, Б.М. Клейман, А.В. Проскурина [под ред. С.Г. Проскурина] / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015. – 224 с.

96. Проскурина, А.В. Жанр тулы и вопросы передачи информации [Текст] / А.В. Проскурина // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : сб. материалов 4-й междунар. науч.-метод. конф. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013а. – С. 141–147.

97. Проскурина, А.В. Жанр тулы как способ передачи семантической информации во времени и пространстве (на материале «Англосаксонской хроники») [Текст] / А.В. Проскурина // Критика и семиотика. – 2013б. – Вып. 2/19. – С. 85–94.

98. Проскурина, А.В. Роль англосаксонских тул в аспекте передачи информации [Текст] / А.В. Проскурина // Сиб. филол. журнал. – 2013в. – № 3. – С. 16–20

99. Проскурина, А.В. Семиотика межпоколенческой коммуникации (на материале древнеанглийской поэмы «Видение креста» («The Dream of the Rood») и монументальной надписи на Рутвельском кресте (The Ruthwell Cross) [Текст] / А.В. Проскурина // Социальные коммуникации и эволюция обществ : сб. ст. 4-й междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 11–12 сент. 2013 г.). – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013г. – С. 112–120.

100. Проскурина, А.В. Семиотические аспекты коммуникации и передачи информации (на материале древнеанглийской поэмы «Видение креста» («The Dream of the Rood») и монументальной надписи на Рутвельском кресте (The Ruthwell Cross) [Текст] / А.В. Проскурина // Проблемы языка и культуры : поликультурализм и мультилингвальность : сб. науч. ст. по материалам 2-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар.

участием (Кемерово, 10–11 окт. 2013 г.). – Кемерово : Офсет, 2013д. – С. 196–207.

101. Проскурина, А.В. Сакральная лексика древнейших рунических и нерунических кратких надписей как семиотический аспект передачи информации = Sacred lexis of the earliest runic and non-runic inscriptions as a semiotic way to transfer the information [Текст] / А.В. Проскурина // Критика и семиотика. – 2014а. – № 2. – С. 254–264.

102. Проскурина, А.В. Формулы и клише как способ передачи информации в древнеанглийский период [Текст] / А.В. Проскурина // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов 5-й междунар. науч.-метод. конф. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014б. – С. 78–88.

103. Проскурина, А.В. К вопросу об употреблении формульных выражений Библии короля Якова в современном английском языке = To the question of usage of formulae of king james' bible in the modern english language [Текст] / А.В. Проскурина, П.В. Ерёменко // Инновации в науке. – 2015. – № 42. – С. 136–141. – [Сб. ст. по материалам 42-й междунар. науч.-практ. конф.].

104. Реформатский А.А. Введение в языкознание [Текст] / А.А. Реформатский / под ред. В.А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

105. Ридли, Мэтт. Геном : автобиография вида в 23 главах [Текст] / Мэтт Ридли [пер. с англ. О. Ревы]. – М. : Эксмо, 2015. – 432 с.

106. Рябова, М.Ю. Идеологические механизмы языковой коммуникации и культуры : моногр. [Текст] / М.Ю. Рябова, О.В. Валько. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. – 160 с.

107. Санников, С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии: моногр. [Текст] / С.В. Санников. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. – 216 с.

108. Санников, С.В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века : моногр. [Текст] / С.В. Санников. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. – 212 с.

109. Слюсарева, Н.А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения [Текст] / Н.А. Слюсарева // Вопр. языкознания. – 1986. – № 4. – С. 3–15.

110. Смирницкая, О.А. Поэтическое искусство англосаксов [Текст] / О.А. Смирницкая // Древнеанглийская поэзия. – М. : Наука, 1980. – С. 171–232.

111. Смирницкая, О.А. Избранные статьи по германской филологии [Текст] / О.А. Смирницкая. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 472 с.

112. Смирнова, И. Тайная история креста [Текст] / И. Смирнова. – М. : Эксмо, 2006. – 236 с.

113. Соломоник, А.Б. Язык как знаковая система [Текст] / А.Б. Соломоник. – М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1992. – 223 с.: ил.

114. Соломоник, А.Б. Семиотика и лингвистика [Текст] / А.Б. Соломоник. – М. : Мол. гвардия, 1995. – 352 с.: ил.

115. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр [пер. с фр. А. А. Холодовича]. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.

116. Стеблин-Каменский, М.И. Миф [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский. – Л., 1978. – 104 с.

117. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 1975. – 271 с.
118. Степанов, Ю.С. Безличность и неопределенная референция [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык : система и функционирование. – М., 1988. – С. 35–44.
119. Степанов, Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 784 с. : 1 илл.
120. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской духовной культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
121. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. – 4-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003а. – 312 с.
122. Степанов, Ю.С. Смысл, абсурд и эвфемизмы [Текст] / Ю.С. Степанов // Вестн. НГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003б. – Т. 1.– Вып. 1. – С. 7–10.
123. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – 992 с.
124. Степанов, Ю.С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия [Текст] / Ю.С. Степанов, С.Г. Проскурин. – М. : Наука, 1993. – 158 с.
125. Тацит, К. Анналы. Малые произведения [Текст] / К. Тацит [пер. с лат. А. С. Бобовича; под ред. Я.М. Боровского и М.Е. Сергеенко]. – М. : АСТ; Астрель, 2010. – 505 [7] с.
126. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке [Текст] / В.Н. Телия. – М., 1981. – 269 с.

127. Толстой, Н.И. О природе бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский [Текст] / Н.И. Толстой // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 169–183.

128. Трубачев, О.Н. Славистический комментарий к реконструкции индоевропейской и культурной древности [Текст] / О.Н. Трубачев // Материалы Всесоюз. конф. «Теория лингвистической реконструкции» АН СССР. – М., 1987.

129. Уфимцева, А.А. Семантика слова [Текст] / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 5–80.

130. Федоров, Ю.А. Образ Креста. История и символика православных нагрудных крестов [Текст] / Ю.А. Федоров. – СПб., 2000. – 109 с.

131. Феоктистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени [Текст] / Н.В. Феоктистова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. – 210 с.

132. Фещенко, В. В. Autoroetica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики [Текст] / В. Фещенко // Семиотика и Авангард : антол. / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин; под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Акад. проект; Культура, 2006. – С. 54–122.

133. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас. – СПб., 2000. – 380 с.

134. Шапошникова, И.В. История английского языка : учеб. пособие [Текст] / И.В. Шапошникова. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2009. – 506 с.

135. Шатин, Ю.В. Три функции семиотики письма [Текст] / Ю.В. Шатин // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук : материалы конф. / под ред. Ю.С. Степанова, В.В. Фещенко. – М.; Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Эйдос), 2008. – С. 76–80.
136. Шекспир, В. Юлий Цезарь [Текст] / Вильям Шекспир [пер. И.Б. Мандельштама] // Избранные произведения. – М.; Л. : ГИХЛ, 1950.
137. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М., 1973. – 783 с.
138. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур.– М., 1974. – 255 с.
139. Эванс-Притчард, Э. Теории примитивной религии [Текст] / Э. Эванс-Притчард [пер. с англ. А.А. Казанкова, А.А. Белика; коммент. и послесл. А.А. Казанкова]. – М. : ОГИ, 2004. – 142 [2] с.
140. Элиаде, М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий [Текст] / М. Элиаде [пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова]. – М.: Акад. проект, 2008. – 622 с.
141. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.О. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
142. Якобсон, Р.О. Избранные работы [Текст] / Р.О. Якобсон. – М., 1985. – 460 с.
143. Яковенко, Е.Б. История и типология переводов Библии на германские языки [Текст] / Е.Б. Яковенко // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – Т. 2, вып. 1. – С. 11–20.

144. Янушкевич, И.Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры: моногр. [Текст] / И.Ф. Янушкевич. – Волгоград: Науч. изд-во, 2009. – 489 с.
145. Ярцева, В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. [Текст] / В.Н. Ярцева. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
146. Blair, P. H. Roman Britain and Early England 55 B. C. – A. D. 871. [Text] / P.H. Blair. – L. : Sphere books, 1969. – 309 p.
147. Bonser, W. The medical background of Anglo-Saxon England. A study in history, psychology, and folklore [Text] / W. Bonser. – L. : Meyer, 1949. – 448 p.
148. Cronan, D. Poetic Meaning in the Old English Poetic Vocabulary [Text] / D. Cronnan // English Studies 84. – 2003. – P. 397–425.
149. Cronan, D. Poetic Words, Conservatism, and the Dating of Old English Poetry [Text] / D. Cronnan // Anglo-Saxon England 33. – 2004. – P. 23–50.
150. Crystal, D. The Stories of English [Text] / D. Crystal. – L. : Penguin books, 2004. – 565 p.
151. Crystal, D. Begat the King James Bible and the English Language [Text] / D. Crystal. – Oxford, 2010. – 327 p.
152. Dunphy, R. G. Orality [Text] / R. G. Dunphy // Early Germanic Literature and Culture / ed. by Brian Murdoch and Malcolm Read. – Camden House, 2004. – P. 103–120.
153. Düwel, K. Runic // Early Germanic Literature and Culture [Text] / K. Düwel [ed. by Brian Murdoch and Malcolm Read]. – Camden House, 2004. – 183 p.

154. Eliade, M. A History of religious ideas / from the Stone Age to the Eleusinian Mysteries [Text] / M. Eliade. – Chicago : University of Chicago Press, 1978. – 220 p.
155. Fortson, B.W. Indo-European Languages and Culture : An Introduction [Text] / B.W. Forston. – Blackwell Publishing, 2004. – 468 p.
156. Fowler, R. Old English prose and verse [Text] / R. Fowler. – L. : Routledge and Kegan Paul, 1966. – 167 p.
157. Fulk, R.D. An Introduction to Middle English grammar [Text] / R.D. Fulk. – Peterborough, Ont.: Broadview Press, 2012 – 500 p.
158. Fulk, R.D. A History of Old English Literature [Text] / R.D. Fulk, C.M. Cain, R.S. Anderson. – Blackwell Publishing, 2003. – 346 p.
159. Greenfield, S.B. A critical history of old English literature [Text] / S.B. Greenfield. – N. Y. univ. press, 1965. – 237 p.
160. Grimm, J. Deutsche Mythologie [Text] / Grimm J. – Göttingen, 1844–1854. – Bd. 1, 2.
161. Haas, W. On defining linguistic units [Text] / W. Haas // Transactions of the Philological Society. – Oxford, 1954. – P. 54–84.
162. Keiser, A. The influence of Christianity on the vocabulary of old English poetry [Text] / A. Keiser. – Urbana : Univ. of Illinois, 1919. – 151 p.
163. Kennedy, C.W. The earliest English poetry [Text] / C.W. Kennedy. – L. : Oxford univ. press, 1943. – 375 p.
164. Kennedy, C. W. Early English Christian Poetry [Text] / Kennedy Ch. W. N. Y.; Oxford : Galaxy book, university press, 1963. – 424 p.
165. Marle, J. van. On the paradigmatic dimension of morphological creativity [Text] / J. van Marle. – Dordrecht, 1985. – 228 p.

166. Minor. *The Anglo-Saxon Minor Poems* [Text] / Minor / ed. by E. Van Kirk Dobbie. – N. Y., 1942. – 220 p.
167. Mitchell, B. *An Invitation to Old English and Anglo-Saxon England* [Text] / B. Mitchell. – Wiley-Blackwell, 1995. – 424 p.
168. Niles, J.D. *Old English Enigmatic Poems and the Play of the Texts* [Text] / J.D. Niles. – Brepols Publishers, 2006. – 330 p.
169. Parkers, M.B. *Rædan, Areccan Smeagan : How the Anglo-Saxons Read* [Text] / M.B. Parkers. – Anglo-Saxon England, 1997. – P. 1–22.
170. Peirce, Ch.S. *Collected Writings (8 Vols.)* [Text] / Ch.S. Peirce. – Cambridge, 1933.
171. Peirce, Ch.S. *Logic as Semiotics: The Theory of Signs* [Text] / Ch.S. Peirce // *Semiotics: Introductory Anthology* (Ed. R. Innis). – Bloomington, 1985. – P. 4–23.
172. Polomé, E.C. *Indo-European culture with special attention to religion* [Text] / Ed. by E.C. Polomé // *The Indo-Europeans in the fourth and third Millennia*. – Ann. Arbor, 1982. – P. 156–172.
173. Proskurin, S.G. *The role of matrices in preserving non-genetic data* [Text] / S.G. Proskurin // *Semiotica*. Vol. 2010, Iss. 182. – P. 397–408.
174. Proskurin, S.G. *The evolutionary semiotic row* [Text] / S.G. Proskurin // *Why Semiotics?: 38 annu. meet. of the semiotic soc. of America, USA, Dayton, 24–27 Oct. 2013a*. – [USA], 2013. – P. 35.
175. Proskurin, S.G. *To the question of a topical network of language and culture* [Text] / S.G. Proskurin // *Semiotics 2012 : semiotics and the new media: proc. of the 37 annu. meet, Ottawa, Canada, 1–4 Nov. 2012*. – Ottawa: Legas, 2013b. – P. 125–132.

176. Proskurin, S.G. Semiotics and the ABC Principle [Text] / S.G. Proskurin // *Semiotics 2013 : why semiotics?* / eds. : J. Pelkey, L. G. Sbrocchi. – Legas Publ., 2014. – P. 67–80.
177. Riedinger, A. The Old English Formula in Context [Text] / A. Reidinger // *Speculum*. – Vol. 60, No. 2, Apr., 1985. – P. 294–317.
178. Riedinger, A. The formulaic style in the Old English Riddles [Text] / A.Riedinger // *Studia Neophilologica*. – Vol. 76, Iss. 1. – 2006. – P. 30–43.
179. Robison, F. Old English [Text] / F.Robison // *Early Germanic Liturature and Culture* ed. by Brian Murdoch and Malcolm Read. – Camden House, 2004. – P. 205–233.
180. Schmitt, R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit [Text] / R. Schmitt. – Wiesbaden : Otto Harassowitz, 1967. – 300 p.
181. Shakespeare, W. Julius Caesar [Text] / W. Shakespeare // *The complete works of William Shakespeare*. – Ware, 2007. – P. 582–610.
182. Sisam, K. Studies in the history of Old English literature [Text] / K. Sisam. – Oxford, Clarendon press, 1953. – 314 p.
183. Watkins, C. Linguistic and archeological light on some Homeric formulas [Text] / C. Watkins // *Proto-Indo-European : the archeology of linguistic problem studies in honour of Maria Gimbutas* / ed. Susan Nacer Scomal, E. C. Polome. – Washington, 1987.
184. Watkins, C. How to kill a dragon. Aspects of Indo-European poetics [Text] / C. Watkins. – Oxford university press, 1995. – 640 p.
185. Waugh, R. Literacy, Royal Power, and King-Poet Relations in Old English and Old Norse Compositions [Text] / R. Waugh // *Comparative Literature*. – 1997. – Vol. 49, No. 4, Autumn. – P. 289–315.

186. West, M.L. Indo-European Poetry and Myth [Text] / M.L.West. – OUP, 2007. – 525 p.

187. Whitelock, D. The beginnings of English society [Text] / D. Whitelock. – Penguin, Harmondsworth, Middlesex, 1952. – 256 p.

СПИСОК АНАЛИЗИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИХ ПЕРЕВОДОВ

1. Англосаксонская хроника [Текст] / [пер. с др.-англ. З.Ю. Метлицкой]. – СПб.: Евразия, 2010. – 282 с.

2. Библия [Текст] / Рос. Библейское о-во, 2008. – 1296, XXXII с.

3. Anglo-Saxon Poesia. Widsith. – Режим доступа : <http://sagaland.blogspot.ru/2007/04/anglo-saxon-poesa>

4. Baker, Peter S. Introduction to Old English [Text] / Peter S. Baker. – Malden, MA: Blackwell Pub., 2007. – 416 p.

5. Bible Hub. Online Bible Studi suite. – Режим доступа : <http://biblehub.com>

6. [bnc] British National Corpus. – Режим доступа : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

7. Corpus of Contemporary American English (COCA). – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/coca/>

8. The Anglo-Saxon Chronicle : An Electronic Edition (Vol 5) literary edition. – Режим доступа : [httpasc.jebbo.co.uk/bb-L.html](http://asc.jebbo.co.uk/bb-L.html)

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 452 с.

2. Большая советская энциклопедия [Текст]. – 2-е изд. – Т. 12.– М. : Сов. энцикл., 1952. – 636 с.: илл.; 60 л. ил. и карт.
3. БЭС – Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., СПб. : Ленингр. галерея, 1993. – 1632 с.
4. Иглз, Р. История Англии, подробный справочник по истории [Текст] / Р. Иглз при содействии Эндрю Диксона. – М.: Астрель – АСТ, 2010. – 294 с.
5. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 683 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст]/ гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с.
7. Маковский, М.М. Историко-этимологический словарь английского языка [Текст] / М.М. Маковский. – М. : Диалог, 1999. – 416 с.
8. ОРАС – Оксфордский русско-английский словарь [Текст] / сост. М. Уиллер. – М.: Баркалая и К°, 1994. – 913 с.
9. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Спец. изд. для СССР [Текст] : в 2 т. – М. : Рус. яз., 1982. – Т. 1. – А–L. – 544 с.
10. A Concise Anglo-Saxon Dictionary / John R. Clark Hall, Second Edition, 1916. – Режим доступа : http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_clarkhall_about.html
11. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. – Режим доступа : http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_bosworthtoller.html
12. COED – Concise Oxford English Dictionary [Text]. – Oxford : Wordsworth Reference, 2011. – 1095 p.
13. Etymological Dictionary. – Режим доступа : <http://www.etymonline.com/index.php>.

14. Holthausen, F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch [Text] / F. Holthausen. – Heidelberg, 1974. – S. 428.

15. Macmillan Dictionary. – Режим доступа :
<http://www.macmillandictionary.com/>